

№ 3 (32)
2015

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних
дел Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
А.С. Бахта,
д-р юрид. наук, профессор

Заместитель
главного редактора
А.Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь
А.А. Осадчий

Члены редколлегии:
Е.Ю. Антонова,
д-р юрид. наук, доцент;
И.М. Антонов,
канд. юрид. наук, доцент;
Д.А. Баринов,
канд. юрид. наук, доцент;
В.Н. Бойко,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, профессор;
Л.Н. Древаль,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор
(г. Москва);
М.Н. Зинятова,
канд. филос. наук, доцент;
В.В. Кулыгин,
д-р юрид. наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовное право и криминология

Антонова Е.Ю. Система наказаний и иных мер уголовно-правового характера в отношении юридических лиц и иных коллективных образований: теоретическая модель / 5

Волкова Н.П. Мотив преступления как объективное отражение субъективного / 15

Административное право

Ковалева И.В. Проблемы административно-правовой защиты граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака в России: история и современность / 22

Криминалистика. Оперативно-розыскная деятельность

Пудовиков А.С. Проблемы установления личности обвиняемого в процессе расследования преступлений / 30

Серебрянникова М.В. Особенности расследования хищений денежных средств при получении социальных выплат / 34

Веснина С.Н., Жидкова Е.В. Особенности подготовки и тактики допроса при расследовании хищений в сфере строительства / 43

Васильева М.А. Особенности производства допроса при расследовании незаконных рубок лесных насаждений / 49

Степанов М.Е. Особенности следственного эксперимента при расследовании убийств, скрытых инсценировкой / 53

Прутовых В.В. К вопросу о необходимости единства медико-юридической терминологии при оценке степени вреда, причиненного здоровью человека / 58

Хомик Э.В. Общие вопросы применения письменной речи при производстве следственных действий / 65

Нефедьев А.С. К вопросу о влиянии времени на раскрытие и расследование убийств прошлых лет / 70

Проблемы высшей школы

Татицина Т.Г., Галкина Н.Ю. Социально-психологические детерминанты осуществления профессиональной деятельности сотрудниками органов внутренних дел / 76

Кожина Ю.Г. Использование ресурсов содержания дисциплин гуманитарного цикла в целях профилактики профессиональной деформации сотрудника ОВД в процессе обучения в вузе / 82

В.Ф. Лигута,
канд. пед. наук, профессор;
Н.Е. Мерецкий,
д-р юрид. наук, профессор;
С.В. Сунрун,
канд. юрид. наук, доцент;
М.А. Тулиглович,
канд. юрид. наук, доцент;
С.Ю. Ударцев,
канд. юрид. наук, доцент;
Н.А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор
(г. Владивосток)

Редактор
Е.Ю. Колобанова
Корректор
Н.Б. Хохлова

*Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
ПИ № ФС77-37942
от 5 ноября 2009 г.*

Публикуемые материалы
отражают точку зрения автора,
которая может не совпадать
с мнением редколлегии

Плата с авторов за публикацию
рукописей не взимается.
Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 23.09.2015.
Бум. офис. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 13,0.
Тираж 300 экз. Заказ № 90.
Цена свободная.
Подписной индекс 83731.

Дальневосточный юридический
институт МВД России.
Редакционно-издательский
отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: redactor80@gmail.com;
vestnikdvui@yandex.ru
Тел. (4212) 46-52-17
Тел./факс: (4212) 46-52-06

© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России, 2015

Павлова Я.А. Значение исторического опыта для организа-
ции профессиональной подготовки в вузах МВД России / **89**
Зинятова М.Н. Философия в системе образования Франции и
США: сравнительный анализ / **95**

Страницы истории

Шабельникова Н.А. Деятельность дальневосточной мили-
ции по охране правопорядка и борьбе с преступностью в
1920-е годы / **103**

Информация для авторов / 112

№ 3 (32)
2015

VESTNIK

of Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russia

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher -
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russia

Editorial board:

Editor-in-Chief

A.S. Bakhta,

Doctor of Law, professor

Deputy Editor-in-Chief

A. N. Deryuga,

Doctor of Law, associate professor

Executive Secretary

A.A. Osadchy

Editorial staff:

E.U. Antonova,

Doctor of Law, associate professor;

I.M. Antonov,

*Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;*

D.A. Barinov,

*Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;*

V.N. Boiko,

Doctor of Law, professor;

N.N. Deryuga,

Doctor of Law, professor;

L.N. Dreval,

Doctor of Law, professor;

N.N. Egorov,

*Doctor of Law, professor
(Moscow);*

M.N. Zinyatova,

*Kandidat nauk degree in Philosophy,
associate professor;*

V.V. Kuligin,

Doctor of Law, professor;

CONTENTS

Criminal law and criminology

Antonova E.Y. System of penalties and other measures of criminal law to legal persons and other collective entities: theoretical models / 5

Volkova N.P. The motive of the crime as an objective reflection of the subjective / 15

Administrative law

Kovaleva I.V. Problems administrative and legal protection of citizens from exposure to environmental tobacco smoke and consequences of tobacco consumption in Russia: past and present / 22

Criminalistics. Detective activity

Pudovikov A.S. The problem of identification of the accused during the investigation of crimes / 30

Serebryannikova M.V. Features of investigation of plunders of money when receiving social payments / 34

Vesnina S.N., Zhidkova E.V. Peculiarities of preparation and tactics of interrogation in the investigation of theft in the construction industry / 43

Vasilyeva M.A. Peculiarities of interrogation at investigating illegal forest cutting / 49

Stepanov M.E. Features investigative experiment at homicide hidden dramatization / 53

Prutovyyh V.V. The question of whether the unity of the medico-legal terminology in assessing the degree of harm caused to human health / 58

Khomik E.V. Common questions of application in the production of written language investigation / 65

Nefedyev A.S. On the matter of the influence of time on the investigation of murders of last years / 70

Problems of a Higher School

Tatidinova T.G., Galkina N.Y. Social and psychological determinants of the implementation the professional activity by the police officer / 76

Kozhina J.G. Use of content resources of humanities for the purposes of prevention of law enforcement officer's professional deformation in the process of their training at colleges / 82

V.F. Liguta,
Kandidat nauk degree in Pedagogy,
professor;

N.E. Meretsky,
Doctor of Law, professor;

S.V. Suprun,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;

M.A. Tuliglovich,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;

S.U. Udartsev,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;

N.A. Shabelnikova,
Doctor of History, professor
(Vladivostok)

Managing editor

E.U. Kolobanova

Proofreader

N.B. Khokhlova

*The edition is registered in the
Federal Service for communica-
tion, informational technologies
and media control:*

*Registration certificate
ПИ № ФС77-37942
of November, 5, 2009.*

The opinions of the authors may
not always coincide with the
editorial board's point of view.

The publication is free.
Manuscripts are not returned.

Signed for press on 23.09.2015.
Format 60x84 1/8. Size 13,0 printer
sheets. Circulation 300 copies.
Order № 90.
Free price.
Subscription index 83731.

Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russia. Editorial office.
Printing House.
15, Kazarmenny pereulok,
Khabarovsk, 680020

E-mail: redactor80@gmail.com;
vestnikdvui@yandex.ru
tel. (4212) 46-52-17
tel./fax: (4212) 46-52-06

© Far Eastern Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of the
Russia, 2015

Pavlova Y.A. Importance of historical experience educational
institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia / **89**

Zinyatova M.N. Philosophy in the educational systems of France
and USA: comparative analysis / **95**

Pages of History

Shabelnikova N.A. Far Eastern militia's activity for protection
fight against crime in 1920th / **103**

Information for authors / 112

УДК 343.221.51

**СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО
ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ИНЫХ
КОЛЛЕКТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ**

Елена Юрьевна Антонова, заведующий кафедрой Хабаровской государственной академии экономики и права доктор юридических наук, доцент

E-mail: antonovy@yandex.ru

В настоящей статье представлена теоретическая модель системы наказаний и иных мер уголовно-правового характера в отношении юридических лиц. Данная система включает в себя исчерпывающий перечень уголовных наказаний, которые могут быть применимы к коллективному субъекту преступления. По мнению автора, в отношении юридического лица, совершившего преступление (коллективного субъекта преступления), допустимо применение иных мер уголовно-правового характера вместо наказания или наряду с наказанием, а в отношении коллективного образования, не имеющего статуса юридического лица (т.е. организации, не способной стать субъектом преступления), – без совершения преступления.

Ключевые слова: коллективный субъект преступления; коллективные образования; система наказаний; иные меры уголовно-правового характера; квазиуголовные (административно-уголовные) санкции.

**SYSTEM OF PENALTIES AND OTHER MEASURES OF CRIMINAL
LAW TO LEGAL PERSONS AND OTHER COLLECTIVE ENTITIES:
THEORETICAL MODELS**

Elena Yurievna Antonova, chair head of the Khabarovsk State Academy of Economics and Law Doctor of Law, associate professor

This article presents a theoretical model of the system of penalties and other measures of criminal law in relation to legal persons. This system includes an exhaustive list of criminal penalties that can be applied to a collective subject of the crime. The author believes that in the case of a legal person who has committed a crime (the collective subject of the offense), allowed the use of other measures of criminal law instead of punishment or in addition to punishment, and in respect of collective education, not having the status of a legal person (organization not capable of becoming the subject of the offense) – without committing a crime.

Keywords: collective subject of the offense; collective entities; the penal system; other measures of criminal law; kvazicriminal (administrative-criminal) sanctions.

Наказание является важной составной частью и этапом реализации уголовной ответственности. Именно в наказании как реальном претерпевании негативных последствий совершения преступления наиболее ярко проявляется сущность уголовной ответственности и происходит наиболее полная реализация [8, с. 29]. Поэтому в случае установления корпоративной (коллективной) уголовной ответственности возникнет необходимость в разработке системы наказаний, а также иных мер уголовно-правового ха-

рактера, которые могут быть применены к корпоративным (коллективным) образованиям.

В XIX в. французский юрист Местр писал о том, что из наказаний к юридическим лицам могут применяться: смертная казнь, т.е. прекращение существования, роспуск, закрытие; из лишений свободы – изгнание, высылка, запрещение пребывать в известных местностях; из лишений прав – лишение тех прав, которые им были предоставлены, например лишение права участвовать в выборах, быть наследником, получать имущество на основании дарения и др. [15, с. 375].

В проекте УК РФ 1992 г. предлагалось применять в отношении юридических лиц такие наказания, как возложение обязанности загладить причиненный вред, штраф и приостановление деятельности юридического лица. В проекте УК РФ 1994 г. к основным видам наказаний относились штраф, запрещение заниматься определенной деятельностью, ликвидация юридического лица, а к дополнительным – запрещение заниматься определенной деятельностью, конфискация имущества.

В научной литературе встречаются и иные предложения относительно системы наказаний для юридических лиц. Так, И.В. Ситковский считает целесообразным закрепить в законе следующую систему уголовных наказаний для коллективных субъектов преступления: штраф; запрещение заниматься определенной деятельностью; ликвидацию юридического лица, его филиала (представительства), иного структурно обособленного подразделения; конфискацию; предупреждение; публикацию (полностью или в части) приговора суда за счет юридического лица в СМИ, определяемых законом [14, с. 8-9; 174-187].

В систему уголовных наказаний И.В. Ситковский включил такое традиционно административное наказание, как предупреждение, которое, по его мнению, призвано выражать отрицательную оценку преступного поведения юридического лица.

Введение предупреждения как вида уголовного наказания в отношении юридических лиц предлагается и авторами проекта № 750443-6 Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц», внесенного на рассмотрение в Государственную Думу РФ 23 марта 2015 г. В статье 96.9 указанного законопроекта сказано, что предупреждение есть официальное публичное порицание юридического лица и предостережение его о недопустимости впредь совершения преступления. Приговор, предусматривающий предупреждение, подлежит опубликованию в одном из официальных печатных изданий.

Полагаем, что уже сам факт назначения уголовного наказания коллективному субъекту есть отрицательная оценка его общественно опасной деятельности. К тому же уголовное наказание заключается в лишении прав и свобод лица, признанного виновным в совершении преступления (ст. 43 УК РФ). Такая же мера, как предупреждение, сохраняет за виновным его права и свободы, а соответственно, делает бессмысленным применение уголовно-правового воздействия.

По мнению С.И. Карибова, в качестве основного вида наказания для юридических лиц следует применять ликвидацию, в качестве дополнительного – публичное уведомление о преступном характере своего деяния, а в качестве как основных, так и дополнительных – возмещение материального ущерба, штраф, запрещение осуществлять определенные виды деятельности либо осуществлять деятельность на определенной территории, конфискацию, помещение под судебный надзор, запрещение деятельности одного или нескольких обособленных подразделений [6, с. 177-178].

Установление такого вида наказания, как возмещение материального ущерба, представляется нецелесообразным, т.к. возмещение ущерба носит компенсационный, а не карательный характер и традиционно относится к гражданско-правовой форме воздействия на лицо, причинившее ущерб (вред).

Л.А. Абашина предлагает применять к юридическому лицу в качестве основного наказания его ликвидацию, дополнительного – афиширование судебного постановления в СМИ. Штраф и запрещение заниматься определенной деятельностью, по ее мнению, могут быть и основным, и дополнительным наказанием [1, с. 24-27].

К видам наказаний, применимых к юридическим лицам, Р.В. Минин относит штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, ликвидацию [10, с. 177].

Считаем, что систему уголовных наказаний нельзя ограничивать узким их перечнем, поскольку только широкий выбор видов наказаний способен обеспечить соблюдение принципа индивидуализации наказания в процессе его назначения. Кроме того, система должна предусмотреть такие виды наказаний, которые будут эффективнее воздействовать на коллективные субъекты, совершившие преступления, обеспечивая восстановление социальной справедливости и предупреждение совершения новых преступлений.

На наш взгляд, в Российской Федерации в случае установления коллективной уголовной ответственности юридические лица, признанные виновными в совершении преступления, могут быть подвергнуты следующим видам наказаний:

- помещение под судебный контроль;
- лишение права заниматься определенной деятельностью;
- закрытие предприятия (филиала, представительства) юридического лица, использовавшегося для совершения инкриминируемого деяния;
- конфискация имущества;
- штраф;
- ликвидация юридического лица.

Представленная система наказаний, по нашему мнению, отвечает всем необходимым требованиям. Во-первых, на основании принципа законности она включает в себя исчерпывающий перечень уголовных наказаний, которые могут быть применимы к коллективному субъекту преступления. Это означает, что в случае законодательной регламентации коллективной уголовной ответственности суды будут обязаны неукоснительно придерживаться только этого перечня и не смогут применять наказания, не указанные в приведенной системе. Во-вторых, данные наказания расположены в определенной, иерархически заданной последовательности (от наиболее мягкого наказания к наиболее строгому наказанию). Такой подход, как справедливо указывается в научной литературе, отражает принцип экономии репрессии, ориентируя правоприменителя на первоочередное использование менее строгого вида наказания [5, с. 180]. В-третьих, данная система содержит разнообразные виды наказаний, способные адекватно воздействовать на коллективные субъекты, совершившие преступления. Разнообразие видов наказаний позволит учесть все обстоятельства содеянного в процессе их назначения.

Перечисленные виды уголовных наказаний, применимых к коллективным субъектам преступления, можно условно подразделить на три группы:

1) наказания, направленные на ограничение финансовых (экономических) интересов коллективного субъекта преступления (закрытие предприятия [филиала, представительства] юридического лица, использовавшегося для совершения инкриминируемого деяния, штраф, конфискация имущества);

2) наказания, направленные на ограничение прав коллективного субъекта преступления (лишение права заниматься определенной деятельностью, помещение под судебный контроль);

3) исключительная мера наказания (ликвидация юридического лица). Исключительность данной меры обусловлена тем, что данный вид наказания может быть назначен только за ограниченный круг преступлений (на наш взгляд, это преступления против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности, экологические преступления, преступления против основ конституционного строя и

безопасности государства, мира и безопасности человечества) и только в случаях, когда иные меры наказания не способны обеспечить достижение целей наказания.

Считаем, что к **основным наказаниям** следует отнести закрытие предприятия (филиала, представительства) юридического лица, использовавшегося для совершения инкриминируемого деяния, помещение под судебный контроль, ликвидацию юридического лица. В качестве **дополнительного наказания** может выступать конфискация имущества. Лишение права заниматься определенной деятельностью и штраф можно применять в качестве **как основных, так и дополнительных видов наказаний**.

Такое наказание, как *помещение под судебный контроль*, должно осуществляться только в отношении той деятельности, в процессе которой было совершено преступление. Юридическое лицо может быть помещено под судебный контроль на срок от одного года до пяти лет.

Наказание в виде *лишения права заниматься определенной деятельностью* состоит в установлении запрета заниматься отдельными видами деятельности, заключать определенные сделки, выпускать акции или другие ценные бумаги, получать государственные дотации, льготы и преимущества от государства. Данное наказание может быть ограничено определенной территорией и устанавливается на срок от одного года до пяти лет в качестве основного вида наказания и на срок от шести месяцев до трех лет в качестве дополнительного вида наказания.

Лишение права заниматься определенной деятельностью может назначаться в качестве дополнительного вида наказания и в случаях, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве наказания за соответствующее преступление, если с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления суд признает невозможным сохранение за юридическим лицом права заниматься определенной деятельностью.

Закрытие предприятия (филиала, представительства) юридического лица, использовавшегося для совершения инкриминируемого деяния, заключается в закрытии структурных подразделений юридического лица, на которых осуществлялась его преступная деятельность.

Конфискация имущества состоит в принудительном безвозмездном изъятии и обращении в собственность государства всего или части имущества юридического лица. Полная конфискация имущества юридического лица, на наш взгляд, допустима только в случае его ликвидации.

Под *штрафом* понимается денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных Уголовным кодексом РФ. Регламентируя данный вид наказания, следует учитывать тот факт, что чаще всего «максимальные пределы штрафа довольно низки по сравнению с незаконно полученной прибылью корпорации. Корпорации гораздо выгоднее уплатить штраф (например, при выпуске недоброкачественного продукта), чем перестраивать производство, что требует значительных финансовых затрат» [4, с. 38]. Поэтому цель применения штрафа, на наш взгляд, заключается не в том, чтобы достичь возможно большего дохода, а в том, чтобы вынудить предприятие прекратить общественно опасную деятельность. При этом законодателю можно предложить два варианта решения вопроса о размере штрафа, назначаемого юридическому лицу.

Первый вариант: размер штрафа можно установить в минимальных размерах оплаты труда, как это было до принятия и вступления в силу Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Как справедливо указывают ведущие российские ученые (Ю.В. Голик, С.В. Землюков, Н.Г. Иванов, Л.В. Иногамова-Хегай, В.С. Комиссаров, В.П. Коняхин, А.И. Коробеев, Н.А. Лопашенко, В.А. Якушин, П.С. Яни, Б.В. Яценко), использование абсолютных величин при определении размера штрафа в условиях нестабильной экономики и перманентной инфляции означает, что законодатель регулярно, чуть ли не ежемесячно, должен изменять редакции более 30% статей Уголовно-

го кодекса. Это объективно невозможно, поскольку у законодателя и без этих «мелких» вещей вполне достаточно забот [13].

Второй вариант: размер штрафа может быть пропорциональным размеру причиненного ущерба или размеру извлеченного дохода, полученного юридическим лицом в результате совершения преступления, например кратным за преступление небольшой тяжести, двукратным за преступление средней тяжести, троекратным за тяжкое преступление, четырехкратным за особо тяжкое преступление.

Представляется предпочтительным второй вариант, поскольку он даст возможность суду учесть при назначении наказания характер и степень общественной опасности совершенного преступления, размер причиненного ущерба и денежный эквивалент доходов, полученных юридическим лицом в результате совершения преступления, а также финансово-экономическое положение юридического лица.

В случае злостного уклонения юридического лица от уплаты штрафа он должен заменяться, по нашему мнению, конфискацией имущества [2, с. 33-37].

Ликвидация юридического лица влечет прекращение его деятельности без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим лицам. По нашему мнению, не допустима ликвидация юридических лиц, осуществляющих деятельность в социально значимых сферах, а также созданных федеральным законом или указом Президента РФ (например, Пенсионный фонд РФ, Фонд обязательного медицинского страхования РФ, Агентство по реструктуризации кредитных организаций, ФГУП «Рособоронэкспорт», ФГУП «Российская телевизионная радиовещательная сеть», Федеральное военное мемориальное кладбище и т.п.).

Порядок ликвидации юридического лица предусмотрен в ст. 61-65 ГК РФ. Поэтому в случае, когда суд в уголовно-правовом порядке выносит приговор о ликвидации юридического лица, сам порядок осуществления данной процедуры должен, на наш взгляд, соответствовать гражданскому законодательству.

В настоящее время возможность ликвидации юридических лиц предусмотрена федеральными законами от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»; от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Так, статья 44 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ к основаниям ликвидации общественного объединения и запрета его деятельности относит:

- нарушение общественным объединением прав и свобод человека и гражданина;
- неоднократные или грубые нарушения общественным объединением Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов или иных нормативных правовых актов либо систематическое осуществление общественным объединением деятельности, противоречащей его уставным целям;
- неустранение в срок, установленный федеральным органом государственной регистрации или его территориальным органом, нарушений, послуживших основанием для приостановления деятельности общественного объединения.

Ликвидация общественного объединения по решению суда означает запрет на его деятельность независимо от факта его государственной регистрации.

В соответствии со ст. 14 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ религиозные организации могут быть ликвидированы по решению суда в случае неоднократных или грубых нарушений норм Конституции РФ, настоящего федерального закона и иных федеральных законов либо в случае систематического осуществления религиозной организацией деятельности, противоречащей целям ее создания (уставным целям). Основаниями для ликвидации религиозной организации и запрета на деятельность религиозной организации или религиозной группы в судебном порядке являются:

- нарушение общественной безопасности и общественного порядка;

- действия, направленные на осуществление экстремистской деятельности;
- принуждение к разрушению семьи;
- посягательство на личность, права и свободы граждан;
- нанесение установленного в соответствии с законом ущерба нравственности, здоровью граждан, в том числе использованием в связи с их религиозной деятельностью наркотических и психотропных средств, гипноза, совершением развратных и иных противоправных действий;
- склонение к самоубийству или к отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии;
- воспрепятствование получению обязательного образования;
- принуждение членов и последователей религиозного объединения и иных лиц к отчуждению принадлежащего им имущества в пользу религиозного объединения;
- воспрепятствование угрозой причинения вреда жизни, здоровью, имуществу, если есть опасность реального ее исполнения, или применения насильственного воздействия, другими противоправными действиями выходу гражданина из религиозного объединения;
- побуждение граждан к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей и совершению иных противоправных действий.

Статья 51 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ устанавливает, что в случаях непринятия юридическими лицами, занятыми деятельностью в сфере торговли (услуг), мер, указанных в обязательном для исполнения предписании органа по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в связи с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ в помещениях юридических лиц либо иным неоднократным нарушением законодательства РФ об обороте наркотических средств или психотропных веществ в помещениях указанных юридических лиц эти юридические лица по решению суда могут быть ликвидированы. Этим же законом предусмотрена возможность ликвидации юридического лица, осуществляющего финансовые операции в целях легализации (отмывания) доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ.

На основании ст. 9 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ общественное или религиозное объединение либо иная организация, либо их региональные или другие структурные подразделения могут быть ликвидированы, а деятельность соответствующего общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, может быть запрещена в случае осуществления ими экстремистской деятельности. Статья 11 данного закона предусматривает возможность прекращения деятельности средства массовой информации за распространение экстремистских материалов и осуществление экстремистской деятельности. В целях недопущения продолжения распространения экстремистских материалов суд может приостановить реализацию соответствующих номера периодического издания либо тиража аудио- или видеозаписи программы либо выпуск соответствующей теле-, радио- или видеопрограммы в порядке, предусмотренном для принятия мер по обеспечению иска.

Статья 24 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ устанавливает, что организация признается террористической и подлежит ликвидации (ее деятельность – запрещению) в случае, если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных ст. 205-206, 208, 211, 277-280, 282.1, 282.2 и 360 УК РФ, а также в случае, если указанные действия осуществляет лицо, которое контролирует реализацию организацией ее прав и обязанностей. Решение суда о ликвидации организации (запрете ее деятельности) распространяется на региональные и другие структурные подразделения организации. Положения настоящей статьи распространяются на иностранные и международные организации, а также на их отделения, филиалы и представительства в РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 2 УК РФ для осуществления задач Уголовного кодекса РФ устанавливаются виды наказаний и **иные меры уголовно-правового характера** за совершение преступления.

Согласимся с мнением С.Г. Келиной, полагавшей, что иные меры уголовно-правового характера могут применяться как вместо наказания, так и наряду с наказанием либо без совершения преступления [7, с. 283-288]. Соответственно, основанием их применения является не только совершение преступления, но и любой вариант поведения (в том числе деятельности), имеющий уголовно-правовое значение [12, с. 704].

При этом иные меры уголовно-правового характера, имея некоторые сходства с наказанием (являются юридическим последствием преступления, предусматриваются в уголовном законе, назначаются судом, осуществляются в принудительном порядке, связаны с определенными правоограничениями, в качестве основной цели имеют предупреждение совершения общественно опасных деяний, объявленных законодателем преступлениями), отличаются от него тем, что имеют некарательный характер, не влекут за собой судимость, не включаются законодателем в санкцию статьи Особенной части УК, а соответственно, в случае необходимости могут применяться к лицу, совершившему любое преступление.

Полагаем, что в отношении юридического лица, совершившего преступление (коллективного субъекта преступления), допустимо применение иных мер уголовно-правового характера вместо наказания или наряду с наказанием, а в отношении коллективного образования, не имеющего статуса юридического лица (т.е. организации, не способной стать субъектом преступления), – без совершения преступления.

На наш взгляд, **к иным мерам уголовно-правового характера, которые могут применяться к юридическим лицам**, относятся опубликование или иное обнародование решения, которое осуществляется за счет юридического лица; приостановление деятельности юридического лица; специальная конфискация имущества. **К коллективным образованиям, не имеющим статуса юридического лица**, наряду с указанными мерами возможно применение запрета на осуществление деятельности.

Отметим, что такая мера, как **опубликование или иное обнародование решения**, уже применяется к юридическим лицам и иным коллективным образованиям.

Так, Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» установлено, что перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности, подлежит размещению в международной компьютерной сети Интернет на сайтах федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих функции в сфере регистрации общественных и религиозных объединений, иных организаций. Указанный перечень также подлежит опубликованию в официальных периодических изданиях, определенных Правительством РФ (ч. 6 ст. 9). Аналогичная мера применяется в отношении общественных и религиозных объединений, деятельность которых приостановлена в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности (ч. 6 ст. 10), а также организаций, признанных террористическими (ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму»).

Правительство РФ в своем распоряжении от 15 октября 2007 г. № 1420-р определило в качестве официального периодического издания, осуществляющего публикацию перечня общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности и перечня общественных и религиозных объединений, деятельность которых приостановлена в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности, «Российскую газету».

Приостановление деятельности юридического лица или иной организации возможно, по нашему мнению, на срок от одного года до пяти лет. На юридическое лицо или иное коллективное образование, деятельность которых приостановлена, суд может возло-

жить исполнение определенных обязанностей: возместить или загладить имущественный ущерб, причиненный в результате совершения преступления; модернизировать оборудование, предотвращающее загрязнение окружающей среды и обеспечивающее безопасные условия труда, и др.

Действующее российское законодательство фактически уже предусматривает возможность приостановления деятельности юридического лица или иного коллективного образования в случае совершения ими преступных деяний. Так, в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» говорится, что в случае осуществления общественным или религиозным объединением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда, соответствующие должностное лицо или орган с момента их обращения в суд с заявлением о ликвидации общественного или религиозного объединения либо запрете его деятельности вправе своим решением приостановить деятельность общественного или религиозного объединения до рассмотрения судом указанного заявления.

В случае приостановления деятельности общественного или религиозного объединения приостанавливаются права общественного или религиозного объединения, его региональных и других структурных подразделений как учредителей средств массовой информации, им запрещается пользоваться государственными и муниципальными средствами массовой информации, организовывать и проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирование и иные массовые акции или публичные мероприятия, принимать участие в выборах и референдумах, использовать банковские вклады, за исключением их использования для осуществления расчетов, связанных с их хозяйственной деятельностью, возмещением причиненных их действиями убытков (ущерба), уплатой налогов, сборов или штрафов, расчетов по трудовым договорам.

Если суд не удовлетворит заявление о ликвидации общественного или религиозного объединения либо запрете его деятельности, данное объединение возобновляет свою деятельность после вступления решения суда в законную силу.

В отношении *специальной конфискации имущества*, по нашему мнению, должно быть установлено следующее правило: если доказано, что юридическое лицо или иное коллективное образование приобрели имущество в результате нарушения законодательства и никаким другим путем эту собственность они приобрести не могли, то следует предположить, что она нажита преступным путем. Следовательно, данное имущество подлежит конфискации. Согласимся с В.Н. Кудрявцевым и Н.Ф. Кузнецовой, по мнению которых изъятию должно подлежать следующее имущество: а) орудия и средства совершения преступления; б) имущество, деньги и иные ценности, полученные в результате совершения преступления, а также любые доходы от этого имущества или соответствующая стоимость имущества и доходов; в) приобретенное преступным путем, а затем легализованное посредством совершения финансовых операций или иных сделок, в том числе используемое для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности; г) используемое либо предназначенное для совершения преступления; д) используемое либо предназначенное для финансирования организованной группы или преступного сообщества [9, с. 26].

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» УК РФ дополнен гл. 15.1 «Конфискация имущества». Конфискация имущества отнесена к иным мерам уголовно-

правового характера, а не к наказанию, как это было раньше (до внесения изменений в УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

Представляется, что указанная мера уголовно-правового характера уже сегодня вполне может применяться к юридическим лицам и иным коллективным образованиям. Тем более, что в отдельных нормативных правовых актах законодатель напрямую говорит о возможности конфискации имущества коллективных образований.

В частности, статья 10 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» гласит: «Оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество общественного или религиозного объединения либо иной организации, ликвидируемых по основаниям, предусмотренным настоящим федеральным законом, подлежит обращению в собственность Российской Федерации. Решение об обращении указанного имущества в собственность Российской Федерации выносится судом одновременно с решением о ликвидации общественного или религиозного объединения либо иной организации». Аналогичная норма содержится и в Федеральном законе «О противодействии терроризму».

Кроме того, статья 11 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» регламентирует положение, в соответствии с которым в случае принятия решения о прекращении деятельности средства массовой информации за распространение экстремистских материалов и осуществление экстремистской деятельности изъятие подлежит нереализованная часть тиража продукции средства массовой информации, содержащей материал экстремистской направленности, из мест хранения, оптовой и розничной торговли.

Примечателен в связи с этим опыт польского законодателя. Первоначально, до принятия Закона Польши от 28 июня 2002 г. «Об ответственности коллективных субъектов за действия, запрещенные под угрозой наказания», установившего уголовную ответственность коллективных субъектов, УК Республики Польши [16, с. 70] регламентировал, что «в случае осуждения за преступление, в результате которого физическое лицо, юридическое лицо или организационная единица без образования юридического лица получили имущественную выгоду, а виновный действовал от имени или в их интересах, суд обязывает субъекта, который получил имущественную выгоду, возвратить ее полностью или частично государственной казне; это не касается имущественной выгоды, подлежащей возвращению иными субъектами» (ст. 52).

При этом обращает на себя внимание тот факт, что меры уголовной ответственности, по польскому уголовному законодательству, подразделяются на наказание и уголовно-правовые меры. По своей сути наказания занимают статус основных наказаний, предусматриваемых в санкциях статей Особенной части УК, а уголовно-правовые меры – дополнительных наказаний, присоединяемых к основным, но не значащихся в санкциях статей Особенной части УК [16, с. 24, 26]. Конфискация имущества, обязанность возместить вред, денежная компенсация, денежная выплата, по УК Республики Польши, – это уголовно-правовые меры.

Запрет на осуществление деятельности, на наш взгляд, должен применяться в отношении коллективных образований, не имеющих статуса юридического лица, в случае, если их деятельность повлекла за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, общественному порядку, общественной безопасности, окружающей среде, обществу и государству или создала реальную угрозу причинения такого вреда.

Как было сказано выше, запрет на осуществление деятельности коллективных образований, не имеющих статуса юридического лица, сегодня уже применяется на основании федеральных законов «Об общественных объединениях», «О свободе совести и о религиозных объединениях», «О противодействии экстремистской деятельности», «О противодействии терроризму».

Так, решением Краснодарского краевого суда от 5 октября 2006 г. по заявлению прокурора была запрещена деятельность Краснодарской православной славянской общины «ВЕК РА» (Ведической культуры российских ариев) Скифской Веси Рассении Древнерусской англистической церкви православных староверов-инглингов.

При рассмотрении дела было установлено, что община действует на территории г. Краснодара, не имея государственной регистрации. Из заключения государственной религиоведческой экспертизы от 4 апреля 2002 г. видно, что доктрина Древнерусской англистической церкви православных староверов-инглингов содержит утверждение о том, что община инглингов объединяет всех людей с белым цветом кожи, который якобы служит свидетельством того, что они являются потомками «Рода Небесного» и «Расы Великой». Таким образом, члены общины наделяются особыми качествами, а на вступление в нее вводятся ограничения расового характера. Данное положение включает в себе идею расового превосходства, пропаганда которого запрещена ст. 29 Конституции РФ, а также вступает в противоречие со ст. 19 Конституции РФ, запрещающей любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, и ст. 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Кроме того, заключением установлено, что одним из важнейших элементов символики общины является солярный знак – свастика. Свастика использовалась немецкими и итальянскими фашистами в 1930-1940-е гг., используется она и в настоящее время неонацистами. В общине во время богослужения принят как элемент культовой практики жест – вскидывание правой руки вверх, полностью идентичный фашистскому приветствию. Данные символ и жест заключают в себе оскорбительную для граждан РФ, других стран и людей, пострадавших от фашизма в годы Второй мировой войны, идею «второсортности» тех, кто не принадлежит к арийской расе. В соответствии с Федеральным законом «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в России запрещается использование в любой форме нацистской символики как оскорбляющей многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах. Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходной с нацистской до степени смешения, запрещены также Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности». Перечисленные обстоятельства и явились основанием для запрета деятельности общины. Определением Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г. указанное решение оставлено без изменения [11].

Таким образом, к юридическим лицам и иным коллективным образованиям, осуществляющим общественно опасную деятельность, уже сегодня фактически применяются квазиуголовные санкции [3, с. 55-61].

Литература

1. Абашина Л.А. Юридическое лицо как субъект уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2008.
2. Антонова Е.Ю. Штраф как основной вид уголовного наказания, применяемый к корпоративным (коллективным) образованиям: сравнительно-правовой анализ // Юридический мир. 2014. № 8.
3. Антонова Е.Ю. Квазиуголовная корпоративная ответственность // Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Дальневосточном регионе: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (29-30 мая 2014 г.). Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2014.
4. Дементьева Е.Е. Экономическая преступность и борьба с ней в странах с развитой рыночной экономикой (на материалах США, Германии) // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. 1992. Вып. 5.
5. Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М.: НОРМА, 2002.

6. Карибов С. И. Уголовная ответственность легальных организаций: понятие и содержание: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2006.
7. Келина С.Г. «Иные меры уголовно-правового характера» как институт уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф. М.: Велби; Проспект, 2007.
8. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002.
9. Кузнецова Н. Мнение ученых о реформе УК (или Qui prodest?) // Уголовное право. 2004. № 1.
10. Минин Р.В. Институт уголовной ответственности юридических лиц в России: проблемы обусловленности и регламентации: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008.
11. Определение Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г. № 18-Г07-1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 12.
12. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. Т. I.
13. Самый гуманный УК в мире // Известия. 2004. 6 марта.
14. Ситковский И.В. Уголовная ответственность юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
15. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. СПб., 1902. Т. I.
16. Уголовный кодекс Республики Польша / пер. с польск. Д.А. Барилевич; науч. ред. А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.

УДК 343.2

МОТИВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТИВНОЕ ОТРАЖЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО

Наталья Павловна Волкова, преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России
E-mail: Zubenchik62@mail.ru

В данной статье рассматриваются проблемы квалификации преступлений с умышленной и неосторожной формой вины, влияние на этот процесс наличия мотивов и целей совершения деяния, анализируются различные точки зрения по этому вопросу теоретиков и практиков.

Ключевые слова: мотив; цель преступления; мотивация; осознанное восприятие; побуждения; волевое руководство; неосторожная и умышленная форма вины.

THE MOTIVE OF THE CRIME AS AN OBJECTIVE REFLECTION OF THE SUBJECTIVE

Natalia Pavlovna Volkova, lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

In this article problems of qualification of crimes with a deliberate and careless form of fault, influence on this process of existence of motives and the purposes of crime, various points of view of scientific theorists and practitioners are analyzed.

Keywords: motive; target of a crime; motivation; conscious perception; motives; strong-willed management; careless and deliberate form of guilt.

В современном уголовном праве России закреплён важнейший принцип: уголовная ответственность наступает только на основе вины. Необходимым условием правильной социально-правовой оценки преступного поведения является установление признаков субъективной и объективной стороны деяния, признанного на законодательном уровне преступлением. Как же они связаны между собой?

Одинаково значение при квалификации конкретного преступления придается установлению признаков как объективной, так и субъективной стороны преступления. Приоритет признаков объективной стороны преступления в ущерб субъективным признакам, то есть игнорирование воли и сознания человека, совершающего преступление, поставило бы общественно опасное деяние на одну ступень с общественно опасными естественными процессами: стихийными силами природы, опасными действиями как диких, так и домашних животных. Это привело бы к абсурду – пришлось бы, по логике вещей, действия животных расценивать как преступления либо вообще отказаться от самого понятия преступления, являющегося базовым в уголовном праве.

Следовательно, субъективная сторона преступления неразрывно связана с объективной, вытекает из нее и обуславливается ею, а потому обе стороны преступления должны соответствовать друг другу.

Говоря о субъективных признаках любого преступления, необходимо отметить, что изучение этой стороны общественно опасного деяния является актуальным и спорным в теории уголовного права, так как напрямую касается проблемы мотивации преступного поведения, раскрывающей внутренние (психологические) причины совершения конкретного преступления, а также развитие самого преступного деяния от принятия решения о его совершении до наступления общественно опасных последствий.

По мнению многих ученых, субъективная сторона преступления представляет собой отражение в сознании человека, совершающего противоправное деяние, объективных признаков содеянного и его отношения к ним, то есть представляет собой своеобразное клише объективной стороны в психике лица, совершившего преступление. Это положение имеет чисто практическую направленность. Не логично было бы начинать расследование любого уголовного дела с установления, например, формы вины лица (умысла или неосторожности), а только потом устанавливать, что было совершено лицом, или к совершению какого деяния лицо стремилось.

Сущность субъективной стороны преступления раскрывается при помощи таких признаков, как вина мотив и цель. Эти признаки существуют как бы обособленно друг от друга и в то же время неразделимы, однако при этом не являются составными частями друг друга. Какое же место в этой органически связанной системе занимает мотив?

Мотивом преступления является побуждение, играющее определяющую роль в выборе того или иного варианта поведения при совершении преступления. В основе мотива чаще всего лежат потребности. Кроме самих потребностей «толкать» лицо к совершению преступления могут еще интересы и склонности. От особенностей мотива зависят сила воли и стремление к достижению определенного результата. Однако мотив обособленно не может определять поведение человека. Выбор модели поведения происходит лишь в связи с возникновением представления о желаемом результате. Мотив преступления, выступая стимулятором поведения, вызывает у лица решимость совершить преступление и предшествует его совершению. Мотив преступления определяет, почему человек совершает преступление, а цель определяет направление его деятельности и отвечает на вопрос о том, к чему человек стремится при совершении преступления, «рисует» представление о желаемом результате.

Мотив – это не просто желание, возникшее в результате восприятия внешних обстоятельств и явлений или ощущения физиологических потребностей, которые при осознанной оценке могут быть отброшены, подавлены, признаны нелепыми. Мотив – это осознанное побуждение человека, направленное на удовлетворение определенной

его потребности. Он может явиться источником общественно опасной активности личности, катализатором, побуждающим к совершению преступления.

Объективная юридическая оценка любого противоправного поведения невозможна без учета факультативных признаков субъективной стороны – мотивов и целей. Именно поэтому в уголовно-процессуальном законодательстве существует требование установления мотивов преступления как обстоятельств, подлежащих доказыванию. С мотивом многое связано. Проанализируем зарождение мотива. Вначале его формирования лежит стремление, влечение, иногда смутные и нечетко выраженные, сопровождающиеся эмоциональными переживаниями. Этот комплекс представлений, чувств и влечений отражает всегда определенные склонности конкретного человека, круг его наиболее важных интересов и убеждений. Иначе говоря, мотив всегда отражает известную сферу жизни, лежит в плоскости тех или иных интересов человека и означает готовность его действовать, проявить себя определенным образом в этой сфере при наличии подходящих для этого условий или провоцирующих к действию обстоятельств [2].

Под влиянием определенных, порой специфических, склонностей личности, не совсем четко сформировавшихся желаний, в психике человека зарождается сначала неосознанное влечение, а затем, со временем, появляется сознательное стремление к удовлетворению потребностей. На этой основе формируется цель преступления. В то же время мотив и цель преступления, хотя понятия взаимосвязанные и взаимообусловленные, однако характеризуют различные стороны психического процесса личности.

Мотив обладает важной для понимания сути преступления характеристикой – осознанностью. Осознанность как проявление сознания не существует без понимания сути общественной опасности совершенного преступления и тех общественно опасных изменений окружающей действительности, которые наступили или могут наступить в результате его совершения. Можно сделать вывод о том, что совершение преступления не является вынужденным явлением, так как, обладая сознанием, волей, человек всегда может отказаться от антиобщественного поведения. Если же действия совершены под воздействием опасности для жизни и здоровья, крайне неблагоприятных обстоятельств или при полном подавлении воли и мотивации, уголовная ответственность не наступает при наличии обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяний, предусмотренных ст. 37-42 гл. 8 УК РФ.

В составе преступления содержится не мотив, существующий в «чистом» виде в психике человека, совершившего или совершающего преступление, а законодательные представления о нем. Конкретное, связанное с совершением преступления проявление мотива имеет место только в связи с целым комплексом внешних и внутренних условий, окончательно сформировавшихся и воплотившихся в деянии, так как они являются определяющими признаками поведения. Значит, о мотиве, в том или ином его проявлении, следует говорить только в ситуации совершения конкретного преступления, совершенного определенным лицом.

На практике содержание мотива способно:

- формировать квалифицирующие признаки преступления, являясь конструктивными признаками общего или специального состава;
- являться фактором разграничения преступлений с разными формами и видами вины;
- определять степень общественной опасности деяния и учитываться при назначении наказания;
- определять характер опасности неоконченного преступления;
- влиять на оценку роли соучастников преступления и решение вопроса о добровольности участия в преступлении;
- определять преступность и наказуемость деяний, совершенных при наличии обстоятельств, позволяющих исключать преступность и наказуемость деяния;
- являться обстоятельством, смягчающим или отягчающим ответственность.

Значение мотива и цели преступления для субъективного вменения в умышленных составах не вызывает сомнений у большинства ученых и практиков.

Не все так однозначно с неосторожными преступлениями. Различия точек зрения теории и практики на значение мотива и цели для квалификации преступлений обуславливаются множеством факторов. Налицо две точки зрения.

Первая состоит в том, что наличие мотива и цели в такого рода преступлениях вообще отрицается. Признается лишь то, что есть только цель и мотив поведения, которые и приводят к совершению преступлений с неосторожной формой вины.

Вторая состоит в том, что мотив и цель формируются не так очевидно, а под влиянием более глубинных процессов психики, которые не всегда получается установить и объяснить.

Тогда по логике вещей возникает вопрос: как быть с волевым руководством своими деяниями вменяемым лицом при совершении преступления? Волевые проявления в поведении не существуют без мотива, и как может проявить себя воля без сознания? Значит, это что-то похожее на инстинкт, следовательно, такое деяние не может быть предметом изучения уголовного права.

Можно полагать, что подобный подход не соответствует реальному положению вещей, подлинно существующему психическому механизму при неосторожных преступлениях. В уголовно-правовой литературе высказано мнение о том, что специфика волевого содержания преступлений, совершаемых по неосторожности, состоит в том, что они имеют собственные мотивы и цели, которые не распространяются на общественно опасные последствия. При совершении преступлений с неосторожной формой вины общественно опасные последствия являются не целью действий лица, а побочным, вторичным результатом этих действий, последствием вторичного порядка [1]. Но даже такие рассуждения вызывают вопросы и оспариваются многими учеными. Подобная позиция не во всем удачно отражает особенности формирования и проявления мотива и цели в неосторожных преступлениях. Например, В.А. Якушин предполагает, что механизм становления и проявления мотива и цели в неосторожных преступлениях различается в соответствии с видами неосторожной вины [3].

В преступном легкомыслии цель и мотив связаны с деянием, и последствия от него опосредованы другими интеллектуальными моментами психики. Например, водитель такси по просьбе пассажира, опаздывающего на самолет, и под его эмоциональным нажимом (уговоры, мольбы, слезы) значительно нарушает скоростной режим, игнорирует правила дорожного движения, желая помочь, но, совершая поворот на дороге с ограниченной видимостью, не справляется с управлением автомобиля и насмерть сбивает человека. В данном случае действия целенаправленны и мотивированы. Определенность целей в данном случае очерчивается не только тем, что водитель стремился помочь пассажиру (не регулируется уголовным правом), а прежде всего тем, что проявляются промежуточные цели, достижение которых характеризует водителя как человека, игнорирующего законопослушность, способного совершать правонарушения. При этом осуществление этих промежуточных целей в психике лица отождествляется со способом достижения конечной цели. В процессе достижения промежуточной цели водителем, владеющим знаниями правил дорожного движения, осознается возможный результат, точнее, возможность наступления преступного результата. Несмотря на это осознание, водитель не отказывается от такой модели поведения и не прекращает своей деятельности. Это вызвано другими психическими процессами, руководящими им в этот момент: он уверен в себе и самонадеянно рассчитывает на то, что с помощью таких обстоятельств, как, например, профессиональный опыт, хорошая реакция, надежность транспортного средств и т.д., преступные последствия его действий не наступят. Естественно, такое волевое отношение отличается от воли при умысле, и объясняется это активным нежеланием лица наступления преступных последствий.

Специфичен при легкомыслии и мотив. И определяется он, в нашем примере, по большому счету, не желанием помочь опаздывающему, а другими побуждениями: не потерять клиента и заработать больше денег; вызвать восхищение своими навыками и умениями и т.п. В таких случаях в процесс вторгается личностное восприятие, т.е. оценка того, что такое деяние, и последствия от него дают личности более значимое ощущение себя, иными словами, повышает, однако не всегда оправданно, самооценку. Вследствие чего приоритет получают не социально-правовые факторы значимости и сущности деяния и наступивших последствий, а побуждения, в основе которых лежат личностное восприятие и не всегда отвечающая действительности самооценка человека. Они и определяют выбираемый лицом вариант поведения. При явном понимании, что нарушается право, побуждение становится сильнее этого и преодолевает социальный запрет. Причем нельзя не принимать во внимание, что легкомысленный расчет и личностное восприятие не исключают мотива и цели преступления с формой вины в виде самонадеянности. Вот и получается, что при легкомыслии имеются мотивы и цели, однако их особенностью является многоаспектность и опосредованность. Осуществляется это в следующем: нормой становится совершение противоправных действий, а, следовательно, допустимыми и желаемыми становятся их цели, но при этом остаются нежелательными общественно опасные последствия. Ошибочное представление лица о том, что общественно опасные последствия не наступят, является аргументом при принятии неоправданного решения. Именно такие представления находят свою конкретизацию в достижении целей совершаемых деяний. Именно из-за этого лицо считает возможным игнорирование охраняемых законом интересов и невыполнение возложенных обязанностей.

Неоднозначно проявляются мотив и цель в преступной небрежности. Действия в преступной небрежности целенаправленны и мотивированы, хотя ни мотив, ни цель нельзя связать с наступившими последствиями. Лицо осознает, что совершаемое им деяние запрещено, и в то же время не предвидит наступления общественно опасных последствий, например, потому что ранее неоднократно совершало подобное и это не приводило к общественно опасному результату.

Совершая преступно небрежное деяние, направленное на нарушение общеустановленных социальных норм поведения, лицо как бы предварительно, изначально ставит перед собой цель: нарушить традиционные или установленные правила поведения. При небрежности как форме вины мотив определяет только действие.

Например, лицо, не имеющее права управлять автомобилем, делает это, совершенно не задумываясь о том, что его действия могут повлечь материальный ущерб или быть причиной гибели людей. Однако желание таким образом осуществить свое самовыражение, показать свое «всеумение», свою индивидуальность, безудержность и т.п. приобретает социальную окраску через противоправность действий. При наличии такой связи следует вывод, что лицо понимает как противоправность, так и общественную опасность своих действий. Однако возможность наступления общественно опасных последствий не охватывается интеллектуальной деятельностью лица. Они им не предвидятся, хотя реальная возможность их предвидеть имеется. Это может быть обусловлено в первую очередь отсутствием житейского опыта человека (например, в связи с его несовершеннолетием), отсутствием или, наоборот, наличием навыков и умений, с эмоциональным состоянием, способностью адаптироваться к ситуации, ориентироваться в приоритетах и т.п.

Анализ законодательства и практики его применения свидетельствует о разнообразии мотивов, по которым совершаются преступления, в связи с этим возникает необходимость их упорядочения.

Для соответствующей действующему законодательству квалификации преступлений ключевое значение имеет классификация мотивов и целей.

Наиболее практически целесообразной признается классификация, которая базируется на совокупности нравственной и правовой оценки мотивов и целей преступления. При этом, учитывая тот факт, что мотивы и цели преступления – категории самостоятельные, к их классификации применимы общие критерии. С этой точки зрения мотивы и цели преступления можно подразделить на четыре основные группы:

1) определяющие установление уголовной ответственности за конкретное деяние (например, растрата – ст. 160 УК РФ);

2) определяющие ужесточение наказания (хулиганские побуждения, кровная месть, национальная, расовая, религиозная ненависть или вражда, изъятие органов или тканей потерпевшего, сокрытие другого преступления или облегчение его совершения и т.п.);

3) определяющие возможности смягчения наказания (например, мотив сострадания, цель избавления потерпевшего от страданий и т.п.);

4) мотивы и цели, не связанные ни установлением уголовной ответственности, ни с ужесточением или смягчением наказания (например, мотивы убийства на бытовой почве).

В правоприменительной практике значение мотива преступления часто недооценивается. В связи с этим Верховный Суд РФ в своих постановлениях неоднократно указывает на важность установления этого признака. Так, пленумы Верховного Суда РФ в постановлениях от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» и от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК)» подчеркивают необходимость установления мотивов и целей преступления наряду с другими обстоятельствами его совершения.

Как уже отмечалось, установление мотивов и целей совершения общественно опасного деяния имеет значение для наступления уголовной ответственности, нельзя недооценивать и доказательственное значение этих факторов, так как они отнесены к обстоятельствам, подлежащим доказыванию.

В то же время установление мотива преступления напрямую связано с установлением истины по уголовному делу, без мотива она не может считаться установленной. В случае неопределенности мотива преступления, ни следователь, ни суд не смогут определиться, с какого вида деянием они в данном случае имеют дело, проявляются трудности в квалификации, которые могут повлечь за собой недопустимые правовые ошибки. Например, грабёж при установлении хулиганских побуждений превращается в хулиганство; деяние, по внешним признакам схожее с убийством, – в необходимую оборону.

Мотив может являться конструктивным признаком состава преступления, отсутствие которого означает и отсутствие состава преступления. Состав злоупотребления должностными полномочиями будет в наличии только тогда, когда использование должностным лицом своих служебных прав и обязанностей вопреки интересам службы совершено из корыстной или иной личной заинтересованности. При наличии же других мотивов – налицо состав дисциплинарного проступка, а не преступления.

Мотив может являться признаком, определяющим наличие квалифицированного состава преступления (состав преступления при отягчающих обстоятельствах). Убийство, совершенное из мести либо из ревности, при отсутствии других отягчающих либо смягчающих обстоятельств квалифицируется по ч. 1 ст. 105 УК РФ, однако при установлении факта наличия хулиганских побуждений квалифицируется по п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Мотив преступления может определять обстоятельства, как смягчающие, так и отягчающие ответственность при назначении наказания. Обстоятельствами, отягчающими наказание, является совершение преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, из мести за правомерные действия других лиц, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение.

В ходе расследования любого уголовного дела изучается личность субъекта преступления, особое внимание уделяется способности человека при определенных условиях безоговорочно поступать антиобщественным образом. Это определяет общественную опасность лица и является его отличительной чертой от законопослушных граждан. Признак, о котором идет речь, учитывается в соответствии с действующим законодательством, при индивидуализации ответственности и наказания. На многие вопросы в этом процессе отвечают мотивы и цели совершения преступления, благодаря своей социально-психологической природе, в них и через них выражается сущность человека, характеризующие его связи и отношения.

Наличие мотива и цели при совершении деяния является показателем осознанности действующей личности, они зарождаются в прошлом человека, формируются в настоящем, дают представление о желаемом в будущем. Это и определяет проявления внутреннего, субъективного во внешнем, то есть в выборе модели поведения. Иными словами, человек, совершая деяние, определяет свою позицию, выражает свое личное отношение к социальным условиям своего существования, к другим лицам, государству и т.д. В социально-правовом аспекте они представляют собой субъективную, глубоко личностную реакцию человека на объективную реальность как на систему окружающих его ценностей и отношений.

Детальное рассмотрение мотива и цели в системе мотивации дает возможность определения истоков поведения личности, позволяет оценить его стимулирующие факторы и, следовательно, с учетом этих категорий достаточно эффективно воздействовать на личность и его психологические начала, формирующие поведение, с помощью социальных, в том числе уголовно-правовых средств. Мотив и цель, являясь ключевыми элементами мотивации, определяют всю субъективную сторону составов преступлений.

Являясь составляющей норм уголовного закона, мотив и цель приобретают правовое содержание и реализуют в праве свои общие социальные функции, которые приобретают при этом качество уголовно-правовых функций.

В свою очередь, уголовно-правовая классификация мотивов должна быть не только связана с квалификацией преступлений в тех случаях, когда мотив входит в число обязательных признаков основного или квалифицированного составов преступления, но и, что немаловажно, обуславливать цели индивидуализации уголовного наказания за совершенное преступление, в частности, способствовать решению вопроса о возможности освобождения от уголовной ответственности или наказания, а также об определении меры уголовного наказания.

Литература

1. Волков Б.С. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань, 1965.
2. Уголовное право РФ. Общая часть: курс лекций / В.П. Сальников [и др.]. СПб.: Фонд «Университет», 2000.
3. Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань, 1982.

УДК 342.9

**ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАН
ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО ТАБАЧНОГО ДЫМА
И ПОСЛЕДСТВИЙ ПОТРЕБЛЕНИЯ ТАБАКА В РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ****Ирина Викторовна Ковалева**, преподаватель Дальневосточного
юридического института МВД России

E-mail: kirvi2013@mail.ru

В статье рассматриваются исторические аспекты потребления табака в России, общественное мнение относительно запрета на курение, проблемы применения существующего законодательства о защите граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака. Автор приходит к выводу, что в Федеральный закон «О защите граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» необходимо внести ряд существенных поправок, что позволит федеральным органам государственной власти, в компетенцию которых входит применение норм вышеназванного закона, осуществлять меры административного реагирования в отношении нарушителей в полном объеме, упростит порядок документирования фактов нарушения «антитабачного» законодательства и увеличит процент взыскания административных штрафов.

Ключевые слова: употребление табака; здоровье граждан; воздействие окружающего табачного дыма.

**PROBLEMS ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROTECTION OF CITIZENS
FROM EXPOSURE TO ENVIRONMENTAL TOBACCO SMOKE
AND CONSEQUENCES OF TOBACCO CONSUMPTION IN RUSSIA:
PAST AND PRESENT****Irina Viktorovna Kovaleva**, lecturer of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

This article discusses the historical aspects of tobacco consumption in Russia, public opinion about the smoking ban, the problems of the existing legislation on the protection of citizens from exposure to environmental tobacco smoke and consequences of tobacco consumption. The author concludes that the Federal Law "On the Protection of citizens from exposure to environmental tobacco smoke and consequences of tobacco consumption" is necessary to make a number of significant amendments that would allow federal authorities, within whose competence application of the title of the law, to carry out administrative measures against violators to respond in full, will simplify the procedure for documenting violations of "anti-smoking" laws and increase the percentage of recovery of administrative fines.

Keywords: tobacco use; public health; exposure to environmental tobacco smoke.

История употребления табака в России насчитывает около пяти веков. Историки сходятся во мнении, что курение распространилось в нашей стране еще при Иване Грозном. Завезли табак в Россию английские купцы, осваивавшие новые рынки сбыта, наемные офицеры и интервенты во времена смуты. В Старом свете употребление таба-

ка в то время уже плотно вошло в привычку. Считается, что в середине XV в. моряки из команды великого путешественника Христофора Колумба привезли из экспедиции в Америку высушенные листья травы для курения, которые использовались местными жителями в ритуальных целях. Листья эти были родом с острова Тобаго, поэтому и получили в европейских кругах наименование «табак». Табак считался лекарством от многих болезней – его нюхали, жевали и курили. На непродолжительное время табак завоевал популярность среди российской знати, но с приходом к власти Михаила Федоровича политика государства в отношении распространения и употребления табака резко изменилась: были введены жесткие запреты на его продажу и употребление, нарушители подвергались штрафам и телесным наказаниям. Санкции породили расцвет контрабанды, весь изъятый табак сжигался. Апогеем борьбы с табаком стал пожар в столице 1634 г., причиной которого посчитали курение. Вышедший вскоре царский указ гласил, чтобы нигде русские люди и иноземцы табак у себя не держали и табаком не торговали. За ослушание полагалась смертная казнь, на практике заменявшаяся урезанием носа.

В 1646 г. правительство Алексея Михайловича пыталось изменить прежний порядок и взяло продажу табака в монополию. Однако под влиянием патриарха Никона Алексей Михайлович вскоре восстанавливает жесткие меры против «богомерзкого зелья».

Соборное уложение 1649 г. предусматривало для любого курившего табак тяжкое наказание: «... а которые стрельцы и гулящие всякие люди с табаком будут в приводе дважды и трижды, и тех людей пытать и не одинаво бить кнутом на козле или по торгам (т.е. в застенке или публично на площади – И.К.). Кто русские люди или иноземцы табак учнут держать или табаком учнут торговать, и тем... чинить наказание без пощады, под смертною казною...» [3].

Вернувшись из Европы заядлым курильщиком, в феврале-апреле 1697 г. серией указов царь Петр I, государь-реформатор, для которого нарушение веками устоявшегося уклада жизни было непременным условием правления, легализовал продажу табака и установил правила его распространения. Примечательно, что по петровскому указу 1697 г. табачный дым сначала разрешалось вдыхать и выдыхать только через курительные трубки.

В апреле 1705 г. был обнародован Указ о казенной продаже табака через бурмистров и целовальников, а также через выборных, рассылаемых в села, деревни и ярмарки. Одновременно учреждались две табачные фабрики: в Петербурге и Ахтырке (Украина).

И вот уже к середине XVIII в. табак получил в Петербурге повсеместное распространение. Без обильного его употребления не обходилась ни одна ассамблея, ни одно празднество.

Время правления Екатерины I было отмечено бурным ростом российского предпринимательства и оказалось весьма благоприятным для табачной торговли. В своем Указе от 31 июля 1762 г. императрица восстановила свободную продажу табака.

Первые табачные мастерские в Петербурге открыли иностранцы. Они производили крошенный курительный табак в незначительных количествах. К 1812 г. число таких производств возросло до шести, и все они работали на привозном сырье.

Наряду с курительным табаком широкое применение получил нюхательный табак. В Екатерининскую эпоху и последующие годы многие жители Петербурга отдавали предпочтение привозному нюхательному табаку: испанскому, французскому или немецкому. Но во второй половине XVIII в. с ним начал успешно конкурировать и местный табак. Главным среди местных сортов был аммерсфордский табак, в России его называли махоркой. До Октябрьской революции нюхательный табак достаточно регулярно поставлялся в столичные магазины. После революции власть Советов с таким явлением, как употребление табака, не боролась, видимо, перед ней стояло огромное

количество более важных и первостепенных задач. Всплеск курения в стране произошел после Первой мировой войны, когда никотин приобрел высокое оборонное значение. Курить начали все – от «низов» до «верхов», но табака катастрофически не хватало, поэтому руководство государства, для исключения возможности табачного бунта, взялось поднимать табачную промышленность.

С большей силой употребление табака продолжилось после Второй мировой войны, когда советские граждане получили возможность попробовать «союзнические» и немецкие папиросы и сигареты. В последующие годы табачная индустрия в Советском Союзе стремительно набирала обороты, и к 1975 г. страна вышла на лидирующие позиции по производству табака, пропустив вперед только США и Китай. Выпускались марки сигарет, посвященные полетам в космос, фестивалям, некоторым городам и регионам Советского Союза.

Курение было для советских граждан чем-то естественным и обыденным. Курили везде – в рабочих кабинетах и клубах, в парках и подъездах, на кухнях и балконах, в кафе и ресторанах, в заводских цехах и партийных кабинетах, на телеэкранах и в кино. Во времена перестройки блоки сигарет заменили валюту. Ими рассчитывались за товары и спекулировали. В послеперестроечный период в страну хлынул поток иностранного табака.

В итоге Россия, некогда самая некурящая страна, занимает первое место в мире по количеству курящих граждан. Удручает тот факт, что уровень подросткового курения также занимает лидирующие позиции. В стране регулярно курят 54% мужчин и 21% женщин, и это несмотря на пропаганду отказа от курения [4]. По данным Всемирной организации здравоохранения (далее ВОЗ), курение в России ежегодно убивает 332 тыс. человек. Беспристрастная статистика свидетельствует о том, что курение является большим злом по сравнению с несчастными случаями, вроде авиа- или автокатастроф.

В 2008 г. Россия присоединилась к Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака от 21 мая 2003 г., признав тем самым, «что распространение табачной эпидемии является глобальной проблемой, которая имеет серьезные последствия для здоровья людей и которая требует как можно более широкого международного сотрудничества и участия всех стран в эффективных, надлежащих и всесторонних международных ответных действиях» [1].

В настоящее время в нашей стране активно реализуются «майские указы» В.В. Путина об экономической, социальной, демографической политике, совершенствовании здравоохранения, мерах по реализации государственной политики в области образования и науки, о доступном жилье и качестве услуг ЖКХ, подписанные им 7 мая 2012 г., в день вступления в должность Президента РФ, после избрания на новый срок, в рамках реализации своих предвыборных программ. Одним из таких указов, закрепляющих государственную политику в сфере здравоохранения, направленную на сохранение и укрепление здоровья граждан Российской Федерации, увеличение продолжительности их жизни, является Указ от 7 мая 2012 г. № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения». В нем Президент РФ поставил перед Правительством РФ задачу по обеспечению до 1 ноября 2012 г. разработки и внесения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона о защите здоровья населения от последствий потребления табака. Результатом исполнения Указа Президента РФ явилось принятие Государственной Думой Российской Федерации Федерального закона от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака».

Необходимо отметить, что данный закон был воспринят не однозначно и разделил общество на ярых противников и сторонников этого нормативного акта. Между тем обе стороны противостояния сходятся во мнении, что само по себе такое явление, как по-

ребление табака, негативно сказывается на здоровье нации и является пагубной привычкой, от которой необходимо избавляться. Противники закона считают его слишком категоричным и жестким, ссылаясь на то, что одними запретительными мерами добиться снижения уровня потребления табака в нашей стране не удастся. Курильщики объединились в Общероссийское движение за права курильщиков, члены которого разработали и приняли Хартию табачного согласия. Отдельные положения Хартии представляются справедливыми. Так, например, «курильщикам должны быть обеспечены нормальные, не унижающие их достоинство и не создающие дополнительных рисков для здоровья условия для курения табака, которые при этом эффективно ограждают некурящих людей от табачного дыма и не привлекают внимания окружающих, особенно подростков. Требования, предъявляемые к местам для курения, должны учитывать типичные ситуации потребления и специфику различных типов табачных изделий, в том числе сигар, курительных трубок, кальянов. Учитывая, что многие курильщики являются никотинозависимыми и длительное воздержание от курения причиняет им дискомфорт, в местах, где свободное перемещение людей ограничено на длительное время (например, поезда дальнего следования, водные и воздушные суда, пенитенциарные учреждения, больницы, режимные предприятия и т.п.), должны быть оборудованы выделенные помещения или территории для курения в соответствии с принципами, изложенными в предыдущем пункте» [5].

На основе данных, полученных социологами «Левада-центра» в 2014 г., несмотря на запрет курения в ресторанах, поездах дальнего следования и других общественных местах, 69% опрошенных признались, что введенные ограничения никак не повлияли на их повседневную жизнь; 15% считают, что они сказались положительно, а 11% отметили отрицательный эффект этих мер. При этом опрос показал, что доля бросивших курить в 2014 г. увеличилась до 16% (против 12% в 2013 г.); тех, кто курит постоянно, – 27% (против 25% в 2012 г.), а курящих за компанию осталось столько же – 11%. Кроме того, две трети опрошенных считают эту меру слишком жесткой и убеждены, что в общественных местах должны быть предусмотрены «уголки» для курящих. В целом россияне считают, что государство должно в первую очередь сосредоточить усилия на информировании людей о способах бросить курить (58%), усилить борьбу с нелегальным оборотом сигарет и тщательнее обеспечивать соблюдение действующих законов и ограничений курения. На вопрос, дискриминирует ли курящих людей закон, большинство ответило утвердительно (12% – что в значительной мере, 32% – в некоторой мере и 23% – незначительно); 22% считают, что это ограничение в правах оправданно [2].

Пропаганда здорового образа жизни и отказа от курения среди населения в настоящее время ведется, на наш взгляд, не достаточно эффективно. Следует отметить, что к положительному результату в борьбе с курением может привести только умелое сочетание принципов убеждения и принуждения. Если к методу принуждения отнести запреты, введенные федеральным законодательством и ответственность за их нарушение, то как же обстоят дела с методом убеждения?

В Хабаровском крае с 2009 г. действует краевая общественная организация «Мы – против курения», целью которой является пропаганда здорового образа жизни, профилактика курения среди молодежи и взрослого населения Хабаровского края. Немаловажно отметить, что организация действует за счет собственных средств ее членов и спонсорских взносов, поэтому в условиях кризиса финансирование ее деятельности крайне ограничено. Последние профилактические мероприятия проводились членами организации в первой половине 2014 г. В целом аналогичная ситуация сложилась в большинстве субъектов Российской Федерации.

Так же не все благополучно и с реализацией требований «анти табачного закона» уполномоченными органами власти. Федеральным законом от 21 октября 2013 г. № 274-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О рекламе» в связи с применением Феде-

рального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях дополнен ст. 6.24, 6.25, предусматривающими ответственность граждан, должностных, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей за нарушения «антитабачного законодательства». Правом рассматривать дела об административных правонарушениях по данным статьям законодатель наделил большое количество федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Так, полномочия по рассмотрению данных дел имеют: органы внутренних дел; органы, осуществляющие федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор; органы, осуществляющие государственный пожарный надзор; федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий федеральный государственный транспортный надзор; органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие региональный государственный жилищный надзор и др.

Создается обманчивое впечатление, что все сферы жизнедеятельности человека, желающего нарушить «антитабачное законодательство», под неусыпным контролем всевидящего ока государства. На деле же статистика отдельно взятого субъекта Российской Федерации – Хабаровского края свидетельствует о том, что с момента вступления в силу Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О рекламе» в связи с применением Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» реальная работа, приносящая результат, проводится в крае лишь органами внутренних дел и Государственным пожарным надзором. По данным УМВД России по Хабаровскому краю за 2014 г., в крае по ч. 1 ст. 6.24 КоАП РФ в части курения в общественном месте в отношении физических лиц составлено 1383 протокола об административном правонарушении, за три месяца 2015 г. – 575 протоколов. Полагаем, что очевиден рост количества выявленных правонарушений. В то же время, борьба с курением не обходится и без очевидных проблем. Основная нагрузка по выявлению правонарушений в области «антитабачного законодательства» легла на плечи участковых уполномоченных полиции. «Львиная доля» составленных протоколов приходится на крупные города – Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре, где отмечается нехватка сотрудников данных подразделений. При условии непростой криминогенной обстановки в стране и незначительного влияния на состояние преступности правонарушений в области «антитабачного законодательства» происходит отвлечение внимания участковых уполномоченных полиции от выявления более существенных правонарушений на вверенном участке. Учитывая, что треть населения страны являются потребителями табака, а за день один курильщик выкуривает в среднем 10 сигарет, то на борьбу с этими правонарушениями должны быть отвлечены все силы и средства органов внутренних дел. Участковый уполномоченный полиции в таком случае не имеет возможности оперативно, в полном объеме, осуществлять свои должностные полномочия, что, безусловно, снижает эффективность осуществляемой им деятельности.

С некоторыми проблемами реализации своих полномочий по выявлению и пресечению правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 6.24 КоАП РФ, сталкиваются и подразделения транспортной полиции. Запрет на курение в определенных местах коснулся большинства видов общественного транспорта и объектов транспортной инфраструктуры: поездов дальнего следования, самолетов, мест на открытом воздухе на расстоянии менее чем пятнадцать метров от входов в помещения железнодорожных вокзалов, автовокзалов, аэропортов, морских портов, речных портов, помещений железнодорожных вокзалов, автовокзалов, аэропортов, морских портов, речных портов, предназначенных для оказания услуг по перевозкам пассажиров.

По данным Управления на транспорте МВД России по ДФО в 2013 г., за два месяца действия «антитабачного закона» за нарушения, связанные с курением в общественном месте, сотрудниками линейных управлений (отделов) полиции на транспорте составлено 805 протоколов об административных правонарушениях, в 2014 г. – 15 238 (что составило 17% от общего числа зарегистрированных протоколов), за два месяца 2015 г. – 3424 протокола об административном правонарушении. Сумма административного штрафа, наложенного на каждого правонарушителя, составила 500 руб. При всей положительной динамике борьбы с правонарушителями вызывает обеспокоенность тот факт, что административные штрафы, вынесенные курильщикам, ими почти не оплачиваются, и один из показателей работы органов внутренних дел – взыскиваемость административных штрафов – резко снизился, размер дебиторской задолженности правонарушителей перед государством резко возрос.

Особенность правонарушителей, выявленных транспортной полицией, такова, что они часто являются транзитными пассажирами, и дальнейшие процедуры привлечения их к ответственности за неуплату административного штрафа требуют от сотрудников полиции существенных временных и материальных затрат на пересылку материалов в другие населенные пункты, уведомления правонарушителей о месте и времени рассмотрения составленного на него протокола об административном правонарушении заказным письмом и т.п.

Считаем, что перечень должностных лиц органов внутренних дел, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, необходимо расширить, это сделает возможным рассмотрение дел данной категории в кратчайшие сроки. Оплатить же административный штраф правонарушитель смог бы в платежном терминале, расположенном на том же железнодорожном, автовокзале, аэровокзале, зданиях речных и морских портов и т.д.

Еще одним камнем преткновения для транспортных полицейских стали нормы, закрепленные в п. 12 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака», а именно запрет курения на пассажирских платформах, используемых исключительно для посадки в поезда, высадки из поездов пассажиров при их перевозках в пригородном сообщении. Во многих населенных пунктах ДФО, в частности, на железнодорожном вокзале г. Хабаровска станции Хабаровск-I платформы используются как для посадки и высадки пассажиров пригородного транспорта, так и поездов дальнего следования. Соответственно запрет на курение на эти платформы не распространяется, хотя они являются общественным местом, где курение запрещено. Если же обозначить эти платформы знаками о запрете курения, то права пассажиров поездов дальнего следования будут ущемлены. Выходом из этой ситуации может послужить введение запрета на курение на всех видах железнодорожных платформ, с одновременным введением требований к оснащению на их территории изолированных помещений для курения.

Не все благополучно с применением норм «антитабачного законодательства» и в Государственном пожарном надзоре ГУ МЧС России по Хабаровскому краю. Если плановые проверки, проводимые инспекторами Госпожнадзора, свидетельствуют о соблюдении субъектами проверок норм ст. 6.25 КоАП РФ, то функцию по документированию фактов нарушения гражданами требований, предусмотренных ст. 6.24 КоАП РФ, инспекторы считают им не свойственной, излишней. Обнаружение таких фактов происходит лишь в ходе совместных рейдов, носит эпизодический характер и, как правило, сопутствует выявлению нарушений требований ст. 6.25 КоАП РФ. Инспекторы Государственного пожарного надзора сталкиваются с большим количеством проблем по документированию фактов нарушения гражданами требований ст. 6.24 КоАП РФ. Для успешной фиксации факта правонарушения, сбора доказательственной базы необходимо установить личность правонарушителя, заручиться поддержкой свидетелей совершения противоправного поступка, что не всегда возможно осуществить. Для установ-

ления личности правонарушителя сотрудникам Государственного пожарного надзора необходимо тесное взаимодействие с органами внутренних дел для доставления нарушителя в отдел полиции, личное присутствие до момента установления его личности для составления протокола об административном правонарушении. Если вспомнить о том, что выявление фактов противоправных действий физических лиц инспекторы выявляют в ходе плановых проверок соблюдения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями требований ст. 6.25 КоАП РФ, то на проведение такой длительной процедуры у должностных лиц Госпожнадзора просто не хватает времени. Они ограничиваются устными предупреждениями в отношении курящих в не отведенном для этого месте лиц.

Вторая проблема, с которой сталкиваются все органы, документирующие нарушение физическими лицами требований ст. 6.24 КоАП РФ, – это пассивная позиция населения в отношении курильщиков. Являясь очевидцами нарушения «антитабачного законодательства», граждане не спешат становиться официальными свидетелями правонарушения, сотрудничать с представителями власти желания не изъявляют, что в результате ведет к наличию слабой доказательственной базы, основанной лишь на видео- и фотофиксации правонарушения.

Представители всех контрольно-надзорных органов заявляют, что необходимо обратить большее внимание общественности к проблеме курения, пока граждане остаются равнодушными, занимают созерцательно-наблюдательную позицию, справиться только лишь запретительными и карательными методами с этим злом не получится. Необходимо бороться с правонарушителями совместно с представителями общественных организаций, должностными лицами системы здравоохранения, образования, социальной сферы в форме регулярных совместных рейдов по профилактике и выявлению нарушителей «антитабачного законодательства».

И такой положительный опыт по борьбе с курением в Хабаровском крае есть. Так, руководство Хабаровской академии экономики и права и Тихоокеанского государственного университета на основе действующего Федерального законодательства издали внутренние приказы о запрете курения в помещениях, занимаемых учебными заведениями, и на прилегающей к ним территории. Представители этих учебных заведений, коменданты студенческих общежитий совместно с инспекторами Государственного пожарного надзора по Кировскому и Краснофлотскому районам г. Хабаровска проводят регулярные рейды по выявлению на территории учебных заведений курящих правонарушителей. Наличие очевидцев правонарушения создает дополнительную доказательственную базу для успешного рассмотрения дела об административном правонарушении, что ведет к снижению количества обжалованных и отмененных постановлений по делам данной категории.

Иные органы государственной власти, призванные осуществлять «антитабачный» надзор, связаны рамками нормативных актов, регулирующих их деятельность, согласно которым проверки, осуществляемые ими, носят плановый характер. Субъекты, подлежащие плановой проверке, тщательно к ней готовятся и стараются не допускать нарушений действующего законодательства. Внеплановые же проверки проводятся вышеупомянутыми органами лишь по обращениям и заявлениям граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, по информации от органов государственной власти, органов местного самоуправления, из СМИ. По данным Государственной жилищной инспекции Правительства Хабаровского края, за период действия Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» в период с 2013 по 2015 г. таких обращений поступило всего два. Граждане в обоих случаях жаловались на курящих в подъезде соседей.

«Административная машина» очень не расторопна, а правонарушение, связанное с курением табака в запрещенном месте, крайне скоротечно, в связи с чем выездная

проверка госжилинспекции не дала положительных результатов. Рассмотрение же дел об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 6.24 КоАП РФ производится в данном органе только по направлению из органов внутренних дел. За 2013-2014 гг. дел об административных правонарушениях данной категории рассмотрено не было. В 2015 г. «захлебнувшиеся» валом дел об административных правонарушениях по «антитабачному» направлению органы внутренних дел начали направлять их на рассмотрение в Государственную жилищную инспекцию при Правительстве Хабаровского края. Так, только за два месяца 2015 г. из УМВД России по Хабаровскому краю в Государственную жилищную инспекцию Правительства Хабаровского края было направлено 62 дела, 25 из которых уже рассмотрены.

По данным Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Хабаровскому краю, в ходе плановых проверок, проводимых сотрудниками Управления в 2014 г., было выявлено 2 факта нарушения ч. 2 ст. 6.25 КоАП РФ юридическими лицами. В отношении правонарушителей избрано мера административного наказания – административный штраф в размере 50 тыс. рублей на каждое юридическое лицо.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что с момента принятия Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» прошло более полутора лет и сейчас можно сделать некоторые выводы о том, в полной ли мере работают и исполняются его требования. Оценивая все «за» и «против» «антитабачного» законодательства, следует сделать вывод о том, что он несовершенен и требует доработки. Так, целесообразно ввести запрет на курение табака на всех видах железнодорожных платформ, с одновременным выделением и оснащением на них специальных мест на открытом воздухе или изолированных помещений для курения табака. С этой целью в п. 12 ч. 1 и ч. 2 ст. 12 Федерального закона от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» необходимо внести соответствующие изменения. Следует расширить перечень должностных лиц органов внутренних дел, рассматривающих протоколы об административных правонарушениях, для сокращения времени от момента выявления правонарушения до вынесения решения уполномоченным лицом органа внутренних дел, что позволит сократить расходы, связанные с рассмотрением дел данной категории, и увеличит поступление средств в федеральный бюджет.

Безусловно, борьбу с таким пагубным явлением, как употребление табака, в первую очередь необходимо начинать с воспитания населения (отторжение табакокурения, порицание нарушителей закона, активная гражданская позиция в обществе). Если курильщик, каждый раз нарушая закон, будет ловить на себе неодобряющие взгляды, слышать замечания от граждан, выглядеть «белой вороной» среди некурящего населения, мы сможем говорить о положительном воздействии «антитабачного законодательства» на население страны, сможем увидеть рост количества наших сограждан, отказавшихся от курения, и общее оздоровление нации.

Литература

1. Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака. URL: <http://base.garant.ru/2565668/> (дата обращения: 18.02.2015).
2. Россияне считают, что антитабачный закон дискриминирует курящих. URL: <http://izvestia.ru/news/579397> (дата обращения: 14.03.2015).
3. Соборное уложение. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 10.03.2015).
4. Судьба курильщиков в России. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114927> (дата обращения: 10.03.2015).
5. Хартия табачного согласия. URL: <http://tabak-zakon.ru/about/the-charter-of-tobacco-agreement/> (дата обращения: 05.03.2015).

КРИМИНАЛИСТИКА. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.9

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Александр Сергеевич Пудовиков, заместитель начальника кафедры
Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук

E-mail: aleks.pudovikov@yandex.ru

В статье затрагиваются проблемы установления персональных данных участников уголовного судопроизводства в случаях невозможности или нежелания последними предъявить документы, удостоверяющие их личность, а также когда отсутствует возможность получить указанную информацию иными законными способами.

Ключевые слова: личность; персональные данные; информационная основа деятельности следователя; идентификация личности; протокол следственного действия.

THE PROBLEM OF IDENTIFICATION OF THE ACCUSED DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES

Aleksandr Sergeevich Pudovikov, deputy head of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Kandidat nauk degree in Law

The article touches upon the problem of establishing the personal data of participants in criminal proceedings in cases not possible or is not the desire of the latter to produce documents proving their identity, and when it is impossible to obtain this information by other legal means.

Keywords: identity; personal information; information basis of the investigator; identities; protocol of the investigative action.

Раскрытие и расследование любого преступления не представляется без того, чтобы сотрудники правоохранительных органов не осуществляли деятельности, связанной с установлением личности участников уголовного процесса.

Понятие «личность», по общему мнению, должно давать представление об особенностях отдельно взятого индивидуума. Исходя из этого, личность как объект изучения рассматривается многими науками. В связи с этим не является исключением и личность обвиняемого в совершении преступления.

Исследованию вышеуказанной проблемы в области юриспруденции были посвящены труды многих ученых. При этом с точки зрения уголовно-процессуального права интерес, как правило, представляет сущностная характеристика личности обвиняемого, а также процессуальные гарантии его прав и свобод, о чем не раз в своих исследованиях говорила профессор А.П. Гуськова [1]. Криминологи рассматривают личность с позиции характеристики лиц, совершивших преступление и способных на это. В криминалистике личность преступника традиционно рассматривается как элемент криминалистической характеристики преступления в свете корреляционных зависимостей с

другими базовыми элементами с целью оптимизации процесса расследования. Так, М.П. Коршик и С.С. Степичев обращали внимание на тактические особенности использования сведений о личности обвиняемого в выдвижении и проверке версии о причастности конкретного лица к совершению преступления, а также на их учет при выборе тактических приемов проведения отдельных следственных действий (допроса, обыска), при установлении соучастников преступления [2]. В рамках своих исследований Г.И. Поврезнюк анализировал такие криминалистические методы и средства установления личности, как дактилоскопический, описания внешности по методу «словесного портрета», одорологический, фоноскопический и т.п. [3]. Профессор Г.А. Самойлов исследовал вопросы, связанные с материальной фиксацией навыков субъекта, с целью розыска лиц, интересующих правоохранительные органы [4].

Вместе с тем обращение к криминалистическим исследованиям, посвященным проблемам установления личности участников уголовного процесса, позволяет констатировать тот факт, что большинство научных изысканий направлены на решение вопросов, касающихся получения информации о личности (путем работы с различными материальными и идеальными следами), которая, в свою очередь, призвана быть использованной в большей степени именно для розыска лиц, совершивших преступления, а также учитываемой при планировании предварительного расследования и выборе тактики производства следственных действий.

Проблемы установления персональных данных и, в частности, идентификации личности обвиняемого при расследовании преступлений, где в качестве фигурантов выступают лица, либо вообще не имеющие документа, удостоверяющего личность, либо не желающие по субъективным причинам его предъявлять, анализировались учеными в меньшей степени. Приступая к производству любого следственного действия, следователь обязан убедиться в том, что его участники являются именно теми лицами, за которых они себя выдают. Данный факт подчеркивают в своих работах А.А. Топорков и Е.П. Ищенко [5, с. 416].

На это же прямо указывает действующее законодательство. Так, пункт 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ в круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, включает информацию, характеризующую личность обвиняемого. Пункт 3 ч. 3 ст. 166 УПК РФ предусматривает отражение в протоколе фамилии, имени и отчества каждого лица, участвовавшего в следственном действии, а в необходимых случаях – его адреса и других данных о его личности. Пункт 3 ч. 2 ст. 171 УПК РФ обязывает следователя указать в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого фамилию, имя и отчество лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, число, месяц, год и место его рождения. Пункты 2 и 3 ч. 2 ст. 174 УПК РФ говорят о том, что в протоколе первого допроса обвиняемого должны быть указаны его фамилия, имя и отчество, а также дата и место рождения. И это далеко не полный перечень законодательных норм, требующих от следователя установления персональных данных (из числа которых фамилия, имя, отчество, дата и место рождения в принципе являются определяющими факторами для идентификации личности) участников уголовного процесса, а эти данные указываются именно в документах, удостоверяющих личность гражданина.

С учетом перечисленных обстоятельств можно сделать вывод, что отсутствие юридически значимых персональных данных о личности обвиняемого определенным образом препятствует решению задач, стоящих перед уголовным судопроизводством.

Естественно, указанная проблема на практике не возникает сплошь и рядом, но в отношении отдельных категорий лиц (нелегальные мигранты, лица из числа некоторых этнических групп, члены наиболее радикальных религиозных сект) встречается довольно часто.

Да, на сегодняшний день в арсенале следователя имеются возможности (как процессуального, так и непроцессуального характера) установления персональных данных фигурантов по уголовным делам.

Так, информационной основой деятельности следователя служат адресно-справочные учеты, данные картотек ФМС России, в том числе по заявлениям о выдаче паспорта, а также учеты МВД России, ФСБ России, Минюста России, МИД России, Минобороны России, органов записи актов гражданского состояния и других учреждений, в том числе консульских.

Самые крупные массивы оперативно-справочной, розыскной, криминалистической и экспертно-криминалистической информации, используемой в работе по установлению личности, ведутся в органах внутренних дел. Централизованное оснащение регионов современными комплексами обработки персональных данных позволило интегрировать в органах внутренних дел информационные ресурсы не только на региональном, но и на федеральном уровнях.

Правовой основой формирования и ведения соответствующих массивов информации в форме картотек, электронных баз данных и тому подобных являются «статусные» нормативные правовые акты органов государственной власти, а также нормативные правовые акты, устанавливающие общие правила обработки различных видов персональных данных. В последней группе можно отметить Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» и Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации». Более детальные вопросы организации формирования, ведения и использования соответствующих учетов регламентированы в ведомственных нормативных правовых актах, часть которых имеет гриф ограниченного пользования.

С точки зрения эффективности наиболее перспективным методом идентификации личности, который используется в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, является метод ДНК-анализа. Он позволяет провести идентификацию практически со стопроцентной вероятностью. Но возможность использования вышеуказанного источника информации о личности появляется тогда, когда идентифицируемый гражданин уже является объектом того или иного криминалистического учета, другими словами, тогда, когда возникают необходимые условия идентификации.

Решение обозначенной задачи видится и во взаимодействии следователя с сотрудниками уголовного розыска. Так, значительный объем работы по установлению персональных данных в целях установления личности правонарушителя протекает в рамках оперативно-розыскной деятельности в соответствии с положениями Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В рамках этой работы проводятся оперативно-розыскные мероприятия, среди которых можно выделить опрос, наведение справок и отождествление личности. И хотя на основании положений ст. 13 указанного закона осуществление оперативно-розыскных мероприятий относится к компетенции сотрудников оперативных аппаратов, действующее уголовно-процессуальное законодательство, по нашему мнению, вносит неопределенность в вопросе исключительного характера данной компетенции. Так, в п. 38 ст. 5 УПК РФ раскрывается содержание термина «розыскные меры». Исходя из дефиниции, под последними понимаются меры, принимаемые дознавателем, следователем, а также органом дознания по поручению дознавателя или следователя, для установления лица, подозреваемого в совершении преступления.

Но и вышеобозначенная деятельность в рамках установления персональных данных лиц, находящихся в орбите уголовного судопроизводства, к сожалению, не всегда приводит к положительному результату.

Анализ следственной практики позволяет констатировать тот факт, что при возникновении следственных ситуаций, когда обвиняемый не может или не желает удостоверить свои персональные данные, не указывает на достоверные источники получе-

ния такой информации, следователи (исчерпав свои возможности в этой области), в большинстве случаев, необходимые сведения о личности указывали со слов обвиняемого (на наш взгляд, у них просто нет другого выхода), что в принципе идет вразрез с действующим законодательством и не всегда решает указанную проблему.

Сказанное, в свою очередь, подтверждают результаты анкетирования следователей в различных регионах РФ. В частности 15 из 20 опрошенных респондентов Забайкальского линейного управления МВД России на транспорте заявили о том, что у них имелись серьезные проблемы при направлении уголовных дел (по которым в качестве обвиняемых проходили граждане, составляющие межэтнические группы и не имеющие документов, удостоверяющих личность) для судебного разбирательства именно по причине невозможности удостоверения личности обвиняемых.

Вопрос, возникающий у правоприменителей: «Как же быть в данной ситуации?», исходя из положений действующего законодательства и современных возможностей криминалистики, представляется во многом риторическим.

В настоящее время среди процессуалистов обсуждается идея о целесообразности включения в УПК РФ нормы, предусматривающей возможность вынесения следователем постановления об избрании лицу псевдонима в случае, если в результате принятых мер данные о личности подозреваемого, обвиняемого установить не удалось. Но, по нашему мнению, проблема заключается в большей степени в построении юридического механизма ее решения.

Следует отметить, что мировая практика, в частности англо-саксонское право, пошло достаточно радикально в этом направлении. Так, по смыслу американского уголовно-процессуального права, арест обвиняемого находится в неразрывной связи с возбуждением уголовного преследования. Анализ литературных источников, посвященных проблемам уголовного судопроизводства США [6], позволяет отметить, что, как правило, в тех случаях, когда имя обвиняемого неизвестно, в приказе об аресте указывается вымышленное имя – Джон До (John Doe) или Джейн До (Jane Doe) в зависимости от пола обвиняемого и его последнего местонахождения. Здесь зарубежные правоприменители пошли по пути медицинских работников. Так, в больницах англоязычных стран именами Джон До и Джейн До называют пациентов, чье имя по каким-то причинам (амнезия, кома, отсутствие родных и близких, которые могли бы назвать имя пациента) неизвестно.

Сказанное ни в коем случае не означает, что правоохранительные органы США не утруждают себя тем, чтобы принять необходимые меры для установления личности обвиняемого, поскольку действующее законодательство содержит в себе определенные условия. Так, в приказе об аресте лица, которому присвоен псевдоним, должно содержаться описание его габитоскопических признаков, позволяющих в последующем с их помощью осуществить его идентификацию.

С учетом опыта зарубежных коллег, по нашему мнению, выход из обозначенной ситуации может заключаться в следующем:

1. Необходимо разработать и утвердить комплекс обязательных со стороны следователя действий (включающий в себя мероприятия как процессуального, так и непроцессуального характера), направленный на установление персональных данных участника уголовного процесса.

2. В том случае, если результаты проведенных мероприятий будут отрицательными, то их следует зафиксировать в соответствующем процессуальном документе.

3. Путем вынесения соответствующего постановления присваивать гражданину, личность которого не установлена, псевдоним со всеми вытекающими как для данного субъекта, так и для предварительного расследования в целом последствиями.

Сделаем оговорку. Указанный перечень мероприятий не должен быть закрытым, поскольку и развитие научно-технического прогресса, и изменения в действующем за-

конодательстве, несомненно, могут, а в некоторых случаях должны влиять на его корректировку.

Существуют мнения, что подобное решение может отрицательно сказаться на правах отдельных категорий граждан. Так, соответствующее лицо может обладать дипломатическим статусом, не позволяющим привлекать его к ответственности, особым статусом (специальный субъект), устанавливающим особый порядок возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого. В случае присвоения обвиняемому псевдонима не исключено и нарушение требований о подследственности и подсудности (например, в случае привлечения к ответственности военнослужащего, который скрывает свой статус), и здесь с апологетами данной точки зрения можно отчасти согласиться. Но в данном случае, по нашему мнению, необходимо ставить во главу угла все-таки относимость и допустимость доказательств, полученных в рамках предварительного расследования. И если доказательства получены в соответствии с действующим законодательством, то последующие заявления о незаконности таковых по причине вышеназванного способа идентификации обвиняемого в части установления его персональных данных, в рамках уголовного судопроизводства, с нашей точки зрения, несостоятельны.

Естественно, обозначенная проблема требует дальнейшего исследования, и, возможно, она будет решена более или менее кардинальным путем. Но на сегодняшний день она существует, поэтому требует обсуждения.

Литература

1. Гуськова А.П. Избранные труды. Оренбург, 2007.
2. Коршик М.П., Степичев С.С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М., 1969.
3. Поврезнюк Г.И. Теория и практика криминалистического установления личности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
4. Самойлов Г.А. Основы криминалистического учения о навыках. М., 1968.
5. Топорков А.А., Ищенко Е.П. Криминалистика. М., 2005.
6. Юридическая библиотека. URL: http://www.juristlib.ru/book_2931.html.

УДК 343.721

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ

Мария Викторовна Серебрянникова, старший преподаватель
Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: ms050307@mail.ru

В статье предпринята попытка сформулировать некоторые особенности расследования мошеннических действий при получении социальных выплат на этапе возбуждения уголовного дела, включая перечень обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию в ходе расследования хищений при получении выплат, а также перечень документов, входящих в материалы предварительной проверки.

Ключевые слова: мошенничество; хищение; расследование; социальные выплаты; средства материнского (семейного) капитала.

FEATURES OF INVESTIGATION OF PLUNDERS OF MONEY WHEN RECEIVING SOCIAL PAYMENTS

Maria Victorovna Serebryannikova, senior lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Kandidat nauk degree in Law

In article an attempt to formulate some features of investigation of roguish actions when receiving social payments at a stage of initiation of legal proceedings, including the list of the circumstances which are subject to establishment and proof during the investigation of plunders when receiving payments and the list of the documents entering materials of preliminary check is made.

Keywords: fraud; plunder; investigation; social payments; means of the maternity (family) capital.

Ежегодно в стране регистрируется значительное количество преступлений, связанных с совершением мошеннических действий. В 2014 г. было зарегистрировано почти 160 тыс. подобных преступных деяний. При этом раскрываемость мошенничества за последние три года составляет менее половины от общего числа зарегистрированных преступлений данного вида [8].

С учетом особенностей совершения мошеннических действий в различных видах экономической деятельности и вытекающих из данного обстоятельства особенностей расследования таких преступлений и квалификации преступных деяний лиц, их совершивших, в правоохранительной деятельности возникла необходимость дифференцировать уголовно-правовые меры воздействия на лиц, совершивших мошеннические действия. В связи с этим 29 ноября 2012 г. был принят Федеральный закон № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который существенным образом изменил правовое регулирование отношений, связанных с вопросами привлечения к уголовной ответственности за мошенничество.

В зависимости от сферы совершения мошеннических действий, от предмета и способа совершения преступлений Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 159.1-159.6, предусматривающими уголовную ответственность за совершение мошенничества в таких сферах, как кредитование, предпринимательская деятельность, страхование, компьютерная информация, а также за совершение мошенничества при получении выплат или с использованием платежных карт. При этом Президиум Верховного Суда РФ определил данные составы преступления как «специальные разновидности общего состава мошенничества» [4], которые в юридической литературе часто именуют «специальными» составами [7, с. 196; 9, с. 29-32].

С криминалистической стороны каждое из указанных преступлений имеет свою характеристику, специфические особенности и сложности, возникающие при их расследовании. В рамках настоящей статьи мы обратим внимание на состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за совершение мошенничества при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ).

Исходя из положений ч. 1 ст. 159.2 УК РФ, под мошенничеством при получении выплат понимается хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат.

С момента действия указанной нормы между исследователями в области уголовного права, жилищного права, в сфере социального обеспечения и некоторых других не

утихают дискуссии относительно целесообразности выделения рассматриваемых преступных деяний в самостоятельный состав преступления, формулировки названия и самой диспозиции правовой нормы. Особый интерес представляют вопросы квалификации преступных деяний, определения предмета рассматриваемого вида хищений и действий, составляющих объективную сторону мошенничества при получении выплат, и т.п. [1, с. 4-12; 6, с. 29-32; 7, с. 196].

В то же время продолжает складываться определенная следственная и судебная практика, анализ которой позволяет констатировать тот факт, что единой трактовки и практики применения положений статьи о хищении денежных средств при получении выплат до настоящего времени не сложилось. Значительные трудности испытывают органы предварительного расследования, призванные осуществлять расследование по столь сложной категории преступлений. Важно заметить, что расследование хищений при получении выплат приобретает определенные особенности в зависимости от вида социальной выплаты и сферы деятельности, в которой она осуществляется.

Российское законодательство предусматривает довольно значительное количество разных социальных выплат, одной из которых является получение средств материнского (семейного) капитала. Так, с 1 января 2007 г. вступил в силу Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», который применяется к правоотношениям, возникшим в связи с рождением (усыновлением) ребенка (детей) в период с 1 января 2007 г. по 31 декабря 2016 г. Как следствие, появилось и новое преступление – хищение средств материнского капитала.

Раскрытие и расследование мошенничества при получении выплат также представляет достаточно сложную задачу для правоохранительных органов. Данный факт обусловлен в первую очередь отсутствием четко разработанной методики по расследованию мошенничества при получении выплат (как в общем, так и в зависимости от вида социальной выплаты или способа совершения мошенничества), что влечет типичные проблемы при расследовании преступлений: принятие незаконных решений, нарушение процессуальных сроков, низкую раскрываемость, неустановление лиц, совершивших преступление или причастных к его совершению, неустановление всех обстоятельств совершения мошенничества при получении выплат и т.д. [2, с. 110-114].

Сложность в первую очередь заключается в том, что при получении первоначальной информации о возможных фактах совершения рассматриваемого вида мошенничества, в том числе из поступивших сообщений, довольно затруднительно сразу и однозначно решить вопрос о наличии или отсутствии в действиях лица (лиц) признаков соответствующего состава преступления. В связи с этим необходимо проведение тщательной предварительной (доследственной) проверки любых обращений, результаты которой имеют решающее значение для принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела.

Кроме того, часть 1. ст. 144 УПК РФ, регламентирующая порядок рассмотрения сообщения о преступлении, прямо устанавливает обязанность дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции принять по нему соответствующее законное решение.

Следует помнить, если сообщение о преступлении было распространено в средствах массовой информации, то в данном случае проверку проводит орган дознания по поручению прокурора, следователь же проводит проверку по поручению руководителя следственного органа. При этом редакция или главный редактор соответствующего средства массовой информации обязаны передать соответствующему уполномоченному лицу имеющиеся в распоряжении соответствующего средства массовой информации документы и материалы, которые подтверждают сообщение о преступлении и

(или) данные о лице, предоставившем указанную информацию. Исключение составляют случаи, когда лицо поставило условие о сохранении в тайне источника информации.

Одной из основных задач предварительной (доследственной) проверки является установление повода и оснований для возбуждения уголовного дела. Как показывает анализ судебной и следственной практики, в большинстве случаев информация о совершенном или готовящемся мошенничестве при получении выплат в большинстве случаев поступает из отделений Пенсионного фонда России, которые уполномочены принимать решение о производстве различных социальных выплат, в том числе о выдаче сертификата на получение средств материнского (семейного) капитала. Кроме того, информация о мошенничестве при получении выплат может быть получена правоохранительными органами при расследовании иных уголовных дел, в том числе экономической направленности, о чем должен быть составлен соответствующий рапорт об обнаружении признаков преступления.

Другим поводом для возбуждения уголовного дела является постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в органы предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Ежегодно в органы прокуратуры поступают сотни заявлений от Пенсионного фонда России с просьбой выяснить законность действий граждан, подающих документы для получения права на материнский капитал, либо лиц, пытающихся использовать уже полученный материнский капитал не по назначению. Данные заявления также подвергаются проверке, и в случаях обнаружения мошеннических схем нецелевого применения денежных средств материнского капитала и (или) использования подложных документов для приобретения сертификата на получение средств материнского капитала, принимается решение о передаче соответствующих материалов в органы предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Следует помнить, что в случаях, когда признаки мошенничества обнаруживаются соответствующими государственными органами, то расследование преступления начинается спустя некоторое время. Данное обстоятельство значительно затрудняет установление личности и места нахождения преступника (преступников), поскольку у последнего появляется реальная возможность скрыться от следствия и суда. Помимо этого, осложняется возможность принятия оперативных мер по обеспечению возврата похищенных денежных средств. В то же время, например, в отношении жилища, на приобретение которого были получены денежные средства материнского капитала, могут быть совершены последующие сделки, согласно которым оно уже на законных основаниях может находиться в собственности у иных добросовестных покупателей.

Таким образом, своевременное и обоснованное возбуждение уголовного дела, а также своевременное принятие мер к недопущению совершения в дальнейшем сделок с таким жилищем имеют неоценимое значение для всего расследования мошеннических действий при получении социальных выплат.

Основаниями для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки состава преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ. Данные, указывающие на признаки преступления, содержатся в материалах предварительной (доследственной) проверки, анализ которых и позволяет принять решение в соответствии со ст. 145 УПК РФ.

Как правило, на этапе предварительной проверки сообщения о мошенничестве при получении выплат выдвигаются и проверяются типичные версии, которые выдвигаются и на первоначальном этапе расследования обычного мошенничества:

- мошенничество имело место при обстоятельствах, указанных в сообщении;
- мошенничества не было, заявитель добросовестно заблуждается.

Проверка первой версии необходима, так как в случае подтверждения контрверсии – «преступления не было», основания для возбуждения уголовного дела отсутствуют.

Кроме того, органы предварительного расследования должны выдвинуть и частные версии, основными из которых являются версии относительно способа совершения мошенничества, лиц его совершивших, целях и мотивах совершения преступления и т.д.

В общем виде, осуществляя проверку версий, выдвигаемых на первоначальном этапе расследования мошеннических действий при получении выплат, необходимо установить следующие обстоятельства:

1) имело ли место мошенничество при получении выплат, как, например, получено ли право на получение выплат (в том числе получение сертификата на материнский капитал) или сами выплаты с нарушением закона;

2) какие именно выплаты были предметом преступного посягательства: пособие, компенсация, субсидия и иные социальные выплаты, установленные законами и иными нормативными правовыми актами;

3) каков размер ущерба, причиненного государству (иному собственнику, в зависимости от предмета преступного посягательства в виде различных социальных выплат), и его исчисление в денежном эквиваленте;

4) не имеют ли отношения между сторонами характер гражданско-правовой сделки;

5) данные о законном представителе потерпевшего и гражданского истца, то есть установление наименования организации, его юридического и фактического адреса и иных необходимых реквизитов (например, адрес регионального отделения Пенсионного фонда России), а также данные о лице, правомочном представлять их интересы в рамках уголовного судопроизводства, в том числе указанные в доверенности;

6) имеются (отсутствуют) у субъекта законные основания для приобретения права на получение выплат либо получение самих выплат (например, законность получения сертификата на право использовать средства материнского капитала, не использовались ли для его получения подложные документы либо документы с указанием недостоверных данных и т.д.);

7) с какой целью совершено противоправное изъятие, например, в целях получения материальной выгоды для субъекта или других лиц либо в целях избавления от материальных затрат (возврат имущества, долга, оплата услуг, выполнение имущественных обязательств, уплата алиментов) и т.п.

Верховный Суд РФ указывает, что при решении вопроса о виновности лиц в совершении мошенничества суды должны иметь в виду, что обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц [5];

8) обращены ли выплаты или право на их получение в пользу преступника или иных лиц;

9) каков способ совершения мошенничества при получении выплат.

В статье 159.2 УК РФ, в отличие от ст. 159 УК РФ (обман или злоупотребление доверием), законодатель указал иные способы хищения. В соответствии со ст. 159.2 УК РФ объективную сторону содеянного составляют деяния, совершенные путем:

- либо представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, то есть лицо, претендующее на выплаты, осознанно официально представляет в органы исполнительной власти, учреждения или организации, уполномоченные принимать соответствующие решения по назначению и производству выплат, информацию, необходимую для их назначения или получения, однако представляемая информация не соответствует действительности;

- либо путем умалчивания о фактах, влекущих прекращение выплат, т.е. лицо сознательно умалчивает об истинных фактах (скрывает информацию), сообщение о которых влечет немедленное прекращение выплат [3, с. 6-15].

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ, сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности, к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям [5].

Так, при совершении мошенничества при получении выплат ложные сведения могут касаться обстоятельств, наступление которых, согласно закону, подзаконному акту и (или) договору, является обязательным условием для получения определенных выплат в виде денежных средств или иного имущества (в частности, о личности их получателя, об инвалидности, о наличии иждивенцев, об участии в боевых действиях, об отсутствии возможности трудоустройства, о наступлении страхового случая и т.д.), однако не соответствуют действительности (например, предоставление чужих личных или иных документов, таких как свидетельство о рождении ребенка и т.п.);

10) использовались ли при совершении мошеннических действий документы с явными признаками подделки;

11) применялись ли субъектами преступления технические средства при совершении мошеннических действий, если да, то когда, кем, где и какие именно, место их приобретения или изготовления и т.д.;

12) доведены ли преступные действия до конца или нет.

Здесь следует заметить, что мошенничество при получении выплат считается оконченным с момента получения получателем выплат суммы денег, определенной соответствующими законами и нормативными правовыми актами, а равно приобретения им юридического права на получение денежных средств или иного имущества [3, с. 6-15]. Сам по себе факт предоставления лицом, претендующим на выплаты, органу, уполномоченному на их назначение и производство, заведомо ложных и (или) недостоверных сведений в зависимости от обстоятельств дела может содержать признаки приготовления к данному виду мошенничества;

13) место и время совершения мошенничества, то есть место и время заключения договора, его передачи, передачи денег, места встреч и т.д.;

14) способы подготовки к совершению преступления, то есть содержание подготовительных действий к совершению мошеннических действий при получении выплат.

Анализ следственной практики показывает, что наиболее распространенным способом подготовки к совершению мошеннических действий в отношении средств материнского капитала, ответственность за которые предусмотрена ст. 159.2 УК РФ, является поиск субъектами преступления соучастников путем размещения объявлений в Интернете, в газетах и так далее с предложениями «обналичить» материнский капитал. В свою очередь, обладатели сертификатов либо лица, желающие приобрести сертификат с нарушением закона, сами осуществляют поиск лиц, которые смогут оказать «помощь» в незаконном получении социальных выплат;

15) личность субъекта преступления, его характеристика по месту работы, службы, учебы и т.д., не совершал ли ранее мошеннических действий и т.д. Субъектом рассматриваемого преступления может быть любое дееспособное лицо, достигшее 16-летнего возраста;

16) не совершено ли мошенничество группой лиц, если да, то какова роль каждого участника в совершении преступления; место и время вступления в сговор; какие конкретно действия, непосредственно направленные на исполнение объективной стороны этих преступлений, выполнял каждый из соучастников и т.д.;

17) кто и какие меры предпринимал по сокрытию следов преступления;

18) наличие свидетелей и очевидцев преступления; кому именно было известно о совершенном или готовящемся мошенничестве, из каких источников и т.п.;

19) какие обстоятельства способствовали мошенничеству при получении выплат;

20) иные факты, необходимые для принятия соответствующего решения, в зависимости от имеющейся на определенном этапе расследования информации.

Установление указанных обстоятельств в совокупности указывает на достаточность данных для возбуждения уголовного дела. Естественно, представить полный перечень вопросов и обстоятельств, которые необходимо установить на этапе доследственной проверки и на первоначальном этапе расследования, не представляется возможным. Однако следует помнить, что чем больше информации, имеющей отношение к расследуемому событию, будет получено и должным образом оформлено на данной стадии, тем быстрее и результативнее будет окончено расследование.

Процессуальный инструментарий, который дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе применять при проверке сообщения о возможных фактах совершения мошеннических действий при получении выплат, четко регламентирован в ст. 144 УПК РФ. Подчеркнем в данном случае положительные, на наш взгляд, законодательные изменения, принятые в 2013 г. относительно содержания ч. 1 ст. 144 УПК РФ, – значительно расширен перечень процессуальных действий, проведение которых возможно до принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Материалы предварительной проверки должны содержать следующие документы:

1) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников (например, из Пенсионного фонда РФ);

2) рапорт работника органа дознания об обнаружении признаков преступления, в котором указывается: где, когда, какие признаки и какого состава преступления были обнаружены, при каких обстоятельствах имело место обнаружение признаков преступления; сведения о лице, подозреваемом в его совершении; сведения о лицах, располагающих информацией о событии, местонахождении следов преступления, документов и предметов, которые могут быть вещественными доказательствами;

3) объяснения от заявителя (например, от законного представителя Пенсионного фонда России);

4) оригинал (либо заверенную надлежащим образом копию) доверенности на право осуществления действий в интересах доверителя, например Пенсионного фонда РФ, уполномоченного представлять интересы Пенсионного фонда РФ (законного представителя) на предварительном следствии и в суде;

5) объяснения от очевидцев и свидетелей (в том числе от родственников, знакомых, детей и т.д.);

6) протокол осмотра сертификата на получение средств материнского (семейного) капитала, выданного на имя предполагаемой подозреваемой, с прилагаемой его копией;

7) заключение эксперта о наличии (отсутствии) признаков подделки сертификата на получение средств материнского (семейного) капитала (либо справка о результатах предварительного исследования документа);

8) протокол осмотра свидетельств о рождении детей с приложением копий данных документов;

9) заключение эксперта о наличии (отсутствии) признаков подделки в свидетельствах о рождении детей;

10) копии запросов в органы опеки и попечительства или органы социальной защиты и ответы на них в виде справок и копий документов (включая вопросы совершения сделок с недвижимостью, затрагивающих интересы несовершеннолетних или граждан, входящих в так называемую «группу риска»);

11) свидетельство о государственной регистрации права собственности на недвижимое имущество, которое является документом строгой отчетности, имеет степень защищенности на уровне ценной бумаги на предъявителя, а также учетную серию и номер.

Выписка из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее – ЕГРП) в территориальном органе федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, государственного кадастрового учета недви-

мого имущества, ведения государственного кадастра недвижимости, должна содержать описание объекта недвижимости, зарегистрированные права на него, а также ограничения (обременения) прав, сведения о существующих на момент выдачи выписки правопритязаниях и заявленных в судебном порядке правах требования в отношении данного объекта недвижимости, отметки о возражении в отношении зарегистрированного права на него.

Кроме того, в выписке из ЕГРП, содержащей сведения о земельном участке, на котором создается объект недвижимого имущества, в состав которого входят жилые и нежилые помещения, являющиеся предметами договоров участия в долевом строительстве, помимо сведений об ипотеке указывается наличие зарегистрированных договоров участия в долевом строительстве с перечнем объектов долевого строительства, а также фирменные наименования (наименования) юридических лиц – участников долевого строительства, фамилии, имена, отчества физических лиц – участников долевого строительства.

Сведения, содержащиеся в Едином государственном реестре прав, предоставляются в срок не более чем пять рабочих дней со дня получения органом, осуществляющим государственную регистрацию прав, соответствующего запроса (максимальный срок), за исключением случаев, указанных в Федеральном законе от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»;

12) копия запроса в организацию, уполномоченную проводить техническую инвентаризацию и оценку недвижимости, о предоставлении:

- справки с указанием характеристики объекта недвижимости, его стоимости, собственника, наличия или отсутствия запрещений и ограничений на совершение сделок;

- копии технического паспорта жилого помещения с указанием даты составления, адреса объекта, его принадлежности, стоимости, инвентарного номера за подписью директора БТИ и оттиском печати;

- информации о том, не использовало ли лицо свое право на однократную бесплатную приватизацию;

- информации о том, не оформляло ли лицо разрешительную документацию на строительство и ввод объектов в эксплуатацию и т.д.;

13) истребованные справки из организации, уполномоченной проводить техническую инвентаризацию и оценку недвижимости;

14) справки из органов опеки и попечительства или органа социальной защиты населения (при совершении сделок, затрагивающих интересы несовершеннолетних или граждан, входящих в так называемую «группу риска»);

15) выписка из домовой книги или домовая книга с указанием лиц, зарегистрированных в жилом помещении;

16) копии заявлений или их оригиналы, свидетельствующие о совершении каких-либо действий (например, заявление о выдаче сертификата, заявление о предоставлении средств материнского капитала);

17) договоры или копии о совершении сделок с недвижимым имуществом;

18) справки предварительных криминалистических исследований или заключения экспертов;

19) иные предметы и документы.

Учитывая объем и сложность расследования мошенничества при получении вы плат, следует помнить о сроках проведения проверки сообщения о преступлении и не допускать их нарушения. Так, согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ, решение по поступившему сообщению необходимо принять в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. Однако при наличии мотивированного ходатайства следователя или дознавателя руководитель следственного органа или начальник органа дознания соответственно вправе продлить срок проверки до 10 суток (ч. 3 ст. 144 УПК РФ).

Указанный срок может быть продлен до 30 суток в случае, когда при проведении предварительной проверки необходимо провести документальные проверки, ревизии, судебные экспертизы, исследования документов, предметов, трупов, а также необходимые оперативно-розыскные мероприятия. В данном случае решение о продлении соответствующего срока принимает руководитель следственного органа по ходатайству следователя или прокурор по ходатайству дознавателя, в котором обязательно должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления (ч. 3 ст. 144 УПК РФ).

В соответствии с ч. 1 ст. 145 УПК РФ по результатам рассмотрения сообщения о преступлении орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа принимает одно из следующих решений:

- о возбуждении уголовного дела в порядке, установленном ст. 146 УПК РФ;
- об отказе в возбуждении уголовного дела;
- о передаче сообщения по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ.

О принятом решении сообщается заявителю. При этом заявителю разъясняется его право обжаловать данное решение и порядок обжалования (ч. 2 ст. 144 УПК РФ).

Кроме того, после принятия одного из установленных законом решений орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа должен принять меры по сохранению следов преступления.

В завершение следует сказать о подследственности и формах расследования преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ. Расследование преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159.2 УК РФ, осуществляется в форме дознания дознавателями органов внутренних дел. По письменному указанию прокурора уголовное дело может быть передано для производства предварительного следствия. Преступления, предусмотренные ч. 2-4 ст. 159.2 УК РФ, расследуются в форме предварительного следствия следователями органов внутренних дел. Все споры о подследственности уголовного дела разрешает прокурор.

Полагаем, что изложенные в настоящей статье выводы и методические рекомендации в первую очередь будут способствовать разрешению спорных вопросов при организации расследования преступлений, связанных с хищением при получении выплат, в том числе средств материнского (семейного) капитала. Кроме того, как представляется, нами предпринята попытка внести определенный вклад в разработку частной методики по расследованию преступлений, связанных с получением выплат, которая до настоящего времени находится на стадии формирования в силу непродолжительного действия правовых норм.

Литература

1. Болдырев В. Мошенничество с целью получения социальных выплат: предмет преступления // Уголовное право. 2014. № 3.
2. Занькин Д.В. Отдельные проблемы расследования мошенничества при получении выплат // Современное право. 2014. № 10.
3. Колоколов Н.А. Преступления против собственности: комментируем новеллы УК РФ // Мировой судья. 2013. № 1.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии»: обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 декабря 2013 г. // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 // Российская газета. 2008. 12 января.

6. Прокументов Л., Архипов А. Предмет мошенничества при получении выплат // Уголовное право. 2014. № 1.

7. Савин С.В., Рузин С.Е. Проблемы применения специальных составов мошенничества при квалификации преступных деяний // Вестник Омского университета. Серия. Право. 2014. № 1 (38).

8. Состояние преступности за 2010-2014 гг. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <http://mvd.ru> (дата обращения: 22.02.2015).

9. Федоров Д.А. Учет размера хищения в «специальных» составах мошенничества (ст. 159.1-159.6 УК РФ) // Российский следователь. 2014. № 4.

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ И ТАКТИКИ ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

Снежана Николаевна Веснина, начальник кафедры

кандидат юридических наук, доцент;

Елена Виллиевна Жидкова, старший преподаватель

(Владивостокский филиал Дальневосточного

юридического института МВД России)

E-mail: snowv@mail.ru

elenazhidkova2015@mail.ru

В статье рассмотрены особенности подготовительных мероприятий и тактические приемы проведения допроса в различных следственных ситуациях при расследовании уголовных дел в сфере строительства; выделены обстоятельства, подлежащие выяснению при допросах различных групп свидетелей; приводятся некоторые примеры из следственной практики расследования хищений в области строительства.

Ключевые слова: следственные действия; допрос; следственная ситуация; тактические приемы; доказательства.

PECULIARITIES OF PREPARATION AND TACTICS OF INTERROGATION IN THE INVESTIGATION OF THEFT IN THE CONSTRUCTION INDUSTRY

Snezhana Nikolayevna Vesnina, chair head

Kandidat nauk degree in Law, associate professor;

Elena Villievna Zhidkova, senior lecturer

(Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute

of the Ministry of Internal Affairs of the Russia)

In the article the peculiarities of preparatory activities and tactics of interrogation in different investigative situations in the investigation of criminal cases in the construction sector, highlighted the circumstances must be clarified when questioning different groups of witnesses, are some examples of investigative practices of an investigation of theft in the construction industry.

Keywords: investigations; interrogation; investigating the situation; tactics; evidence.

В настоящее время хозяйственная деятельность в области строительства характеризуется ее разгосударствлением и ведением частными компаниями. Но при этом наиболее значимые социальные строительные объекты нередко финансируются полностью или частично из федерального, а также региональных и местных бюджетов, так

как строительство таких объектов требует значительных финансовых вложений, кроме того, строительство жилья, дорог, инфраструктуры входит в федеральные целевые программы.

Большие денежные инвестиции, требуемые для строительства, являются привлекательными для криминальной среды, и большинство преступлений в сфере строительства связано с хищениями денежных средств, товарно-материальных ценностей, при совершении которых преступники используют специфику строительного производства. Так, любое строительство подразумевает его проектирование, расчет необходимых материалов, определение финансовых вложений, организацию строительства, собственно строительство, учет выполняемых работ и их оплату. И на каждом этапе строительства оформляется множество различных документов по проектированию, расчету сметной стоимости, выполнению работ, их приемке, оформлению рабочих нарядов, табелей учета рабочего времени, расчетных и платежных ведомостей, документов по движению материалов, договоров с другими организациями, документов по взаиморасчетам и иным правоотношениям с организациями-поставщиками, с подрядными и субподрядными организациями, а также с организацией – заказчиком работ, с саморегулируемыми организациями в области строительства, с кредитными организациями, кроме того, имеется целый ряд документов контролирующих и регистрирующих органов и т.д. В данных документах могут отражаться следы преступной деятельности либо содержаться информация о преступной деятельности лиц, причастных к хищению.

Все эти документы оформляются силами различных специалистов, в той или иной степени обладающих ценной информацией о совершенном преступлении. «А в уголовном процессе, – как правильно указывал Д.А. Турчин, – информация имеет доказательственное значение» [5, с. 146]. Чтобы указанная информация имела доказательственное значение, ее необходимо облечь в процессуальную форму в виде показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, а также специалиста, эксперта, сообщенных в ходе допроса, проведенного в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

По уголовным делам в сфере строительства допрос наряду с выемкой документов, обыском, следственным осмотром относится к следственным действиям, проводящимся на первоначальном этапе расследования, и от того, насколько умело проведено следственное действие, в значительной мере будет зависеть успех расследования.

Для того, чтобы раскрыть преступление, необходимо прежде всего правильный подход к исследуемому явлению, верный метод познания событий и роли отдельных людей в этих событиях. Доказывание по уголовному делу – это частный случай познания окружающей нас реальной действительности.

Показания участников уголовного судопроизводства имеют большое значение прежде всего потому, что в них могут содержаться сведения, которые невозможно получить из других источников.

Как указывал Н.И. Порубов, «допрос – процессуальное средство получения и проверки доказательств. С его помощью получают и проверяют значительную часть информации о преступлении, необходимую для правильного разрешения уголовного дела, устанавливают мотивы и цели преступления, а также условия, которые ему способствовали» [4, с. 3].

Успешное проведение допроса прежде всего зависит от качества его подготовки, под которой Н.И. Порубов полагал «совокупность предварительно проводимых мероприятий с целью обеспечения результативности допроса, экономии времени следователя при полном обеспечении процессуальных гарантий допрашиваемых лиц» [4, с. 88].

Подготовительные мероприятия к следственному действию направлены «на прогнозирование его хода и результатов, минимизацию помех и создание условий для его эффективного проведения» [1, с. 17].

Подготовка к допросу включает: а) собирание исходных данных; б) тактическое обеспечение; в) выбор времени и места, определение способа вызова на допрос; г) техническое обеспечение [3, с. 576].

Собирание исходных данных при расследовании хищений в сфере строительства является трудоемким процессом. Следователь в кратчайшие сроки должен не только изучить имеющиеся материалы уголовного дела, но и уяснить сущность преступления в сфере строительства, механизм его совершения, период времени, в течение которого совершались преступные деяния, установить круг лиц, причастных к совершению преступления, а также иные обстоятельства, достоверно подтверждающие факт совершения преступления. Чтобы в этом разобраться, следователю необходимо вникнуть в особенности строительной специальности, овладеть понятийным аппаратом в строительной деятельности, так как без владения специфическими терминами и понятиями нельзя будет получить развернутые и полные показания специалистов в области строительства. Также следователь должен изучить нормативные документы в данной сфере, в том числе многочисленные строительные нормы и правила, регламентирующие правила производства и приемки работ; определить, какие работы требуют наличия разрешительных документов на осуществление отдельных видов строительной деятельности, и установить наличие этих разрешений. Следователь, кроме того, должен для наглядности составить схему финансово-хозяйственных связей с контрагентами с указанием имеющихся договорных отношений, видов выполненных работ и их оплаты, а также взаимоотношений с другими организациями. Необходимо изучить учредительные документы организации, документы, подтверждающие полномочия руководителей, в том числе по заключению контрактов, субконтрактов. Изучению подлежат документы вышестоящих организаций, контролирующих организаций, органов исполнительной власти.

Неоценимую помощь в подготовительных мероприятиях к производству допросов могут оказать соответствующие специалисты.

Очень важно до проведения допроса ознакомиться с документами, регламентирующими должностные и функциональные обязанности допрашиваемого.

Не должны оставаться в стороне кадровые документы – в них могут быть необходимые следователю данные о личности допрашиваемого, в том числе о приеме на работу, основаниях приема, о занимаемой должности, об образовании, о квалификации, об опыте работы по специальности. Сведения о личности допрашиваемого можно получить как процессуальным, так и непроцессуальным путем. Для изучения личности допрашиваемого ценную информацию дает наблюдение за ним. В ходе наблюдения можно сделать выводы о темпераменте, характере лица, о личных качествах, о его внутреннем состоянии. Беседа в произвольной форме до проведения допроса также может дать информацию о свойствах личности допрашиваемого. В ходе наблюдения, неформальной беседы следователь имеет возможность установления психологического контакта с допрашиваемым.

В собирании исходных данных может помочь и информация, представляемая оперативными работниками. Например, ценной будет являться информация о наличии либо отсутствии служебной зависимости между допрашиваемыми лицами. Оперативная информация, как правило, имеет ориентирующий характер и дает возможность следователю выбрать наиболее оптимальную линию поведения с допрашиваемыми лицами в целях получения правдивых и развернутых показаний.

Тактическое обеспечение допроса позволяет выбрать те приемы, которые будут использоваться в ходе допроса исходя из следственной ситуации и личности допрашиваемого. Но в любом случае такие приемы должны быть направлены на активизацию допроса, его эффективность и значимость как важного доказательства по делу.

В зависимости от складывающейся ситуации по делу, личности допрашиваемого следователь выбирает место допроса, способ вызова на допрос. Технические средства

для проведения допроса выбираются в зависимости от способа фиксации показаний. Наиболее ценные показания следует фиксировать при помощи видеозаписи.

Важным элементом подготовки допроса является его планирование. Мы полагаем, что при расследовании хищений в сфере строительства составление плана является обязательным. Исходя из материалов дела, следователь заблаговременно должен определить круг вопросов, требующих ответов, далее сформулировать вопросы с учетом тех документов, которые необходимо предъявить в ходе допроса. При составлении плана допроса следует учитывать личностные свойства допрашиваемого, возможную линию его поведения, смоделировать ответы в зависимости от возможных вариантов поведения допрашиваемого.

В ходе подготовительных действий следователь определяет круг допрашиваемых лиц и последовательность проведения допросов.

Информативность допросов, а следовательно и их доказательственное значение, зависит от того, насколько правильно следователем избрана тактика допроса.

А.А. Закатов определяет тактику допроса как «совокупность основанных на процессуальных нормах рекомендаций, определяющих приемы установления правильных взаимоотношений и психологического контакта следователя с допрашиваемым, оказания ему помощи в восстановлении забытого, методы и приемы правомерного воздействия для получения достоверных показаний, логическую форму и последовательность задаваемых вопросов, способы предъявления доказательств и т.д.» [2, с. 36].

При установлении психологического контакта следователь учитывает данные о личности и особенности психики допрашиваемого, в зависимости от которых выбирает тот или иной прием, начиная со стиля поведения и обстановки, направленных на информативное общение. При этом следователь волен в выборе различных приемов. В начальной стадии допроса лучше задавать такие вопросы, на которые заведомо последует утвердительный положительный ответ, чтобы в дальнейшем допрашиваемый был настроен отвечать на вопросы следователя. Нелишне будет показать, что следователь заинтересован в конструктивном диалоге, приветствует положительные качества допрашиваемого, стремится к взаимоприемлемому решению проблемы и поддерживает решение допрашиваемого давать искренние показания. Хорошие результаты дают и такие приемы, как снятие напряжения, проявление внимания.

Конкретные тактические приемы получения достоверных показаний зависят от многих составляющих: от допрашиваемого субъекта; стадии допроса; следственной ситуации, характеризующейся наличием или отсутствием конфликта; от доказательственной информации по делу и могут применяться как в отдельности, так и в совокупности.

Свидетелями по таким делам могут являться: а) работники предприятия, на котором совершено хищение, – строители, проектировщики, инженеры-сметчики, бухгалтеры, финансовые работники, технические работники, руководители отделов, подразделений, предприятия в целом, но следует иметь в виду, что руководители предприятия, главные бухгалтеры могут быть причастны к совершению преступления и в дальнейшем их процессуальный статус может поменяться; б) работники организаций-контрагентов – субподрядчики, заказчики, поставщики и т.д.; в) лица, имеющие отношение к организации деятельности так называемых «подставных» фирм, на которые оформлялись фиктивные акты приемки выполненных работ либо на счета которых перечислялись и затем обналичивались похищенные денежные средства; г) лица, не связанные какими-либо отношениями с предприятием, на котором совершено хищение, но имеющие отношение к его регистрации в реестре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также к регистрации контрагентов; д) работники вышестоящих, контролирующих организаций.

Допросы непосредственных участников деятельности в сфере строительства позволяют установить подлинные обстоятельства проведения различных строительных и

иных хозяйственных операций, проведение взаиморасчетов, подлинное положение дел на предприятии. Эту категорию лиц целесообразнее допросить на первоначальном этапе расследования, сразу после возбуждения уголовного дела, так как со стороны заинтересованных лиц на них может быть оказано давление с целью запугивания и изменения показаний. Контрагенты также могут дать показания о заключенных договорах, об исполнении или неисполнении работ, о расчетах. Полагаем, что в отдельных случаях в интересах расследования допустимо часть информации от добросовестных свидетелей не фиксировать в протоколе, а использовать как ориентирующую и закреплять в последующем путем проведения иных следственных и процессуальных действий.

На первоначальном этапе расследования целесообразно допросить лиц, которым известно о нарушениях в строительной деятельности. Допросы этих лиц могут помочь установить обстоятельства совершенного хищения, уяснить его суть. Как правило, основная часть таких свидетелей не заинтересована в сокрытии истины, но некоторые из них могут исказить факты в силу давности исследуемых событий либо поддаться на уговоры заинтересованных лиц, либо скрыть известные им факты из корыстных побуждений. Так, работники коллектива обычно хорошо знают друг друга и связаны не только служебными, но и личными отношениями, поэтому не дают объективных показаний, чтобы не скомпрометировать себя, своих сослуживцев, руководство, от которого зависят по службе. Задача следователя состоит в получении правдивых показаний по обстоятельствам дела путем использования тех или иных тактических приемов. В стадии свободного рассказа применяют приемы, направленные на уточнение, детализацию показаний, напоминание, сопоставление. Если допрос имеет бесконфликтный характер, тактические приемы направлены на получение новой информации по делу; если в ходе допроса лицо не может припомнить подробности происшедших событий, следует помочь восстановить в памяти забытое, применив, например, приемы ассоциативных связей, а также использовать такой тактический прием, как предъявление документов. При конфликтном характере допроса прежде всего необходимо разобраться в его причинах. Если лицо не желает давать правдивые показания в силу ложно понятых интересов службы, следует разъяснить пагубность такой позиции прежде всего для самого допрашиваемого и стимулировать его положительные качества. При стойкой негативной позиции допрашиваемого следует сформировать у него представление о наличии избыточных доказательств либо оставить в неведении об имеющемся объеме доказательств; предъявить доказательства – начиная с менее веского либо, наоборот, – с наиболее веского.

Как свидетельствует следственная практика, уголовные дела в сфере строительства возбуждаются спустя достаточно длительное время после совершения хищения, и наиболее эффективным тактическим приемом является предъявление документов. Так, по одному из уголовных дел о хищении денежных средств в сфере строительства объектов саммита АТЭС свидетель инженер-сметчик С. после предъявления в ходе допроса смет, сметных расчетов субподрядных организаций, технических заданий, договоров субподряда, муниципального контракта, отчетных документов по их проверке, иных финансовых и юридических документов, отражающих расходы, понесенные при выполнении муниципального контракта, смогла дать развернутые показания о том, по каким видам работ и в какой сумме была завышена сметная стоимость произведенных работ, какие работы учитывались одновременно в отчетных документах не одной, а двух-трех субподрядных организаций.

Свидетель Ж., не один год проработавшая в различных организациях, руководителем которых являлся Б. – фигурант по данному уголовному делу, давала показания в его пользу, считая это своим долгом подчиненной по службе. Она стала сотрудничать со следствием только после того, как ее убедили в необходимости давать правдивые показания, предъявили ряд документальных подтверждений причастности Б. к совершению хищений и разъяснили, что ее показания в пользу Б. будут являться ложными.

В результате свидетель Ж. дала важные показания как о фактическом, так и о номинальном руководителе фирмы, являвшейся субподрядчиком строительных работ, а также об обналичивании более 3 млн руб. через расчетный счет этой фирмы.

Главный инженер подразделения государственного предприятия Р. был уверен в правильности избранной позиции и давал показания в пользу Б., которому фактически подчинялся. С целью получения правдивых показаний следствием применялись в совокупности различные тактические приемы: разъяснение, убеждение, предъявление документов и другие. После предъявления ему показаний свидетелей-студентов, выполнявших по гражданско-правовым договорам с подразделением государственного предприятия работы по строительным объектам саммита АТЭС и получивших оплату своих услуг и пояснивших так же, что выполняли данные работы по его распоряжениям, так как непосредственно подчинялись ему, а также после предъявления документов о выполнении этих же работ и получении за них оплаты организацией, подконтрольной Б., главный инженер Р. изменил свои первоначальные показания и пояснил, что действовал по указанию Б.

Таким образом, тактические приемы допроса зависят от складывающейся следственной ситуации по делу, особенно от наличия либо отсутствия конфликта. Их арсенал давно и глубоко исследован учеными-криминалистами, но чтобы грамотно его применять, следователь должен четко определить предмет допроса, изучить материалы уголовного дела, нормативные документы, личность допрашиваемого. От того, насколько качественно он подготовится к проведению допроса, разберется в предмете допроса, будет зависеть успех расследования. Учитывая, что при расследовании хищений в сфере строительства следователь сталкивается с трудностями, обусловленными многочисленностью и сложностью строительных правил и норм, спецификой работ в данной области, недостаточной профессиональной подготовкой сотрудников правоохранительных органов, необходимо закреплять наиболее грамотных следователей, склонных к кропотливому, тщательному анализу технических материалов, за расследованием уголовных дел в сфере строительства, а также шире использовать при этом помощь общественности в лице наиболее сведущих специалистов в строительной области.

Литература

1. Веснина С.Н. Особенности тактики допроса потерпевших на предварительном следствии: учеб. пособие. Владивосток, 2005.
2. Закатов А.А. Тактика допроса потерпевшего на предварительном следствии: учеб. пособие. Волгоград, 1976.
3. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова [и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
4. Порубов Н.И. Научные основы допроса на предварительном следствии. 3-е изд., перераб. Минск, 1978.
5. Турчин Д.А. Проблемы информации в криминалистике // Ученые записки Дальневосточного университета. Вып. 41. Серия. Юридические науки. Владивосток, 1970.

УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННЫХ РУБОК ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Мария Александровна Васильева, преподаватель Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: ladyfive5@mail.ru

В статье анализируются проблемы, возникающие при осуществлении допроса участников уголовного судопроизводства по уголовным делам о незаконных рубках лесных насаждений. Предлагаются рекомендации по подготовке и проведению допроса по данным делам.

Ключевые слова: допрос; Дальневосточный федеральный округ; незаконная рубка лесных насаждений.

PECULIARITIES OF INTERROGATION AT INVESTIGATING ILLEGAL FOREST CUTTING

Maria Aleksandrovna Vasileva, lecturer of Vladivostok Branch of the Far Eastern
Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The problems occurring at interrogation of parties to criminal proceedings relating to criminal cases of illegal forest cutting are analyzed in the article. The author suggests recommendations concerning preparation and conducting of interrogation of such cases.

Keywords: interrogation; Far Eastern Federal district; illegal forest cutting.

Допрос является одним из наиболее распространенных следственных действий. Осуществление предварительного расследования без производства допросов по уголовным делам о незаконных рубках лесных насаждений невозможно. Вместе с тем анализ материалов уголовных дел, возбужденных по ст. 260 УК РФ на территории Дальневосточного федерального округа, свидетельствует, что у следователей (дознавателей) допросы участников уголовного судопроизводства по указанной категории уголовных дел вызывают сложности. Опрошенные в рамках нашего исследования следователи (дознаватели) часто указывали на трудности, возникающие у них в ходе допросов представителей потерпевших и свидетелей (18,9%), а также отмечали, что допрос подозреваемого вызывает особые затруднения (33,6%).

Неспособность следователей (дознавателей) грамотно преодолеть трудности при допросе по данной категории уголовных дел может приводить к грубому нарушению требований УПК РФ, что, в свою очередь, влечет признание судами протоколов допроса недопустимым доказательством в силу ст. 75 УПК РФ.

Так, как следует из приговора Хабаровского районного суда Хабаровского края от 2011 г., в судебном заседании по обвинению гр. В. в совершении незаконной рубки протоколы трех допросов признаны недопустимым доказательством: свидетели с изложенными в протоколах их допроса показаниями, данными в ходе предварительного следствия, не согласились. Два свидетеля объяснили это тем, что следователь передала им для подписи уже готовые протоколы и они подписали их, невнимательно прочитав содержание. Третий свидетель объяснил несогласие тем, что протокол допроса подписан не им и показаний, изложенных в нем, он следователю не давал; назначенная почерковедческая экспертиза подтвердила, что подписи от имени свидетеля в протоколе

допроса выполнены не им, а другим лицом. В результате гр. В. по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ, оправдан.

Для производства качественного допроса при расследовании незаконных рубок лесных насаждений необходимо соблюдение как общих правил производства допроса, так и учет особенностей расследования рассматриваемой категории уголовных дел. Кроме того, необходимо больше внимания уделять подготовке к производству допросов участников уголовного судопроизводства.

Анализируя материалы уголовного дела о незаконной рубке, следователь (дознатель), учитывая специфику терминологии, большое количество норм, регулирующих процедуру рубки лесных насаждений, должен при осуществлении подготовки к допросу уяснить содержание всех собранных в деле документов, решить, соответствуют ли описываемые действия действующим нормам законодательства. При возникновении сложностей в решении этой задачи для разъяснения отдельных положений рекомендуем пригласить специалиста.

Также в рамках подготовки к допросу необходимо решить вопрос об удобном для следователя (дознателя) и допрашиваемого лица месте и времени допроса, способе вызова на допрос, при этом целесообразно учитывать социальный и процессуальный статус допрашиваемого, его фактическую возможность явиться в назначенное время. Большинство свидетелей малообеспеченные граждане, часто проживают удаленно от территориальных органов МВД России. В связи с этим рекомендуем следователю (дознателю) производить допрос по месту жительства свидетелей. При этом следует учитывать, что самостоятельно найти адрес в поселке, где проживает допрашиваемый, сложно, так как указатели номеров домов часто отсутствуют. Рекомендуем привлечь для помощи в решении этой задачи администрацию села, поселка. Практика показывает, что в этом случае допрашиваемые оперативно, иногда в течение 5 минут, являются в назначенное следователем (дознателем) место. При отсутствии у них документов, удостоверяющих личность, копии паспортов можно истребовать у администрации.

Допрос подозреваемого, обвиняемого, особенно при его нежелании содействовать правоохранительным органам, рекомендуем проводить в служебном кабинете следователя (дознателя), где последний чувствует себя психологически более уверенно, имеет больше возможностей для создания условий применения криминалистических тактических приемов. Место допроса представителя потерпевшего определяется по согласованию сторон.

Если в выезде следователя (дознателя) по месту проживания допрашиваемого нет необходимости, то участника уголовного судопроизводства необходимо вызвать на допрос повесткой. Анализ материалов уголовных дел позволяет рекомендовать указывать в повестке время с точностью до 5 минут, например в 11.15, в 19.45. Это дисциплинирует допрашиваемое лицо, ориентирует на плотность графика следователя (дознателя) и невозможность отсрочки начала допроса.

При подготовке к допросу по рассматриваемой категории уголовных дел следует выбрать оптимальную последовательность производства допросов участников уголовного судопроизводства: перед производством допроса подозреваемого считаем целесообразным допросить свидетелей, обладающих интересующей следствие информацией, а также тех подозреваемых, которые более склонны к переориентированию на бесконфликтную следственную ситуацию и сообщение правдивых сведений, чтобы на момент допроса обладать максимально полными сведениями о совершенной незаконной рубке лесных насаждений.

Для рассматриваемого состава преступления характерно наличие нескольких подозреваемых, обвиняемых. Если имеются противоречия в их первоначальных показаниях при даче объяснений, рекомендуем допрашивать этих участников уголовного судопроизводства в один день либо поочередно, стараясь исключить их общение между собой, либо одновременно, создавая следственную группу.

Перед допросом подозреваемого рекомендуем собрать более подробную информацию о нем. Сведения о его личности можно получить от участкового инспектора в виде справки-характеристики; в ходе допросов в качестве свидетелей родственников подозреваемого, соседей, круга лиц, с которыми подозреваемый поддерживает доверительные отношения; при истребовании характеристики с места работы, если подозреваемый трудоустроен, при получении сведений криминалистических учетов, в том числе о том, привлекался ли он ранее к уголовной ответственности за совершение незаконных рубок лесных насаждений, находились ли в производстве сотрудников полиции материалы проверок, велось ли производство об административных правонарушениях по фактам незаконных рубок леса. Целесообразно запросить информацию из лесничеств и лесозаготовительных фирм – работал ли подозреваемый у них, в какой должности, ознакомлен ли с правилами лесозаготовки.

Традиционно допрос подразделяется на следующие стадии [2, с. 399]:

1) подготовительную; 2) свободный рассказ; 3) ответы на вопросы следователя (дознателя); 4) заключительную.

На подготовительной стадии следователь (дознатель) устанавливает психологический контакт с допрашиваемым. При допросе следователь (дознатель) не должен проявлять негативных эмоций, создавая условия для спокойного прохождения беседы. После непродолжительного разговора на отвлеченную тему (рекомендуем уделять ему не более 5 минут), выяснить анкетные данные лица, разъяснить ему права и обязанности. Уверенный тон следователя (дознателя) позволяют снять эмоциональное напряжение первых минут общения.

На стадии свободного рассказа допрашиваемому предоставляется право рассказать об известных ему обстоятельствах дела. При этом рекомендуется не дословно записывать сообщаемую информацию, а тезисно фиксировать только основные детали вне протокола. Это позволит сохранить визуальный контакт с допрашиваемым, отследить его эмоциональное состояние, составить более полное представление о правдивости сообщаемой информации. Если допрашиваемый сильно отклонился от ключевой темы беседы, то рекомендуем деликатно попытаться вернуть его в нужное русло разговора коротким уточняющим вопросом, адресованным к ранее сообщенным им важным для установления истины по делу обстоятельствам.

Допрос подозреваемого или обвиняемого в незаконной рубке лесных насаждений в тактическом отношении является более сложным, чем допрос свидетеля или потерпевшего, так как преступник из-за грозящей ему уголовной ответственности менее дружелюбно заинтересован в установлении истины по делу, чаще остальных утаивает и искажает информацию, не несет ответственности за дачу ложных показаний или отказ от дачи показаний (что является реализацией его права на защиту), при этом является носителем значительно большей по объему и содержанию информации, чем любой из участников уголовного судопроизводства.

При задержании преступника на месте совершения незаконной рубки лесных насаждений в 72% рассмотренных уголовных дел подозреваемые признавали себя виновными в преступлении, активно способствовали расследованию, подробно рассказывали о происшедшем и причинах, заставивших их пойти на этот шаг. В данном случае следует произвести допрос в качестве подозреваемого в присутствии защитника и подробно отразить в допросе следующее:

- 1) когда у него возник умысел на незаконную рубку лесных насаждений;
- 2) для чего он планировал совершить незаконную рубку лесных насаждений;
- 3) понимал ли он, что причиняет вред;
- 4) каким образом он подготовился к совершению незаконной рубки лесных насаждений;
- 5) имелись ли у него какие-либо разрешительные документы на производство рубки лесных насаждений;

- б) кто знает о его подготовке и совершении незаконной рубки лесных насаждений;
- 7) где он совершил незаконную рубку лесных насаждений;
- 8) какие орудия и средства он применял для совершения незаконной рубки лесных насаждений;
- 9) имеет ли он навык валки лесных насаждений;
- 10) какие породы лесных насаждений он вырубил, сколько;
- 11) совершал ли незаконные рубки лесных насаждений ранее;
- 12) каким образом распорядился вырубленной древесиной.

Некоторые авторы полагают последний вопрос необязательным [1, с. 102], так как он не имеет значения для состава преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ. Действительно, для образования в действиях рубщика состава преступления, предусмотренного указанной статьей, способ распоряжения древесиной не играет роли, однако вырубленная древесина является вещественным доказательством, ее обнаружение и изъятие может частично возместить ущерб от совершенного преступления.

При задержании преступника на месте совершения незаконной рубки лесных насаждений в 28% рассмотренных уголовных дел подозреваемые не признавали себя виновными в преступлении. Чаще всего они поясняли, что не считали производимую рубку незаконной, выдвигая при этом версию о том, что незнакомый им ранее человек, якобы предъявивший разрешительные документы на производство рубки лесных насаждений, попросил их произвести рубку деревьев, обещая заплатить за услугу вывоза бревен.

При положительном ответе на эти вопросы или на некоторые из них следователь (дознатель) задает конкретизирующие вопросы, дополнительные и отмечает для себя, что при осведомленности о необходимой документации для начала законной рубки лесных насаждений и правилах начала разработки делянки у подозреваемого должно было сформироваться понимание незаконности его действий, даже если ему действительно кто-то предоставил документы, разрешающие рубку лесных насаждений.

В ходе дальнейшего допроса у подозреваемого максимально подробно выясняются все обстоятельства его встречи с незнакомым человеком, который предложил ему совершить рубку лесных насаждений, а также обстоятельства совершения самой рубки лесных насаждений и его задержания.

После фиксации указанных обстоятельств в протоколе допроса в зависимости от их содержания по возможности необходимо задать подозреваемому также уличающие вопросы, смысл которых будет сводиться к тому, чтобы выяснить объективно, имел ли тот возможность, учитывая предыдущий опыт, знать о незаконности производимой им рубки лесных насаждений.

После осуществления допроса целесообразно провести дополнительный допрос через несколько дней. В ходе дополнительного допроса могут быть обнаружены противоречия с ранее данными показаниями подозреваемого, которые сразу же следует обозначить путем фиксации в протоколе допроса уличающих и дополнительных вопросов и ответов подозреваемого на них.

Таким образом, при наличии информации о том, что подозреваемому известны правила законной рубки лесных насаждений, основным элементом доказывания умысла лица, подозреваемого в совершении незаконной рубки лесных насаждений, будет являться подтверждение факта его осведомленности об основных правилах производства законной лесозаготовки и, соответственно, о несоблюдении этих правил при производстве производимой при задержании рубке.

На заключительной стадии допроса завершается составление протокола допроса, правильность фиксации показаний удостоверяется подписями допрашиваемого. На этой стадии рекомендуем предоставлять протокол допроса участнику уголовного судопроизводства для личного ознакомления, чтобы избежать в дальнейшем возмож-

ности изменения его показаний под предлогом недословной и недостоверной записи его показаний на бланке протокола допроса.

Таким образом, соблюдение рекомендаций по подготовке и проведению допроса, использование в ходе предварительного расследования предложенной очередности допроса участников уголовного процесса, использование вышеуказанных вопросов при допросе позволит собрать максимально полную информацию о произошедшей незаконной рубке лесных насаждений, даст возможность оценить собранные доказательства в совокупности, избежать неполноты следствия.

Литература

1. Жеребкин Г.Н. Ответственность за незаконную рубку лесных насаждений. Анализ нелегальных рубок на Дальнем Востоке и методика их расследования: метод. пособие. Владивосток, 2011.

2. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика. 2-е изд., испр., доп. и перераб. М.: Контракт, ИНФРА-М, 2010.

УДК 343.985.7

ОСОБЕННОСТИ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ, СКРЫТЫХ ИНСЦЕНИРОВКОЙ

Максим Евгеньевич Степанов, преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: mstep71@mail.ru

В статье рассматриваются тактические особенности проведения следственного эксперимента как одного из ключевых следственных действий, направленных на раскрытие и расследование убийств, замаскированных инсценировками.

Ключевые слова: следственный эксперимент; убийство; инсценировка; способ сокрытия преступления.

FEATURES INVESTIGATIVE EXPERIMENT AT HOMICIDE HIDDEN DRAMATIZATION

Maxim Evgenyevich Stepanov, lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article deals with tactical features of the investigative experiment, as one of the key investigative actions aimed at detection and investigation of murders disguised hoax.

Keywords: investigative experiment; murder; dramatization; a way of concealing the crime.

Следственной практике известно немало убийств, при совершении которых преступники, стремясь уйти от ответственности, считают возможным и достаточным скрыть не сам факт смерти определенного лица, а лишь конкретную причину смерти. В этих целях они создают ложную видимость гибели потерпевшего от самоубийства, несчастного случая, скоропостижной смерти в результате болезни и так далее. Таким образом выстраивается инсценировка, целью которой является маскировка совершенного убийства посредством придания ему видимости деяния некриминального характера [6, с. 99-100].

Тактика производства следственных действий, направленных на выявление и раскрытие убийств, скрытых инсценировками, определяется целым рядом особенностей. Во многом она обусловлена характерными чертами инсценировки как специфического способа сокрытия преступления. В связи с этим представляется целесообразным кратко осветить обозначенные особенности, т.к. именно они оказывают влияние на проведение следственного эксперимента и придают этому следственному действию ряд характерных черт.

Приступая к рассмотрению криминалистической сущности инсценировок как способа сокрытия убийств, необходимо определить смысловую составляющую этого термина. Инсценировка (лат. *in* на + *scena* сцена) – это правдивое изображение ложных обстоятельств для введения кого-либо в заблуждение [6, с. 380]. Как представляется, данный термин наиболее оптимально подходит к обозначению рассматриваемого способа сокрытия убийств, достаточно точно отражая его внутреннюю сущность. При этом не следует забывать, что криминалистическое значение понятия инсценировки несколько отличается от обозначений этого термина в других сферах деятельности, например в театральном искусстве. В криминалистике понятие инсценировки трактуется с позиции попытки сокрытия преступления [1, с. 73].

Структура инсценировки имеет двойственный характер и по своей сути сложнее других способов сокрытия. Представленный тезис обусловлен наличием, во-первых, подлинно происшедшего события (убийства) и, во-вторых, мнимого, притворного, маскирующего истинное событие явления (инсценировки). Изменение внешней картины подлинного события (убийства) влечет за собой мнимое явление (инсценировку как таковую) и базируется на внутренних закономерностях подлинного события. При этом внешние изменения не трансформируют природу внутренних связей подлинного события, а лишь исходят от нее и берут за основу. Принципиальное отличие инсценировки от других способов сокрытия состоит в том, что преступник уверен, что труп потерпевшего будет обнаружен, однако рассчитывает, что обнаруженное событие будет рассматриваться правоохранительными органами не как убийство, а как деяние некриминального характера. Тем самым он изначально предполагает ввести следствие в заблуждение и направить его по ложному пути. Таким образом, маскируется не факт смерти определенного лица, а лишь ее конкретная причина.

Сущность инсценировки выражается в фальсификации истинной обстановки совершенного убийства и может дополняться необходимым поведением, придающим, с точки зрения преступников, достоверность инсценированному событию.

Наиболее значимой составляющей инсценировки является искусственное создание различного рода ложных материальных следов, комплекс которых и образует ее основу. Не вызывает сомнения, что ненадлежащим образом измененная материальная обстановка совершенного убийства прямо укажет на истинный характер смерти потерпевшего. Залог «успеха» инсценировки – это придание материальным следам максимальной достоверности инсценируемого события. Наиболее характерным примером является предсмертная записка с объяснением причин ухода из жизни, выполненная преступниками от имени жертвы при инсценировке самоубийства.

Исследованная нами природа инсценировки подразумевает совершение убийства в условиях неочевидности, что влечет за собой скудность исходной информации, отсутствие полной картины механизма преступления. Таким образом, основной отличительной чертой следственных экспериментов по разоблачению инсценировки является их проведение, в большинстве случаев, в условиях информационной неопределенности.

Как мы отмечали выше, следственный эксперимент играет одну из ведущих ролей в перечне следственных действий, направленных на выявление инсценировки. При этом мы не умаляем значимости других следственных действий, таких как осмотр места происшествия, обыск, допрос, очная ставка, проверка показаний на месте и так да-

лее, особенностям тактики которых посвящен большой массив монографий, научных статей и диссертационных исследований.

Попробуем выделить некоторые специфические моменты, возникающие в ходе производства следственного эксперимента. Характерной чертой данного следственного действия, применительно к рассматриваемому виду убийств, является его проведение в условиях, когда в большинстве случаев на первый взгляд не просматривается криминальный характер происшедшего. В этом заключается кардинальное отличие данного эксперимента от экспериментов, проводимых по факту обнаружения трупа с явными признаками насильственной смерти.

Отсюда вытекают три основные задачи проведения следственного эксперимента:

- воссоздание механизма подготовки и совершения убийства;
- установление механизма сокрытия совершенного убийства инсценировкой;
- установление причастности к убийству конкретных лиц.

В процессе проведения серии опытов, на основе непосредственного восприятия и анализа окружающей обстановки формируется предварительное общее представление о механизме происшедшего события, что, в свою очередь, служит основанием для выдвижения версий. Тем самым делается шаг к разрешению одной из самых главных проблем выявления и раскрытия данного вида преступлений – проблеме информационной неопределенности.

Правила следственного эксперимента, проводимого по факту обнаружения трупа потерпевшего, участие в нем различного рода специалистов, использование широкого спектра специальной криминалистической техники детально освещены в многочисленной криминалистической литературе [2; 3; 4]. Но на некоторых его тактических приемах следует остановиться, т.к. их применение обеспечивает «чистоту» результатов эксперимента, что в конечном итоге влияет на качество расследования в целом. К таким тактическим приемам, на наш взгляд, будут относиться:

- проведение опытов в обстановке, максимально сходной с существовавшей в действительности;
- использование материалов, приспособлений, орудий и инструментов, аналогичных применявшимся при инсценировке;
- производство действий, идентичных действиям, возможность осуществления которых проверяется;
- неоднократность проведения опытов и варьирование условий их проведения в сторону усложнения и упрощения.

Непременным правилом следственного эксперимента является то, что оценка результатов опытов и выявленных фактов должна осуществляться с точки зрения их достоверности, относимости к расследуемому событию, сопоставимости между собой и окружающими явлениями. В этом неоценимую помощь следователю может оказать участие в осмотре различного рода специалистов. Их выводы и заключения являются весомой составляющей при формировании и выдвижении версий о природе происшедшего. Так, судебный медик, присутствующий при эксперименте, может обнаружить и указать на признаки инсценировки. Специалист ЭКЦ даст заключение о возможности либо невозможности возникновения различных материальных следов, раскроет механизм их слеодообразования. Представляется целесообразным привлекать к участию в опытах лиц, обладающих специальными познаниями и в других областях деятельности, в зависимости от характера и конкретных обстоятельств расследуемого события.

Всякое преступление совершается в условиях реальной действительности и в силу общего закона диалектики о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального мира определенным образом отображается в окружающей среде. «Поскольку событие преступления есть один из материальных процессов действительности, – пишет Н.Е. Мерецкий, – то оно находится в связи и взаимообусловленности с другими процессами, событиями и явлениями, отражается в них и само выступает отражением

каких-то процессов» [5, с. 137]. Иными словами, событие преступления и его компоненты, а именно таковым является процесс создания инсценировки, находят свое отражение в виде определенных материальных изменений окружающей обстановки. Возникновение таких следов имеет закономерный характер, в той или иной степени неизбежно, не зависит от воли исполнителей и служит основой для формирования версии об инсценировке. При этом о конкретном виде инсценировки будут свидетельствовать индивидуальные негативные обстоятельства. Таким образом, на основе анализа обозначенных негативных обстоятельств, обнаруженных и зафиксированных в ходе проведения следственного эксперимента, следователь может выдвинуть версию не только о наличии конкретного вида инсценировки, но и воссоздать ее механизм, решая тем самым начальную диагностическую задачу.

В рамках пространственно-информационного поля следственного эксперимента материально-следовая картина в обязательном порядке должна сопоставляться с другими данными. Такими данными, например, могут выступать сведения, полученные при проведении опросов, отработки прилегающего жилмассива, оперативных мероприятий, осуществляемых оперативными работниками параллельно с проведением эксперимента.

В целом диапазон следственных экспериментов так же широк, как и круг инсценировок. Исходя из этого, проведение тех или иных опытов в ходе эксперимента необходимо соотносить с задачами конкретной следственной ситуацией и видом инсценировки. Однако в целом проведение опытов в рассматриваемой нами ситуации будет сводиться к установлению:

1. Механизма события и характера возникающих при этом следов. Например, механизма совершения инсценировки несчастного случая при неосторожном обращении с длинноствольным огнестрельным оружием (охотничьим ружьем или карабином) и специфики возникающих при этом следов близкого выстрела.

2. Вероятности существования какого-либо явления или факта при определенных условиях окружающей обстановки. Например, могла ли опора выдержать вес тела жертвы при инсценировке самоповешения.

3. Возможности осуществления определенных действий в конкретных условиях. Например, возможно ли нанесение колото-резаных ран самим потерпевшим в определенную часть тела при инсценировке самоубийства.

В то же время, как показывает анализ практики, проведение единичного эксперимента не всегда приводит к достижению поставленной цели. В таком случае представляется целесообразным проведение серии следственных экспериментов, консолидированных в рамках одной комбинации.

Например, при выдвижении версии об инсценировке самоубийства путем самоповешения в процессе проведения нескольких следственных экспериментов можно установить, имел ли возможность потерпевший закрепить веревку на определенной высоте; мог ли он, стоя на обнаруженной в ходе осмотра места происшествия подставке, дотянуться до петли и т.д. Эксперименты необходимо производить и для установления возможности выдерживания веревкой, обнаруженной в ходе осмотра, веса тела жертвы, возможности образования следов от веревки на опоре.

При выявлении убийств, скрытых инсценировками самоубийства или несчастного случая с использованием огнестрельного оружия, проведение следственного эксперимента диктуется установлением физической возможности потерпевшего без дополнительных приспособлений причинить себе огнестрельное повреждение в определенную область тела. Если огнестрельное оружие обнаружено в таком месте, где при самоубийстве или неосторожном обращении с оружием оно вряд ли могло оказаться, целесообразно проведение эксперимента на возможность перемещения оружия на определенное расстояние после выстрела и т.д.

В ходе выявления убийств, связанных с наступлением смерти потерпевшего при падении с большой высоты, если тело обнаружено на достаточном удалении от стены здания, также необходимо проведение следственного эксперимента. Его целью будет установление факта возможности падения тела на землю на определенное расстояние от стены здания. При этом нужно учитывать вероятность придания телу потерпевшего дополнительного искусственного ускорения. Речь идет о тех случаях, когда жертву с силой толкают вниз, увеличивая скорость падения. При производстве опытов необходимо использование манекенов, соответствующих по размерно-весовым параметрам телу жертвы.

Важную роль играют результаты следственного эксперимента, проведение которого направлено на установление возможности снаружи закрыть внутреннее запорное устройство. Положительный результат такого эксперимента сразу же ставит под сомнение факт отсутствия посторонних лиц в момент наступления смерти потерпевшего.

Полученные результаты следственного эксперимента, а возможно, и серии экспериментов, могут выступать в качестве доказательств, подкрепляющих уже выдвинутую версию об имевшей место инсценировке, а также отправной точкой для выдвижения версии о том, что убийство скрыто инсценировкой.

В рамках расследования убийств, замаскированных инсценировкой, отдельное место отводится ситуационным экспертизам. Результаты данных экспертиз ложатся в основу воссоздания механизма совершения преступления. Однако для установления динамики причинения телесных повреждений, вызвавших наступление смерти, в распоряжение экспертов необходимо предоставлять результаты следственных экспериментов по моделированию обстоятельств и условий причинения повреждений. Таким образом, можно говорить о том, что следственный эксперимент выполняет также и информационно-обеспечивающую функцию.

В заключение отметим, что знание тактических особенностей проведения следственного эксперимента при расследовании убийств, замаскированных инсценировками, а также его активное использование дает широкие возможности как для разоблачения инсценировок, так и для воссоздания механизма их осуществления.

Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистика: учеб. словарь-справочник. М., 1999.
2. Белкин Р.С. Теория и практика следственного эксперимента. М., 1959.
3. Глазырин Ф.В., Кругликов А.П. Следственный эксперимент. Волгоград, 1981.
4. Жукова Н.И., Жуков А.Н. Производство следственного эксперимента. Саратов, 1989.
5. Мерецкий Н.Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в раскрытии и расследовании преступлений. М., 2007.
6. Новый словарь иностранных слов. Минск, 2005.
7. Степанов М.Е. Механизм возникновения негативных обстоятельств при совершении убийств, замаскированных инсценировками // Вестник ДВЮИ МВД России. 2010. № 1 (18).

УДК 343.4

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ЕДИНСТВА МЕДИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРИ ОЦЕНКЕ СТЕПЕНИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЗДОРОВЬЮ ЧЕЛОВЕКА

Владимир Вениаминович ПрUTOVых, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат медицинских наук, доцент

E-mail: Vladvenn@mail.ru

В работе рассматривается проблема отсутствия терминологического единообразия в законодательных и ведомственных актах при медико-юридической оценке случаев причинения вреда здоровью. Предложены меры, позволяющие избежать юридических ошибок при квалификации преступлений против человека.

Ключевые слова: телесное повреждение; вред здоровью; степень вреда здоровью; правила экспертизы вреда здоровью; коллизия законодательных и ведомственных норм.

THE QUESTION OF WHETHER THE UNITY OF THE MEDICO-LEGAL TERMINOLOGY IN ASSESSING THE DEGREE OF HARM CAUSED TO HUMAN HEALTH

Vladimir Veniaminovich PrUTOVyh, chair professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Medical, associate professor

The paper considers the problem of the lack of legislative and departmental acts of terminological uniformity in the medico-legal assessment of personal injury cases. Proposed measures for avoiding legal mistakes in the qualification of the offences against the person.

Keywords: bodily injury; personal injury; the degree of harm; injury examination rules; conflict of laws and departmental regulations.

Провозглашение Конституцией РФ человека высшей ценностью повлекло за собой не только существенное изменение задач, содержания и структуры законодательных актов РФ, но и введение в законодательное пространство новых терминов и понятий. Одним из таких нововведений явилось появление термина «вред здоровью», но, несмотря на более чем двадцатилетний период его существования, ввиду отсутствия аутентичного толкования, вопрос «Что такое вред здоровью?» для уголовного права, судебной медицины и в целом для российского судопроизводства по-прежнему остается дискуссионным [5, с. 29-30; 7, с. 84; 14, с. 61-65; 18].

Комментируя данное обстоятельство, С.Н Шишков отмечает, что «статья 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» сконструирована весьма неудачно. Из содержания ее следует, что нечто, именуемое «вред здоровью», порождает определенные последствия. Однако любое из этих последствий (потеря зрения, слуха и пр.) по своей сути тоже повреждение здоровья. Иными словами, вред здоровью есть то, что влечет за собой вред здоровью» [22, с. 26].

При кажущейся простоте практическое использование данного термина оказалось довольно сложным, так как правоприменители, руководствуясь доктринальным, квалифицированным, а то и житейско-бытовым толкованием, трактуют его содержание весьма разнообразно, что не отвечает требованиям, предъявляемым к юридическим

терминам. Одним из требований является однозначность и единообразие терминов и понятий, применяемых в различных законах и нормативных актах.

Р.Э. Оганян и другие авторы указывают на то, что «при квалификации преступлений против жизни и здоровья необходимо различать «медицинскую тяжесть вреда здоровью» и «тяжесть вреда здоровью» как вид преступления» [9, с. 23] в соответствии со ст. 111, 112 и 115 УК РФ.

Этого мнения придерживается Р.Д. Шарапов, считая, что «признак «вред здоровью» несет двойную нагрузку: с юридической точки зрения он выражает преступный вред объекту уголовно-правовой охраны (утрата здоровья как блага), с медицинской – как результат физического или психического насилия, повлекшего патологические изменения в организме человека» [21, с. 152].

Предлагаются весьма разнообразные варианты определений этого термина. Так, Е.В. Безручко считает, что «вред здоровью – это общественно опасное противоправное телесное повреждение другого лица, выразившееся в нарушении нормального функционирования тканей или органов человеческого организма, либо заболевания или патологические состояния, возникшие в результате воздействия различных факторов внешней среды: механических, физических, химических, биологических, психических, когда причиненный вред на основе объективных признаков может быть точно определен» [3].

В определении М. Галюковой предлагается считать, что «вред здоровью – это травма, заболевание или патологическое состояние, физическая боль, физическое недомогание, возникшие в результате действия (бездействия) человека с использованием факторов окружающей среды (механических, физических, химических, биологических, психических и т.д.)» [5, с. 29-30].

По мнению О.Н. Филатовой, «под категорией «вред здоровью человека» понимается общественно опасное последствие противоправного виновного физического или психического посягательства на здоровье другого человека, заключающееся в нарушении анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека, психики человека» [18].

Насколько видно из далеко не полного перечня предлагаемых определений, большинство из них представляют собой, можно сказать, некую химеру, состоящую из набора разноплановых юридических и медицинских терминов и понятий. В то время как в процессе судопроизводства от четкого и однозначного изложения, толкования, понимания и адекватного правоприменения термина «вред здоровью», который содержится более чем в 50% статей Особенной части УК РФ [3], зависит квалификация преступлений и назначение наказания, а в гражданском процессе – размер моральной и материальной компенсации потерпевшему.

В связи с изменением названия статей, предусматривающих ответственность за причинение повреждений человеку, в юридическом сообществе сложилось ошибочное мнение, что законодатель заменил «телесное повреждение» на более широкое и емкое «вред здоровью» [4; 7, с. 84; 21, с. 152]. Это повлекло за собой появление необоснованного представления об их синонимии, и термин «вред здоровью» стал восприниматься по аналогии с «телесным повреждением» как вид преступления, при этом не учитывая того факта, что в УК РСФСР под понятием «телесное повреждение» подразумевались конкретные преступления против телесной неприкосновенности и целостности организма. В новеллах же УК РФ в отношении подобных преступлений указывается на деяние, повлекшее наступление вреда здоровью конкретного человека, и соответствующие статьи закона трактуются как «...**причинение** вреда здоровью...».

Реализуя данную посылку, характеристика термина «вред здоровью» как факта нежелательного изменения состояния здоровья (*de facto*) лежит в пределах судебно-медицинской компетенции. Установление же признаков преступления, его характера (действие либо бездействие), умысла и обстоятельств, при которых он причинен, с последующей его квалификацией, находится в пределах компетенции представителей су-

допроизводства (de jure) и осуществляется в соответствии с требованиями, предусмотренными нормами законодательства. Таким образом, дать адекватную характеристику рассматриваемому термину возможно только при размежевании медицинской и юридической компетенций, когда судебно-медицинская экспертиза будет определять меру патологических изменений организма – степень вреда здоровью, а представители судопроизводства – степень социальной опасности деяния, повлекшего наступление преступного последствия для здоровья потерпевшего (тяжесть вреда здоровью) в соответствии со ст. 111, 112 и 115 УК РФ.

Проблема отсутствия научно обоснованного толкования указанного термина существует и в судебной медицине, где так же, по умолчанию, принято считать, что законодатель в соответствующих статьях просто «заменяет» один термин на другой [2, с. 19-22]. Поэтому в Правилах и Медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [12; 11], дано такое определение: **«Под вредом здоровью понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды».**

Это определение идентично столетиями существующему в судебно-медицинской и юридической теории и практике термину «телесное повреждение» как разновидности посттравматического изменения организма (ссадина, рана, перелом и др.), которое ничем не может быть заменено, так как является непосредственным следствием травмы и единственным объективным признаком, свидетельствующим о насильственном воздействии на организм человека. Таким образом, на настоящий момент получилось, что два различных по лексическому значению термина: «телесное повреждение» и «вред здоровью» имеют одну и ту же дефиницию. В законодательном пространстве это недопустимо в связи с тем, что нарушается общепринятое в международном праве так называемое «золотое правило толкования»: один термин – одно понятие [16, с. 191; 19].

По правилам законотворчества, при введении в законодательное пространство новых терминов необходимо провести лингвистическую экспертизу, социолого-правовую аттестацию, прогностическую оценку положительных и отрицательных последствий введения их в действие. Актуальное значение при толковании имеет учет различных форм глаголов (совершенных и несовершенных), а также их словообразований в виде различных глагольных форм существительных [8, с. 210; 19].

Грамматический анализ слов «повреждение и заболевание» показывает, что в соответствии с правилами русского языка существительные, начинающиеся с префикса «по» и «за», образованы от глаголов начинательного действия несовершенного вида. Они обозначают всего лишь начало какого-либо процесса или действия (заболел, победил). Окончаниями в указанных словах являются буквосочетания «ение» и «ание», которые характеризуют какой-либо продолжающийся во времени незавершенный процесс [6, с. 273].

Следовательно, предлагаемые авторами, а также Правилами и Медицинскими критериями определения, содержащие слова «повреждение и заболевание», не соответствуют требованиям, предъявляемым к вновь вводимым в законодательное пространство терминам. Они не могут быть использованы в качестве характеризующих признаков в определении термина «вред здоровью», сущность которого заключается в наступлении какого-либо нежелательного последствия для здоровья, именуемого в медицинской науке и практике как неблагоприятный исход (при заболевании) или неблагоприятное последствие (при повреждении).

Дать определение термину «вред здоровью» до недавнего времени действительно было затруднительным из-за отсутствия законодательного толкования термина «здоровье». До 2011 г. в медицинской и юридической практике использовалось определение понятия «здоровье», данное еще В.И. Далем в общеизвестном словаре великорусского языка. Насколько оно отвечает требованиям современности, достаточно напомнить, что

В.И. Даль был другом А.С. Пушкина и, как врач, оказывал ему помощь после ранения на дуэли.

В Законе об охране здоровья граждан 2011 г. [10], в полной мере вступившем в действие с января 2015 г., впервые представлен перечень законодательного толкования ключевых медицинских терминов, в том числе и такого, как «здоровье». В статье 2 Закона указано, что **«здоровье – это состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма»**. Наличие толкования позволяет дать отвечающее требованиям современного законодательства определение и его антониму. Ключевым в определении является термин «благополучие». В соответствии с теорией уголовного права здоровье – это неотчуждаемое благо, данное человеку от природы и защищаемое законом, следовательно, вредом здоровью будет являться какое-либо наступившее неблагополучие относительно физического, психического и социального состояния человека. Для определения указанных состояний законодательством предусмотрено назначение соответствующих видов экспертиз: судебно-медицинской – для определения физического состояния; судебно-психиатрической – для определения психического состояния и медико-социальной – для определения социального благополучия человека. Каждый из этих видов экспертиз регулируется соответствующими законами и нормативными актами.

С судебно-медицинской точки зрения, с учетом упомянутых положений Закона об охране здоровья граждан и иных норм современного законодательства, **«вред здоровью – это неблагоприятное последствие для здоровья, наступившее в результате повреждения, заболевания или экстремального состояния, переживаемого потерпевшим [14, с. 61-65]**. В данном случае под понятием «неблагоприятное последствие для здоровья» понимается наступление какого-либо необратимого (стойкая утрата трудоспособности) либо временного (длительность расстройства здоровья) патологического изменения организма.

С юридической точки зрения, учитывая, что закон предусматривает ответственность за деяния, причинившие преступный вред объектам, охраняемым законом, термин «вред здоровью» выступает конструктивной частью определения группы преступлений против здоровья, которого, в отличие от других преступлений (убийство, изнасилование, кража и др.), в УК РФ до настоящего времени не дано. Это определение может предварять в гл. 16 УК РФ группу преступлений против здоровья: **«Причинение вреда здоровью – это противоправное деяние, повлекшее наступление неблагоприятного последствия для здоровья другого человека»**.

Таким образом, раздельная медицинская и юридическая характеристики термина «вред здоровью» в свете требований современного законодательства позволяет определить его место в судебно-медицинском и юридическом тезаурусе. Это способствует единообразному изложению, толкованию и правоприменению термина и понятия в медико-юридической теории и практике при оценке степени вреда, причиненного здоровью человека.

Отсутствие терминологического единства в различных законах и ведомственных актах, регулирующих экспертную деятельность, а их, по данным Ф.Г. Аминова, на 2008 г. существовало более 100 [1], можно объяснить тем, что принимались они различными ведомствами иногда на протяжении короткого периода времени, порою без достаточного экспертного сопровождения. Аналитическое изучение нормативных актов позволяет обнаружить наличие разночтения термина «вред здоровью» в различных документах.

Реализуя требования Конституции РФ, которая провозгласила человека высшей ценностью, в ст. 196 УПК РФ предусмотрено обязательное назначение судебных экспертиз только в отношении жизни и здоровья человека, в том числе для установления характера и степени вреда, причиненного здоровью (подчеркнем – **степени вреда**).

Однако Закон об охране здоровья граждан в ч. 2 ст. 62 (редакция 2011 г.) определяет, что «судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы назначаются для определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (подчеркнем – **степени тяжести вреда**). При этом оба закона указывают на свое доминирование и обязательность исполнения предписаний, заложенных в требованиях каждого из них. Правила и Медицинские критерии (2008) так же, определяя задачу назначения судебно-медицинской экспертизы потерпевших, следуя указаниям Закона об охране здоровья (1993 и 2011 гг.), указывают, что судебно-медицинская экспертиза назначается «для определения **степени тяжести вреда**, причиненного здоровью человека».

Практические работники следствия и суда, вопреки обязательным для них требованиям УПК РФ, при формулировке вопросов постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы потерпевших формулируют вопрос не как того требует УПК РФ, а по традиции, как это было в эпоху «телесных повреждений»: «Какова **степень тяжести вреда**, причиненного здоровью...?». Отвечая на поставленный вопрос, эксперт, руководствуясь Правилами, в заключении называет статью УК РФ, указывая, что «обнаруженное у гр-на Ш. повреждение повлекло за собой причинение тяжкого, средней тяжести, или легкого вреда здоровью», осуществляя таким образом квалификацию преступления.

Отсутствие терминологического единства в законах и подзаконных актах вызывает небезосновательную критику со стороны научного сообщества. В частности, высказывается следующее критическое замечание: «...одной из частых ошибок процессуального характера является постановка перед экспертом и решение им вопросов, связанных с квалификацией деяния по оценке **степени тяжести вреда**, причиненного здоровью, что лежит вне пределов его компетенции, когда эксперт подменяет следователя или суд» [17, с. 6].

Представляется, что в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 196 УПК РФ вопрос о последствиях причиненных повреждений для здоровья потерпевшего должен задаваться в следующей форме: «Каков характер и степень вреда, причиненного здоровью..?». Однако в судебной медицине вопрос о том, что такое «степень вреда здоровью», вообще не исследовался ввиду того, что эти термины заложены в содержании ст. 111, 112 и 115 УК РФ, определяющих ответственность за причинение вреда здоровью, а рассмотрение и анализ содержания норм закона не входит в компетенцию судебно-медицинских экспертов. Законодатель в указанных статьях определил градацию степеней вреда здоровью как опасный для жизни, значительный и незначительный вред здоровью.

В отношении степеней вреда здоровью следует особо отметить необходимость легализации такой степени, как малозначительный вред здоровью человека, который причиняется воздействием различных орудий и способов, оценка которого может существенно повлиять на квалификацию преступления. О причинении малозначительного вреда здоровью свидетельствует наличие кровоподтеков, гематом, ссадин, царапин, поверхностных ран от инъекций, ожогов и других повреждений, не требующих оказания медицинской помощи и не приводящих к расстройству здоровья или утрате трудоспособности (аналог ч. 2 ст. 112 УК РСФСР). Они не влекут за собой указанных последствий, но являются повреждениями по определению (*de facto*). Однако, вопреки медицинской науке и практике, Правила [12] и пункт 9 Медицинских критериев [11], «подменяя следователя и суд», требуют расценивать их как повреждения, «не причинившие вреда здоровью человека». Подобный вред здоровью (*de facto*) уголовно не наказуем, однако эти малозначительные повреждения являются сателлитами таких, весьма не простых для расследования преступлений, как покушение на убийство, изнасилование и его попытка, насильственные действия сексуального характера, разбой, истязание и другие.

Исследование уголовных дел по фактам назначения экспертизы потерпевших, проведенное Т.А. Чистикиной, показало, что «следователи, учитывая, что причиняемый подобными повреждениями вред здоровью не является уголовно наказуемым, не фиксируют их наличие при освидетельствовании и не назначают для их оценки судебно-медицинской экспертизы» [20, с. 97-98]. Указанные объективные следы насилия над человеком выпадают из юридического пространства, что затрудняет, а то и делает невозможным доказать совершение указанных видов преступлений и квалифицировать их состав по степени общественной опасности.

Таким образом, представляется, что суд, следователь или дознаватель, назначая судебно-медицинскую экспертизу потерпевших, основной, квалифицирующий вопрос постановления должны формулировать, руководствуясь требованиями ч. 2. ст. 196 УПК РФ, следующим образом: **«Каков характер и степень вреда, причиненного здоровью..?»**.

При рекомендуемой форме вопроса эксперт, отвечая на вопрос такого формата, в заключении укажет, что причиненный потерпевшему вред здоровью является **«опасным для жизни»**, **«значительным»**, **«незначительным»** или **«малозначительным»** и в чем он выражается. Например: «Обнаруженное у гр-на Ш. повреждение – сотрясение головного мозга образовалось от удара тупым твердым предметом (характер повреждения), что повлекло за собой причинение **значительного** вреда здоровью в виде **длительного** его расстройства (более 21 дня)». Следователь, получив заключение и руководствуясь нормами закона об обязательной оценке субъективной стороны преступления и иных обстоятельств, подлежащих доказыванию, самостоятельно, в пределах своей компетенции, квалифицирует деяние по соответствующей статье УК РФ, содержащей в своей конструкции такой признак, как вред здоровью (ст. 111 – 118 и иные 50% статей УК РФ, его содержащих).

Таким образом, существующие на данный момент Правила и Медицинские критерии, являясь ведомственными подзаконными актами, возлагающими на судебно-медицинских экспертов обязанность квалифицировать случаи причинения вреда здоровью, ввиду их несоответствия требованиям современного законодательства, должны быть переработаны и озаглавлены с учетом положений ч. 2 ст. 196 УПК РФ как **«Правила судебно-медицинского определения характера и степени вреда, причиненного здоровью»**.

Актуальность разрешения данной нормативно-правовой коллизии, допускающей терминологическое разночтение, обусловлена еще и тем, что в настоящее время в Минюст РФ представлен приказ Минздрава России «Об утверждении Порядка определения **степени тяжести вреда**, причиненного здоровью человека», который, как видно из названия, принципиальных изменений, по сравнению с прежними Правилами, не предлагает. Они по традиции обязывают экспертов определять **степень тяжести вреда**, причиненного здоровью так же, как это было в прежних Правилах.

Достижение терминологического единообразия в законодательных и нормативных актах, регулирующих правила медико-юридической оценки вреда, причиненного здоровью, возможно при внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ». Необходимо изъять из ст. 62 данного закона термин **«тяжесть»** и указать, что «судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы проводятся для определения **характера и степени вреда, причиненного здоровью»**. Это даст возможность для легитимной разработки новых Правил, авторский вариант которых опубликован в электронной версии «Судебно-медицинского журнала» [13], исключая возможность нарушения конституционных прав при расследовании насильственных преступлений против человека, которого Конституция РФ провозгласила высшей ценностью.

Литература

1. Аминев Ф.Г. Роль и значение судебных экспертиз в расследовании преступлений // Эксперт-криминалист. 2008. № 2.
2. Бедрин Л.М. О содержании и трактовке понятий «здоровье», «вред здоровью» и критериев степени их тяжести // Суд. мед. эксперт. 1996. № 3.
3. Безручко Е.В. Уголовная ответственность за причинение вреда здоровью человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001.
4. Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья: учеб.-практ. пособие. М., 2006.
5. Галюкова М.И. Пути совершенствования правоприменительной практики по делам о преступлениях против здоровья человека // Социальное и пенсионное право. 2010. № 1.
6. Дудников А.В. Современный русский язык: учебник. М., 1990.
7. Зубкова В.И. Ответственность за преступления против личности по законодательству России. М., 2005.
8. Кулыгин В.В. Этнокультура уголовного права: монография. М., 2002.
9. Оганян Р.Э., Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Преступления против жизни и здоровья: лекция. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002.
10. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 06.04.2015).
11. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Минздравсоцразвития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н (ред. от 18.01.2012).
12. Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522.
13. Прутовых В.В. История применения судебно-медицинских знаний в уголовном судопроизводстве. Проект правил определения степени вреда, причиненного здоровью // Судебно-медицинский журнал. URL: <http://journal.forens-lit.ru/node/1039>
14. Прутовых В.В. Пределы компетенции судебно-медицинского эксперта при установлении степени вреда, причиненного здоровью // Российская юстиция. 2015. № 1.
15. Прутовых В.В. Современное толкование термина «вред здоровью» и его медико-юридическое значение // Право и жизнь. 2014. № 198 (12).
16. Савицкий В.М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). М., 1987.
17. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Е.И. Галяшина [и др.]; под ред. Е.Р. Россинской. М., 2012.
18. Филатова О.Н. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие преступлениям, причиняющим вред здоровью человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2010.
19. Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972.
20. Чистикина Т.А. Особенности проведения экспертизы степени тяжести вреда, причиненного здоровью: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (27 марта 2013 г.). Тюмень, 2013.
21. Шарапов Р.Д. Преступное насилие. М., 2009.
22. Шишков С.Н. Психическое расстройство как разновидность вреда, причиненного здоровью потерпевшего // Законность. 2010. № 8.
23. Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990.

УДК 343.9

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Элла Владимировна Хомик, преподаватель Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: ellavladimirovna02@mail.ru

В статье рассматриваются требования к письменной речи следователя, выполнение которых должно привести к повышению качества расследования уголовных дел.

Ключевые слова: письменная речь; норма права; логичность; выразительность.

COMMON QUESTIONS OF APPLICATION IN THE PRODUCTION OF WRITTEN LANGUAGE INVESTIGATION

Ella Vladimirovna Khomik, lecturer of Vladivostok Branch of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

This article discusses the requirements for writing the investigator, the implementation of which should lead to improving the quality of criminal investigations.

Keywords: written speech; the rule of law; logical; expression.

В основе работы следователя по раскрытию и расследованию преступлений лежит деятельность по производству следственных действий, направленных на собирание, проверку и оценку доказательств. Уголовное судопроизводство построено таким образом, что информация об устанавливаемых фактах по преступлению не только удостоверяется и проверяется, но также и передается по ходу движения дела из одной стадии уголовного судопроизводства в другую.

Деятельность следователя по процессу доказывания – это не только установление и познание с помощью доказательств фактов объективной действительности, но и движение материалов уголовного дела от одного субъекта уголовного судопроизводства к другому, а именно от следователя к прокурору и далее в суд. В процессе расследования уголовного дела не только разыскивается преступник и раскрывается преступление, но еще так же связываются между собой сведения, имеющие отношение к предмету доказывания, то есть каким путем добыты доказательства, на каком основании было принято следователем процессуальное решение, направленное на закрепление доказательств, в каких документах этот процесс нашел свое отражение. Именно все эти процессы закреплены в процессуальных документах, которые имеют свою регламентацию в уголовно-процессуальном законе.

Деятельность следователя полностью связана с составлением документов. В зависимости от того, каким именно путем, процессуальным или непроцессуальным, следователь получает информацию, имеющую значение для расследования уголовного дела, он составляет соответствующие документы процессуального или непроцессуального характера. Эти акты могут быть подразделены на запросы в организации, содержащие требования о предоставлении информации, обращения к должностным лицам, постановления о производстве следственных действий, протоколы о проведении следственных действий.

Каждый из названных выше письменных процессуальных актов следователя должен быть надлежащим образом оформлен, в нем нужно зафиксировать полученную

следователем доказательственную информацию и его надлежит поместить в материалы уголовного дела.

В основе составления любого письменного акта следователя лежит письменная речь, являющаяся традиционным и наиболее «старым» средством фиксации фактических данных в уголовном судопроизводстве.

Никакое процессуальное действие следователя, если оно не оформлено соответствующим письменным актом, не порождает правовых последствий. Вот почему Уголовно-процессуальный кодекс детально регламентирует письменную фиксацию всех следственных действий, как тех, с помощью которых осуществляется процесс доказывания, так и тех, в которых отражается решение, принятое следователем по делу.

В процессуальных правилах фиксации следственных действий реализуются некоторые принципы уголовного процесса.

Прежде всего следует указать на принцип национального языка уголовного судопроизводства. Судопроизводство ведется на русском языке, но закон предусматривает случаи использования языка республики, в которой производится расследование.

Следующий базовый принцип, который должен неукоснительно соблюдаться при фиксации следственных действий, – это принцип законности, суть которого состоит в точном соблюдении требований закона, которые должны выполняться всеми участниками уголовного судопроизводства. Следователь как должностное, процессуальное лицо, составляющее документ, в полной мере отвечает за соответствие документа требованиям уголовно-процессуального закона. Что подразумевается под соответствием документа процессуальному закону? Это правильное наименование документа, наличие реквизитов, использование юридических терминов и формулировок, отражение прав и обязанностей участников судопроизводства.

Статья 166 УПК РФ регламентирует составление протокола следственного действия. Протокол следственного действия должен содержать время, место проведения следственного действия, процессуальный статус лица, его проводившего, участников следственного действия с обозначением их прав и обязанностей в соответствии с требованием уголовно-процессуального закона, поэтапное обозначение действий, совершенных в процессе проведения следственного действия, и результаты проведения следственного действия. Протокол следственного действия может быть составлен от руки или с использованием технических средств. Для судопроизводства неважно, каким именно способом будет выполнен документ, важна его суть, содержание, соответствие закону, то, насколько полно и точно в документе отражена информация, имеющая значение для раскрытия и расследования уголовного дела.

До тех пор пока протокол не подписан всеми участниками следственного действия и непосредственно самим следователем, участники имеют право вносить свои замечания и заявления, а следователь вправе устранить противоречия и вопросы, которые возникли у участвующих лиц. После того как следственное действие окончено и все участники следственного действия поставили в протоколе свои подписи, никакие изменения в протокол вносить нельзя.

При составлении протокола следственного действия необходимо учитывать специфику каждого следственного действия. Так, при составлении протокола допроса, независимо от процессуального статуса допрашиваемого лица, показания должны записываться в первом лице и, по возможности, дословно (ст. 190 УПК РФ). В протоколе очной ставки показания допрашиваемых лиц записываются в той очередности, в которой они давались, и располагать показания можно как построчно, так и отводя место для показаний каждого из допрашиваемых лиц. При этом в протоколе очной ставки фиксируются не только ответы допрашиваемых лиц, но и вопросы следователя. Все ответы допрашиваемых лиц должны быть удостоверены их подписями. В протоколе осмотра, освидетельствования и обыска – все обнаруженное во время этих следственных действий описывается в той последовательности, в какой проводилось следствен-

ное действие, и в том виде, «в каком обнаруженное наблюдалось в момент осмотра...» (ст. 180 УПК РФ) и «в каком месте и при каких обстоятельствах были обнаружены предметы»... (ст. 182 УПК РФ).

Письменная фиксация всего, что происходит в ходе расследования уголовного дела, и удостоверение этого процесса участниками судопроизводства позволяют исключить недопустимые доказательства и в итоге установить истину по делу.

Удостоверительная функция состоит и в том, что в следственных документах с помощью письма удостоверяется их подлинность. Например, сведения о личности свидетеля, записанные в протоколе, имеют значение не только для оценки показаний, но также для удостоверения того, что допрашивался именно такой-то свидетель. Запись в протоколе о том, что участники процессуального действия ознакомились с данным протоколом и каким именно образом, подтверждает его правильность, удостоверяет соблюдение следователем правил проведения следственного действия и т.п. [2].

С учетом задач уголовного судопроизводства культуру письменной речи следователя можно определить как использование при составлении процессуальных документов языковых средств, соответствующих литературной и стилистической нормам, для отражения и передачи адресату доказывания фактических данных об устанавливаемых по делу фактах. Культура речи включает в себя, во-первых, требование правильности речи, знание и соблюдение языковых норм (норм произношения, ударения, словоупотребления и т.д.); во-вторых, стремление к выразительности, наибольшей эффективности высказывания. Однако при производстве следственных действий всегда возникает вопрос, насколько дословно необходимо следователю записывать показания допрашиваемого лица. Для современного состояния русского языка при наличии тесного взаимодействия между письменной и устной формой речи характерно, что ведущая роль остается за письменно-литературной разновидностью.

В своей процессуальной деятельности следователь часто сталкивается с языковыми проблемами всякий раз, когда имеются вариантные способы выражения. Целесообразность - один из основных принципов, выдвигаемых в качестве основного критерия языковой нормы. С одной стороны, это эффективность той или иной языковой формы для понимания высказывания вообще, а с другой – ее пригодность, оправданность в конкретной речевой ситуации. Говоря о соблюдении литературных норм в письменной речи при производстве следственных действий, конечно, нельзя забывать о ряде условий, которые влияют на качество составления документа, а именно: состояние психоэмоциональной напряженности, усталости, отсутствие соответствующей обстановки для составления документа, дефицит времени у участников уголовного судопроизводства, погодные условия. Однако было бы неправильно оправдывать этими обстоятельствами встречающиеся в протоколах и других документах следователей грубые языковые погрешности.

Культура письменной речи любого сотрудника органов внутренних дел требует не только высоких нравственных качеств, но и широкого общего образования. А.Ф. Кони подчеркивал: «У юриста общее образование идет впереди специального» [1, с. 128]. По роду своей деятельности следователь часто бывает и конфиденциальным собеседником, что предъявляет к нему ряд определенных культурных и профессиональных требований, таких как высокий уровень нравственности и воспитания, умение в каждом отдельном случае подбирать соответствующий тон, слово, грамотно выражать свою мысль.

Письменная речь следователя должна быть грамотной, иметь определенный уровень зрелости, профессионализма. Именно посредством письменной речи следователь может эффективно взаимодействовать с другими участниками уголовного судопроизводства и сохранить тождественность суждений о предмете при передаче информации от источника этой информации следователю и впоследствии при отражении этой информации в документе.

Особое внимание следователем должно уделяться таким требованиям к изложению информации, как точность, лаконичность, логичность и образность. На первый взгляд, требование смысловой точности не нуждается в комментариях, однако богатство языка, терминологии, разность восприятия приводят к тому, что возникают вопросы о правильности понимания значения слова. Логичность – это коммуникативное качество речи, основанное на знании излагающим информацию законов логики построения высказывания и на умении не допускать столкновения двух логически несочетаемых понятий. Образность речи – это способность слова создавать наглядно-чувственные образы (картины) предметов и явлений окружающего мира.

Основной словарный состав языка характеризуется нейтральностью стиля. К нейтральной лексике относятся слова, которые одинаково употребительны в различных стилях, во всех сферах общения.

В письменной речи следователя должны использоваться нейтральные языковые средства, с помощью которых передается только информация, не имеющая эмоциональной окраски. Однако, при необходимости, может быть использован эмоционально нейтральный стиль произношения – это речь в нормальной, обычной обстановке, в среднем темпе, при спокойном состоянии говорящего, который хочет передать или получить какую-либо информацию. Говорящий не ставит перед собой в данном случае каких-то дополнительных задач: выразить свои чувства, подчеркнуть что-либо. Нейтральные языковые средства должны преобладать в описании каких-либо предметов, состояний, при этом необходимо стремиться к точности формулировок. Использование в письменной речи следователя эмоционально окрашенных оттенков должно быть оправдано следственной необходимостью. Такие эмоциональные описания приемлемы для изложения, например, показаний. Однако в протоколах, фиксирующих показания, необходимо соблюдать соотношение нейтральных средств и эмоциональных, потому что без соответствующих пояснений смысл изложенного может оказаться неясным.

Основным требованием к протоколу является точность изложения полученных следователем сведений. То есть протокол, постановление не должны быть перегружены излишней, не имеющей отношения к делу информацией. Прежде чем приступить к производству следственного действия или составлению какого-либо процессуального документа, следователь должен составить план, в котором должны быть отражены те вопросы, которые необходимо решить в процессе производства следственного действия. Такой подход позволяет исключить лишнее при фиксации информации. Однако краткость изложения не должна отрицательно сказываться на ясности и четкости документа.

Следующее требование к письменной речи следователя – логичность. Это требование проявляется в соблюдении законов логики, правил построения умозаключений, приведения доказательств. Так, согласно закону тождества, объем и содержание мысли о каком-либо предмете должны быть строго определены и оставаться постоянными в процессе рассуждения о нем. Это умозаключение обязывает следователя, принявшего уголовное дело к своему производству, подробно изучить материалы и убедиться в том, правильно ли он понимает суть происшедшего, чтобы в последующем исключить нарушение логических цепочек при изложении информации непосредственно им самим. Так, при изучении протоколов следственных действий нами были выявлены неоднократные ошибки следователей при описании предметов, внешности. Нарушается последовательность изложения признаков, что приводит к утрате информативности осмотра и восприятия написанного. Например, вначале описывается особая примета, одежда, а потом только физические данные, рост, пол. Таким образом, нарушается процесс формирования представления об облике человека. Логическая последовательность описания требует идти от общих признаков к частным или наоборот.

В соответствии с тактикой производства следственных действий следователь использует определенные словосочетания и фразы для описания следственной ситуации. Эти словосочетания и фразы имеют достаточно устойчивую форму, могут как дублироваться в заготовленных бланках протокола, например, «вину свою признаю полностью, частично или не признаю». Следователь обязан в протоколе указать одно из этих словосочетаний. Или, например, традиционно под показаниями в протоколе допрашиваемый пишет: «С моих слов записано верно, мною прочитано», вне зависимости от того, написан протокол или напечатан. Использование формулировок, содержащихся в норме закона, юридической лексики облегчает составление документа, потому что не приходится каждый раз думать о том, как оформить полученную информацию. Устойчивость используемых речевых средств положительно влияет на точность и однозначность выражения мысли в речи. Однако профессиональный язык не должен препятствовать творческому выражению мысли. Особенно это характерно при фиксации показаний, когда допрашиваются лица разных профессий, со своим набором специальной лексики. Также очень внимательно надо относиться к показаниям лиц, между которыми нет противоречий. Переписывание показаний одного лица в протокол допроса другого лица – недопустимо. Еще одним требованием, предъявляемым к речи следователя, является выразительность. Выразительным является документ, не просто отражающий информацию, но также объясняющий, обосновывающий правильность принятого решения, аргументирующий выводы.

Следующим требованием к письменной речи следователя является аккуратность и грамотность. Естественно, что грамотно оформленный документ, с соблюдением всех реквизитов, вызывает чувство официальности общения и, как следствие, ответственность лиц, участвующих в предварительном расследовании. Опыт показывает, что даже оговоренные дополнения и исправления в протоколе снижают его убедительность, затрудняют восприятие содержащейся в нем информации. Нужно стремиться составлять письменные процессуальные акты разборчиво, выделяя абзацы, четко, не допуская орфографических и пунктуационных ошибок.

Делая вывод из вышесказанного, можно утверждать, что основными требованиями к письменной речи следователя являются:

- знание языка уголовного судопроизводства;
- соответствие нормам закона;
- грамотность;
- точность;
- лаконичность;
- логичность;
- образность;
- выразительность.

При выполнении данных требований качество расследования уголовных дел и процесс рассмотрения их в суде должны перейти на новый качественный уровень.

Литература

1. Аракелов Ю.С., Джегутанов Б.К., Олейников В.С. Профессиональная этика юриста. СПб.: Питер, 2008.
2. Михайлов А.И., Подголин Е.Е. Письменная речь при производстве следственных действий // Интернет-журнал ассоциации юристов Приморья. URL: <http://law.vl.ru/analit/show> (дата обращения: 25.05.2015).

УДК 351.745.7:343.61

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ВРЕМЕНИ НА РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ УБИЙСТВ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Алексей Станиславович Нефедьев, преподаватель
Нижегородской академии МВД России

E-mail: asn1976@list.ru

В статье анализируется современное состояние раскрытия и расследования убийств прошлых лет. Автор акцентирует внимание на одном из ключевых факторов, влияющих на данный процесс, которым является время, прошедшее с момента совершения преступления.

Ключевые слова: правоохранительные органы; раскрытие и расследование преступления; влияние времени; убийства прошлых лет.

ON THE MATTER OF THE INFLUENCE OF TIME ON THE INVESTIGATION OF MURDERS OF LAST YEARS

Aleksey Stanislavovich Nefedyev, lecturer of the Nizhny Novgorod
academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article analyzes the current state of detection and investigation of murders of the past and the influence of time on this process.

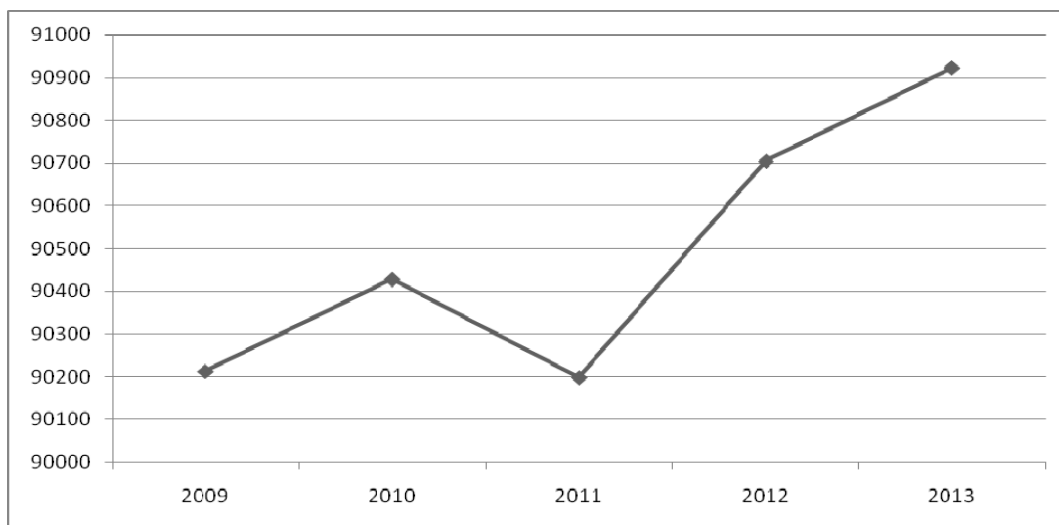
Keywords: law enforcement body; disclosure, investigation crime; effect time; murders of last years.

Одной из основных задач, стоящих перед правоохранительными органами, является раскрытие убийств, в том числе прошлых лет. Если с раскрытием убийств текущего периода ситуация в целом по стране неплохая, то с преступлениями, перешедшими в категорию прошлых лет, оставляет желать лучшего.

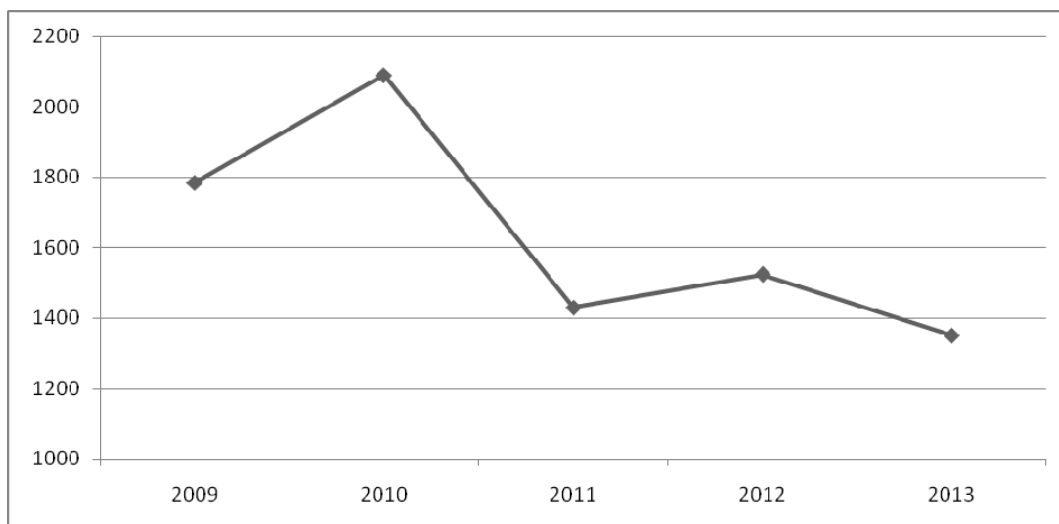
Необходимость в повышении эффективности работы по раскрытию и расследованию убийств прошлых лет обусловлена тем, что эти преступления отнесены законодательством к категории тяжких и особо тяжких и, как правило, вызывают повышенное внимание общественности. Раскрытие данных преступлений нередко стоит на особом контроле у руководства правоохранительных органов. Кроме того, данный вопрос актуален и потому, что низкая эффективность работы по данному направлению может порождать новые преступные деяния с различными последствиями. Не секрет, что слабая организация работы по раскрытию преступлений приводит к рецидиву. Как известно, безнаказанность порождает чувство вседозволенности. Можно предположить, что часть преступлений прошлых лет совершены одними и теми же лицами, а иногда принимают форму серийности. Потенциальный преступник, чувствуя свою безнаказанность, может совершать преступления на протяжении длительного периода времени. Примеров тому множество.

Несмотря на предпринимаемые меры, постоянная и целенаправленная работа по раскрытию ранее совершенных убийств ведется крайне слабо и безынициативно, в результате чего к настоящему времени накопился значительный остаток нераскрытых уголовных дел. Указанная проблема затронула не только ОВД отдельных регионов, но и всей страны в целом. Обратимся к общероссийским данным оперативно-служебной деятельности по раскрытию этих преступлений в период с 2009 по 2013 г. Так, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, остаток нераскры-

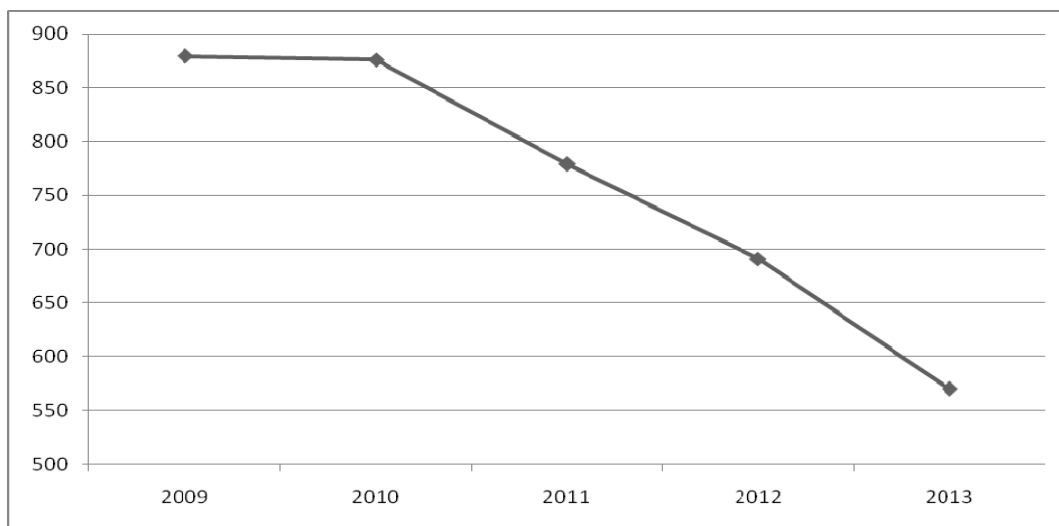
тых преступлений, следствие о которых на начало отчетного периода приостановлено в связи с нерозыском подозреваемого (обвиняемого) или неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого по п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, составил: в 2009 г. – 90 212, в 2010 г. – 90 428, в 2011 г. – 90 198, в 2012 г. – 90 705, в 2013 г. – 90 923 [6].

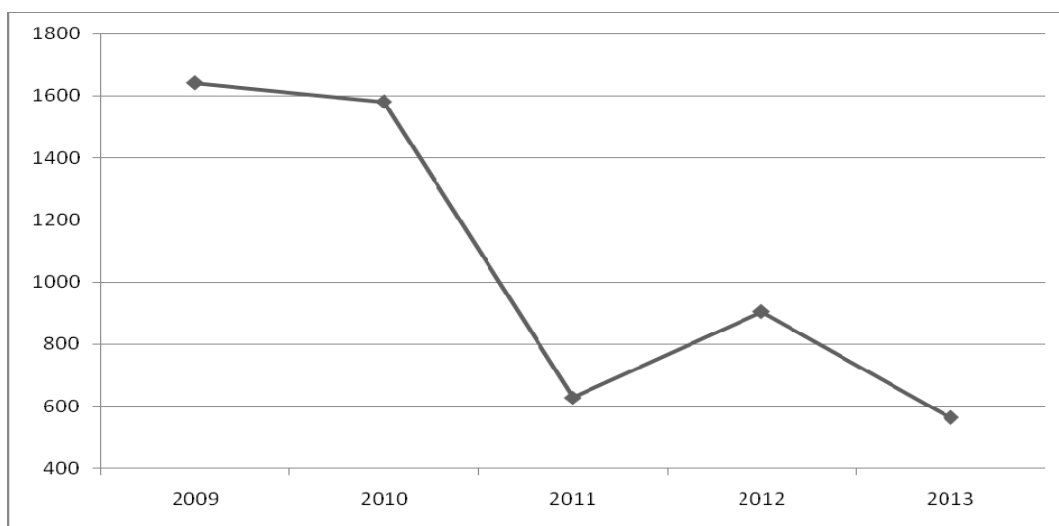
Количество преступлений, уголовные дела о которых возобновлены производством, составило: в 2009 г. – 1784, в 2010 г. – 2090, в 2011 г. – 1431, в 2012 г. – 1524, в 2013 г. – 1351 [6].

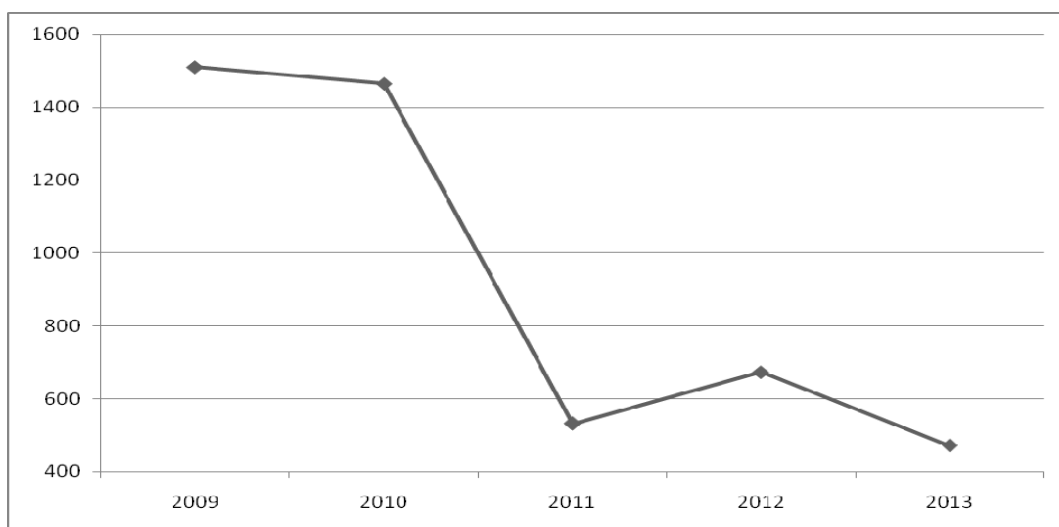
Количество преступлений, уголовные дела о которых расследованы и направлены в суд либо прекращены по нереабилитирующим основаниям: в 2009 г. – 879, в 2010 г. – 867, в 2011 г. – 779, в 2012 г. – 691, в 2013 г. – 570 [6].

Снято с учета уголовных дел: в 2009 г. – 1641, в 2010 г. – 1580, в 2011 г. – 628, в 2012 г. – 904, в 2013 г. – 563 [6].

В том числе за истечением сроков давности уголовного преследования: в 2009 г. – 1510, в 2010 г. – 1465, в 2011 г. – 532, в 2012 г. – 673, в 2013 г. – 472 [6].

Из представленных результатов оперативно-служебной деятельности видно, что в целом по стране за последние пять лет отмечается устойчивая тенденция увеличения количества преступлений, следствие о которых приостановлено вследствие нерозыска подозреваемого (обвиняемого) или неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого по п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Обратная тенденция отмечается по преступлениям, уголовные дела о которых направлены в суд либо прекращены по нереабилитирующим основаниям.

С положительной стороны можно отметить лишь то, что преступлений, снятых с учета за истечением сроков давности, с каждым годом становится все меньше и меньше. Однако их количество все еще остается на высоком уровне.

Представленные данные оперативно-служебной деятельности свидетельствуют о наличии существенных проблем в организации раскрытия и расследования убийств прошлых лет. Одним из ключевых факторов, влияющих на данный процесс, является время, прошедшее с момента совершения преступления.

Как показывает практика, влияние времени на процесс раскрытия и расследования преступлений данной категории оказывает значительное и многостороннее влияние. Как точно отмечает профессор А.Р. Ратинов, в качестве одного из основных препятствий на пути к истине стоит объективный ход времени, который сглаживает или уничтожает материальные следы и человеческие воспоминания [3, с. 67].

Согласимся и с мнением профессора В.П. Лаврова о том, что время влияет на все этапы возникновения, существования и использования доказательственной информации: на возникновение и исчезновение доказательств как «отпечатков», отражений преступления, на обнаружение этих доказательств, их собирание, исследование, оценку и использование [2, с. 61].

Весьма широк круг объектов, непосредственно подвергающихся постоянному и существенному воздействию времени. В первую очередь это место происшествия; труп как источник информации; отдельные предметы и документы – носители информации; преступник как носитель социальных психологических и биологических свойств личности; свидетели, степень информированности которых и позиция по делу не всегда остаются неизменными; сотрудники правоохранительных органов, участвующие в раскрытии, как важное звено получения, оценки и использования информации.

Время накладывает свой отпечаток на содержание конкретных задач расследования, на организацию и тактику отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, на использование специальных познаний, на сохранность вещественных доказательств, а иногда и на характер ответственности за совершенное деяние.

Влияние времени на раскрытие и расследование данных преступлений, по сути своей, носит двойственный характер. С одной стороны, с увеличением промежутка времени процесс установления подозреваемого и всех обстоятельств по делу затрудняется, с другой – со временем может возникать новая информация, имеющая значение для раскрытия и расследования преступления.

Практика показывает, что чем больше проходит времени с момента совершения убийства до момента получения о нем информации из какого-либо источника, тем больше возможность потери этой информации под воздействием времени. Время стирает из памяти людей детали, имеющие значение для раскрытия преступления. Процесс забывания усиливается, в частности, по отношению к тем фактическим данным, о которых очевидцы не допрашивались в ходе первоначального расследования [1, с. 332]. Фактор времени, истекшего после совершения убийства, служит основной причиной, осложняющей расследование по «старым» делам об убийстве [4, с. 366].

Работа по раскрытию убийств прошлых лет, как правило, осложняется тем, что по истечении времени многие источники информации утрачиваются, отдельные из них изменяются и теряют доказательственную ценность. Видоизменяется личность пре-

ступника – становится другим его внешний облик. Изменяются объекты, которые могут быть использованы для его установления, – уничтожаются документы, имеющие доказательственную информацию, изменяются признаки орудий, использованных при совершении преступлений, и т.п. Происходят изменения в обстановке места преступления – зарастают или застраиваются пустыри, сносятся ветхие постройки, прокладываются дороги, теплотрассы, газопроводы и т.п.

Иногда получение оперативно значимой информации по нераскрытому убийству затрудняется в связи с тем, что из района совершения преступления выезжают свидетели, подозреваемые, негласные сотрудники ОВД, имеющие подходы к лицам, представляющим оперативный интерес по данному делу.

Кроме того, не прекращается и деятельность самого преступника. Все это время он всячески препятствует раскрытию преступления, а иногда и влияет на его ход: склоняет свидетелей к изменению показаний, уничтожает доказательства, умышленно изменяет внешность, приобретает фиктивные документы, переезжает в другой район, регион, государство и т.д.

Не следует забывать и о влиянии времени на членов следственно-оперативной группы, участвующих в раскрытии и расследовании убийств прошлых лет. Отрицательные результаты работы по делу накладывают нежелательный отпечаток о бесперспективности дальнейших ОРМ и следственных действий.

Вместе с тем, при раскрытии и расследовании преступлений данной категории наряду с трудностями появляются и некоторые дополнительные возможности, не существовавшие или не проявлявшиеся до приостановления дела. В отдельных случаях истечение длительного срока со дня совершения преступления может положительно сказаться на раскрытии убийств прошлых лет [5, с. 8].

Нередко, со временем возникают новые возможности для раскрытия данных преступлений. Прежде всего это связано с проявлением психологических и иных закономерностей поведения преступника, свидетелей, потерпевших. Снижение бдительности преступника, хвастовство, бравада перед знакомыми ранее совершенными преступлениями, демонстрация орудий преступления, возвращение в район совершения преступления и так далее – все это создает благоприятные условия для получения дополнительной оперативно значимой информации по нераскрытому убийству.

Со временем могут измениться отношения преступника с информированными о преступлении лицами – соучастниками, свидетелями, которые ранее дали ложные показания либо скрыли факт своей осведомленности о совершенном преступлении, однако с учетом изменившихся обстоятельств согласились сотрудничать с правоохранительными органами и свидетельствовать по нераскрытому преступлению, а в случае соучастия – явиться с повинной.

Иногда в положительную сторону меняется отношение к содеянному и самого преступника. С чем это может быть связано – с угрызениями совести или по другим причинам, – не имеет принципиального значения. Важно то, что происшедшие изменения способствуют получению полной и достоверной информации о совершенном преступлении.

Как бы это ни показалось циничным, но раскрытию убийств прошлых лет способствует и продолжение преступником противоправной деятельности. Оставленные следы на месте нового преступления, безусловно, должны оказать существенную помощь в его установлении и изобличении. В отечественной и зарубежной практике борьбы с преступностью примеров тому множество. Из личного опыта – установление личности серийного маньяка Жукова В.С., совершавшего с 1999 по 2007 г. изнасилования и убийства малолетних детей на территории Нижегородской, Ярославской и Новосибирской областей, стало возможным после совершения им последнего преступного деяния.

В связи с этим необходимо отметить, что сотрудники правоохранительных органов обязаны в полной мере использовать дополнительные возможности, которые дает

им для раскрытия преступлений прошлых лет работа по новым делам. При этом большое значение имеет организация работы по делам данной категории в тесном взаимодействии с оперативными подразделениями ГУ ФСИН России. Работа с осужденными, отбывающими наказание в местах лишения свободы, является одним из важнейших направлений, так как другие возможности часто уже исчерпаны.

Вышесказанное показывает, насколько велика роль времени, прошедшего с момента совершения убийства. Сопоставляя отрицательное и положительное его влияние, нельзя не признать того факта, что трудности, возникающие в процессе раскрытия и расследования убийств прошлых лет, прогнозируемы и преодолимы.

Литература

1. Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики: учебник / под ред. В.Д. Грабовского, А.Ф. Лубина. Н. Новгород: Нижегород. ВШ МВД России, 1995.
2. Лавров В.П. Организационные и тактико-криминалистические основы раскрытия и расследования преступлений прошлых лет. М., 1979.
3. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: ВШ МООП СССР, 1967.
4. Руководство по расследованию убийств / С.И. Гусев [и др.]; под ред. С.И. Гусева. М., 1977.
5. Фирсов Г.Е., Коханов В.А., Слободин Б.З. Организационно-тактические особенности раскрытия убийств прошлых лет. М.: ВНИИ МВД СССР, 1980.
6. URL: http://mvd.ru/upload/site1/document_file/H8NGnfdiEy.pdf (дата обращения: 12.02.2014).

ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

УДК 159.99

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Татьяна Геннадьевна Татицинова, начальник кафедры
кандидат социологических наук, доцент;

Наталья Юрьевна Галкина, доцент кафедры

кандидат психологических наук, доцент

(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: tati_tatiana1957@mail.ru

galkina55@list.ru

В статье рассматриваются профессионально важные качества как один из факторов, способствующих успешному выполнению профессиональной деятельности. Авторы анализируют имеющиеся в социально-психологической литературе определения понятия «профессионально важные качества», рассматривают структуру и основные компоненты профессионально важных качеств, описывают профессионально важные качества, которыми должен обладать сотрудник органов внутренних дел.

Ключевые слова: профессионально важные качества; система профессионально важных качеств; формирование профессионально важных качеств; профессионально важные качества сотрудника органов внутренних дел.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF THE IMPLEMENTATION THE PROFESSIONAL ACTIVITY BY THE POLICE OFFICER

Tatyana Gennadievna Tatidinova, chair head

Kandidat nauk degree in Sociological, associate professor;

Natalia Yrjevna Galkina, chair associate professor

Kandidat nauk degree in Psychology, associate professor

(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia)

In the article are considered the professionally important qualities as one of the factors promoting successful performance of the professional activity. Authors analyze professionally important qualities which are available in social and psychological literature definition to concept, consider structure and the main components of professionally important qualities, describe professionally important qualities which the employee of the police officer has to possess.

Keywords: professionally important qualities; system of professionally important qualities; formation of professionally important qualities; professionally important qualities of the police officer.

Профессиональная деятельность человека осуществляется в условиях постоянно меняющейся социальной реальности, сопровождаясь разнонаправленными процессами, которые происходят в личности.

Становление профессионального стиля сотрудников органов внутренних дел осуществляется под влиянием социально-психологических детерминант, проявляющихся на личностном уровне и представленных интеллектуальными мотивами, ценностями, установками, особенностями характера личности и т.д.

В качестве детерминант, определяющих профессиональную успешность специалиста, мы рассматриваем такое явление, как профессионально важные качества личности.

В современной социально-психологической литературе имеются различные определения понятия «профессионально важные качества» (ПВК).

Так, В.Д. Шадриков считает, что ПВК можно рассматривать как индивидуальные качества субъекта деятельности, влияющие на эффективность деятельности и успешность ее освоения [13]. Е.А. Климов определяет профессионально важные качества личности как динамические черты, отдельные психические и психомоторные свойства, которые выражаются определенным уровнем развития соответствующих психических и психомоторных процессов, а также физические качества, соответствующие требованиям к человеку какой-либо определенной профессии и способствующие успешному овладению этой профессией [6].

В.А. Бодров определяет ПВК как совокупность психологических и физиологических качеств человека, которые детерминируют успешность обучения и реальной деятельности [1].

По мнению М.В. Клищевой и Г.Н. Солнцевой, ПВК представляют собой совокупность индивидуально-личностных особенностей человека, определяющих эффективность реализации трудовых функций [7, с. 61-66].

В.М. Поздняков и И.Е. Реуцкая определяют профессионально важные качества личности как систему психофизиологических функций и психологических свойств человека, обеспечивающих ему высокую работоспособность, быструю профессиональную адаптацию к изменяющимся условиям деятельности и успешность ее осуществления [10].

По мнению А.К. Марковой, профессионально важные качества можно рассматривать как предпосылку профессиональной деятельности, так и новообразование этой деятельности, так как в ходе деятельности они совершенствуются и шлифуются, ведь в процессе труда человек изменяет не только деятельность, но и себя самого [9].

Для обозначения ПВК используются также такие термины, как «профессионально значимые свойства личности», «профессионально ценные качества личности», «профессионально важные свойства» и т.д. К данным свойствам относят психомоторные, мнемические, индивидуально-типологические, сенсорные, перцептивные, мыслительные и волевые свойства, а также способность оперировать образами объектов [12, с. 47-49].

Обобщая рассмотренные определения, можно утверждать, что профессионально важные качества личности – это индивидуально-личностные особенности человека, которые обеспечивают успешность его профессионального обучения, а также осуществления им профессиональной деятельности [12].

Между отдельными профессионально важными качествами личности существуют функциональные взаимосвязи компенсаторного и содейственного типов. Сама система профессионально важных качеств личности представляет собой определенный комплекс субъектных свойств, характерный для той или иной деятельности. Этот комплекс не предоставлен специалисту в готовом виде, а формируется у него в ходе освоения им профессиональной деятельности. Система ПВК формируется не только для всей деятельности, но и для ее основных компонентов (ключевых действий, основных функций и др.). Поэтому с социально-психологической стороны процесс деятельности представляет собой динамическую смену целостных систем профессионально важных качеств, обеспечивающих каждый ее основной этап (действие, задачу, функцию) [4].

Формирование структуры профессионально важных качеств личности представляет собой достаточно сложный социально-психологический процесс.

По мнению Е.С. Романовой, формирование профессионально важных качеств личности происходит на базе развития психических свойств, а также их определенного сочетания по отношению к требованиям деятельности и имеет следующую структуру [11]:

- сознание, включающее мировоззрение, индивидуальную «Я»-концепцию профессионала;
- мотивационно-потребностная сфера, выражающаяся в форме нужды, интереса, влечения, стремления, привычек, установки;
- интеллектуальные свойства, проявляющиеся в особенностях внимания, памяти, мышления, воображения;
- эмоционально-волевые свойства;
- коммуникативные свойства, выражающиеся в способности к сопереживанию, конформности, интровертированности (экстравертированности).

По Е.А. Климову, структура профессионально важных качеств личности состоит из следующих компонентов [6]:

- гражданские качества – моральный облик человека как члена коллектива и общества;
- отношение к труду, профессии, интересы и склонности к данной профессиональной деятельности;
- дееспособность, содержащая качества, важные и в других видах деятельности (широта, глубина, гибкость мышления и др.);
- единичные, частные, специальные способности, которые важны именно для данной работы, профессии;
- знания, умения, навыки, опыт, привычки.

А.В. Карпов выделяет четыре группы, образующие структуру профессионально важных качеств [5]:

- 1) абсолютные ПВК – свойства, необходимые для выполнения деятельности на минимально допустимом или среднем уровне;
- 2) относительные ПВК – свойства, определяющие возможность достижения субъектом высоких количественных и качественных показателей;
- 3) мотивационная готовность к реализации той или иной деятельности (высокая мотивация может значительно компенсировать недостаточный уровень развития других ПВК);
- 4) анти-ПВК – свойства, выступающие противопоказаниями к той или иной деятельности.

Одно и то же профессионально важное качество может выступать либо как ведущее, либо как базовое, либо как и то и другое одновременно [3]. Следовательно, любая деятельность невозможна без определенных профессионально важных качеств, то есть всякая деятельность требует наличия у профессионала определенной совокупности ПВК.

Таким образом, структура профессионально важных качеств может рассматриваться как сложное и внутренне дифференцированное системное образование, детерминирующее успешность освоения и выполнения трудовой деятельности.

Выделяют ряд профессионально важных качеств, без которых невозможно осуществление профессиональной деятельности сотрудником органов внутренних дел. Причем эти качества формируются у него в ходе профессионального обучения либо в ходе выполнения профессиональной деятельности, либо даны ему изначально, но их развитие идет по мере его профессионального становления. К ним относятся [16]:

- наблюдательность и внимание (способность видеть малозаметные изменения; устойчивость, концентрация и распределение внимания; хороший объем внимания и др.);

- эмоциональные и волевые качества (эмоциональная устойчивость и самообладание; упорство в преодолении возникающих трудностей; высокая активность; ответственность; самокритичность и др.);

- интеллектуальные качества (умение выбрать из нескольких вариантов решения наиболее оптимальный; умение принять решение при недостатке информации; способность определить объем информации, нужный для принятия решения, и др.);

- коммуникативные качества (умение найти целесообразную форму общения в зависимости от ситуации; способность согласованно действовать с другими сотрудниками и др.);

- качества памяти (хорошая развитая зрительная, моторная и двигательная память; способность в течение длительного времени удерживать в памяти большое количество информации и др.);

- моторные качества (умение быстро действовать в условиях дефицита времени; быстрая реакция на неожиданные слуховое или зрительное воздействие и др.).

А.М. Столяренко считает, что для успешного выполнения профессиональной деятельности сотруднику органов внутренних дел необходимы следующие качества [14]:

- профессионально развитое ощущение (повышенная чувствительность к профессионально важным звукам, запахам, чувствительность «бокового поля» и «ночного» зрения);

- профессионально развитое восприятие (зрительное, слуховое, обонятельное и др.);

- профессиональная наблюдательность (умение заметить любые изменения в окружающей обстановке);

- профессиональное внимание;

- профессиональная память (хорошо развитая способность к запоминанию фамилий, адресов, номеров автомашин и др.);

- профессиональное воображение (хорошо развитая способность представлять в уме план города, микрорайона, предстоящие действия и др.);

- профессиональное мышление;

- профессиональный артистизм (способность к ролевому поведению и перевоплощению);

- профессиональная бдительность.

К не менее важным компонентам профессионально важных качеств сотрудников ОВД следует отнести и коммуникативную компетентность – способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми [15].

Коммуникативная компетентность сотрудника ОВД включает личные и технологические компоненты [8].

Личные компоненты – это качества, которые:

- обуславливают своеобразие природных и социальных параметров личности;

- влияют на аналитико-перцептивные, аффектно-регулятивные процессы;

- обуславливают направленность и индивидуально-стилевое своеобразие коммуникативного потенциала личности.

Технологические компоненты включают:

- теоретическую подготовленность (информированность о многообразии коммуникативных возможностей построения контактов с различными категориями граждан, а также лингвистических, социально-психологических аспектов и закономерностей, значимых в профессиональной коммуникации);

- практическую подготовленность (высокая степень освоения разнообразных коммуникативных умений в использовании методов, приемов, средств, которые составляют психотехнологии и психотехники профессионального общения, базирующиеся на умении управлять процессом коммуникации, используя все многообразие коммуникативных средств, методов и приемов).

Коммуникативная компетентность сотрудника ОВД обеспечивается такими личностными качествами, как способность устанавливать и поддерживать эмоциональные контакты с различными участниками общения; умение понимать эмоциональное состояние собеседника, его психологические особенности и мотивы поведения; доброжелательное и вежливое отношение к людям; умение слушать и слышать участника общения; умение эмоционально отзываться на переживания собеседника – эмпатийность; свободное владение вербальными и невербальными средствами общения; умение выбирать соответствующую линию поведения в конфликтных ситуациях; самоконтроль над эмоциями (умение использовать методы и способы профилактики негативных эмоциональных состояний); адекватная самооценка; чувство юмора [2].

Кроме перечисленных выше профессионально важных качеств, особое место принадлежит умению сотрудников ОВД устанавливать психологический контакт при общении с гражданами, а также с участниками следственных действий. Психологический контакт – это проявление сотрудником ОВД и гражданином взаимного понимания и уважения целей общения, доводов, предложений, интересов, приводящее к взаимному содействию и доверию друг другу [2].

Т.А. Буткова выделяет следующие психологические факторы, которые способствуют успешному установлению психологического контакта [2]:

- психологическая значимость (трудность), объективная (субъективная) опасность того дела, по поводу или в контексте которого сотрудником ОВД делается попытка установить психологический контакт;

- индивидуально-личностные особенности как гражданина, так и сотрудника органов внутренних дел;

- занимаемая гражданином позиция в общении (открытая или закрытая);

- психическое состояние, в котором гражданин находится (эмоциональное возбуждение или подавленность, апатия, страх, гнев);

- психологические особенности обстановки, в которой осуществляется общение;

- психологическая эффективность применяемых сотрудником приемов общения в целях установления психологического контакта;

- выбранный сотрудником стиль общения: авторитарный, агрессивный, неуверенный, пассивный, компромиссный, почеркнуто-вежливый, демонстративный, шуточный, хамский, навязчивый, назидательно-менторский, душевно-располагающий и др. Выбор определенного стиля общения должен быть индивидуальным, иметь неповторимые черты, связанные с особенностями личности и характера общающихся.

Препятствовать установлению психологического контакта, а значит и решению служебных задач, могут следующие социально-психологические факторы, возникающие в процессе общения сотрудника ОВД с гражданами или участниками следственных действий [2]:

- мотивационный (нежелание гражданина в данный момент времени вести с сотрудником откровенный разговор; предубежденность или недоверие к сотрудникам);

- интеллектуальный (проявляется при восприятии сотрудником и гражданином друг друга; обнаруживается из-за различий в их образовании);

- эмоциональный (сказываются отрицательные переживания и чувства, которые испытывают сотрудник и гражданин друг к другу; эмоциональные состояния отдельных лиц, такие как подавленность, раздражительность, невыдержанность, озлобленность, агрессивность);

- волевой (может быть следствием неумения сотрудника ОВД преодолеть негативные поведенческие установки и стереотипы).

К не менее значимым ПБК сотрудника ОВД можно отнести и способность к предупреждению и предотвращению конфликтов и конфликтных ситуаций, возникающих в процессе общения с руководством, коллегами, различными категориями граждан. Данное качество заключается в грамотном и умелом использовании сотрудником ОВД

в определенной конфликтной ситуации одной из стратегий поведения: сотрудничества, компромисса, соперничества, приспособления либо ухода.

Т.А. Буткова считает, что высокий уровень владения сотрудником ОВД способностью продуктивного поведения в конфликте проявляется у него в таком профессионально важном качестве, как конфликтная компетентность, которая означает профессиональное владение предметом конфликта, с учетом соответствующих знаний, умений и навыков специалиста [2].

По мнению Т.А. Бутковой, у сотрудников ОВД можно выделить следующие уровни конфликтной компетентности [2]:

- полное отсутствие конфликтной компетентности (отсутствие умения своими действиями не вызывать конфликтную ситуацию либо не ухудшать конфликтную обстановку, если такая уже есть);
- начальный уровень конфликтной компетентности (умение оказать помощь при урегулировании конфликтной ситуации);
- средний уровень конфликтной компетентности (способность урегулировать существующий конфликт);
- высокий уровень конфликтной компетентности (умение не только урегулировать конфликтную ситуацию, но и предотвратить ее появление; способность эффективно работать с различными видами конфликтов).

Конфликтная компетентность сотрудников ОВД, по мнению Т.А. Бутковой, состоит из следующих компонентов [2]:

- знание современной конфликтологии;
- использование в своей профессиональной деятельности конфликтологических знаний;
- применение в профессиональной деятельности базовых навыков поведения в конфликте;
- использование конфликтологических знаний для предупреждения либо профилактики конфликтов;
- конфликтологическое мышление;
- использование умений работы с различными видами конфликтов.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что профессионально важные качества личности сотрудника ОВД представляют собой отдельные динамические черты его личности. С одной стороны, они являются предпосылкой профессиональной деятельности, с другой – они сами совершенствуются, шлифуются; сотрудник ОВД в ходе профессиональной деятельности изменяет самого себя.

Любая деятельность, в том числе в правоохранительной сфере, реализуется на базе системы профессионально важных качеств. Для успешного осуществления сотрудниками ОВД своей профессиональной деятельности им необходимы хорошо развитые интеллектуальные, волевые, эмоциональные, индивидуально-личностные, коммуникативные, мнемические, психомоторные качества. Эти качества не даны сотруднику в готовом виде, а развиваются в процессе выполнения им профессиональной деятельности.

Литература

1. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности: учеб. пособие. М.: ПЕРСЭ, 2001.
2. Буткова Т.А. и др. Формирование психологической компетентности сотрудников органов внутренних дел: метод. реком. М.: ДГСК МВД России, 2011.
3. Григорьева М.В. Психология труда: конспект лекций. М.: Высшее образование, 2006.
4. Душков Б.А., Королев А.В., Смирнов Б.А. Психология труда, профессиональной информационной и организационной деятельности: словарь. М.: Академический проект «Фонд», 2005.
5. Карпов А.В. Психология труда. М.: Владос-Пресс, 2005.
6. Климов Е.А. Психология профессионала. М.: НПО «МОДЭК», 2004.

7. Клищевская М.В., Солнцева Г.Н. Профессионально важные качества как необходимые и достаточные условия прогнозирования успешной деятельности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1999.
8. Кораблев С.Е. Тренинг развития коммуникативной компетентности сотрудников правоохранительных органов: учеб. пособие. М.: ЦОКР МВД России, 2009.
9. Маркова А.К. Психология профессионализма. Самара: АСВТ, 2004.
10. Поздняков В.М., Реуцкая И.Е. Проблемы в профессионально-личностном росте руководителей органов внутренних дел и психологическая помощь при их разрешении: науч.-практ. пособие. М.: ВНИИ МВД России, 2005.
11. Романова Е.С. 99 популярных профессий: психологический анализ и профессиограммы. СПб.: Питер, 2003.
12. Соколова А.С. «Профессионально важные качества» и «профессиональная компетентность» как детерминанты профессиональной успешности // Среднее профессиональное образование. 2010. № 7.
13. Шадриков В.Д. Проблемы профессиональных способностей. М.: Инфра-М, 2002.
14. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003.
15. URL: <http://www.mirslovarei.com>
16. URL: <http://www.psychologylib.ru>

УДК 378.147

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ СОДЕРЖАНИЯ ДИСЦИПЛИН ГУМАНИТАРНОГО ЦИКЛА В ЦЕЛЯХ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ СОТРУДНИКА ОВД В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Юлия Георгиевна Кожина, заведующий кафедрой Дальневосточного юридического института МВД России кандидат педагогических наук, доцент

E-mail: Cozhina.iulia2011@yandex.ru

В статье анализируется практический опыт использования ресурсов содержания дисциплин гуманитарного цикла. Профилактика профессиональной деформации сотрудника ОВД в процессе обучения в вузе рассматривается в аспекте усвоения будущими полицейскими навыка эффективного культурного взаимодействия, развития профессионального мировоззрения, личностной зрелости, жизнестойкости посредством формирования положительного личностного отношения к базовым ценностям.

Ключевые слова: профессиональная деформация; профессиональное мировоззрение; профессиональная подготовка; гуманистические принципы педагогики; самопознание.

USE OF CONTENT RESOURCES OF HUMANITIES FOR THE PURPOSES OF PREVENTION OF LAW ENFORCEMENT OFFICER'S PROFESSIONAL DEFORMATION IN THE PROCESS OF THEIR TRAINING AT COLLEGES

Julia Georgievna Kozhina, chair head of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Pedagogy, associate professor

The practical experience of using the content resources of humanities is analyzed in the article. Prevention of law enforcement officers' professional deformation in the process of their training at colleges is considered in the context of future policemen's mastering the skill of effective cultural cooperation, the development of professional outlook, the maturity of personality, and resilience by forming positive personal attitude to the basic values.

Keywords: professional deformation; professional outlook; professional training; humanitarian principles of pedagogy; self-knowledge.

Востребованность специалистов с высокими нравственными качествами определяется необходимостью эффективной деятельности полиции. Задача качественной подготовки специалистов для правоохранительных органов определяет важность не только профессиональной подготовки, но и достаточный уровень гуманитарной подготовки, нравственной зрелости, высокой ответственности сотрудника ОВД за принимаемые решения. Профессиональное мировоззрение определяет качество его деятельности, кроме того, отношение общества к полиции во многом зависит от понимания сотрудниками ОВД своего долга.

Организация учебного процесса в вузе МВД России должна обеспечивать как специальную, так и гуманитарную подготовку, соразмерность этих составляющих создаст у будущего специалиста понимание значимости компетенций, связанных с организацией общения, взаимодействия с гражданами в процессе выполнения профессиональных обязанностей. В процессе обучения в вузе должен быть создан механизм, противостоящий профессиональной деформации личности, которой подвержены специалисты данного вида профессиональной деятельности, то есть профилактика профессиональной деформации сотрудника ОВД начинается в процессе обучения в вузе.

Профессиональная деформация личности сотрудников ОВД – это негативное изменение профессиональных возможностей и личностных черт сотрудников, возникающее под влиянием особенностей профессии, на появление профессиональной деформации влияет содержание и организация условий служебной деятельности, приводящие к направленности его профессиональных действий и других поведенческих актов, отрицательно сказывающихся на его профессиональной деятельности [9, с. 6].

Имеется система основных показателей профессиональной деформации [5]. Это предвзятое отношение к объекту служебной деятельности – гражданину или группе граждан, которые выступают в различных официальных юридических ролях, обвинительный уклон (презумпция изначальной виновности); абсолютизация карательно-принудительных мер, вера в их универсальную эффективность; психологические барьеры. Проявляется это также в произвольно-субъективной интерпретации нормопослушного поведения и нормативных регламентов служебной деятельности, злоупотреблении, превышении или неприменении властных полномочий в случаях, предусматривающих их применение; личном установлении недозволенных связей или способствовании им; использовании запрещенных методов, средств, приемов деятельности; злоупотреблении алкоголем; переносе манеры служебного общения, отдельных профессиональных методов и приемов на внеслужебные сферы, во властно-командном тоне, использовании жаргона, речевых штампов, слов и выражений ненормативной лексики, неуместном употреблении профессионального юмора. У личности, склонной к профессиональной деформации, происходят психологические изменения в образе «Я» как системе представления о себе, появляется устойчиво завышенная профессиональная самооценка, болезненная реакция на критику или контроль за своей деятельностью, фиксированная ориентация на собственный опыт, включая презумпцию своей непогрешимости.

Перечисленные характеристики указывают на недостаточную нравственную стойкость личности, то есть профилактика профессиональной деформации должна быть направлена на укрепление нравственного строя личности, расширение ее мировоззрения, адекватность оценки самого себя.

Профессиональная деформация может обнаруживаться в психических процессах, состояниях и свойствах личности, в её социально-психических чертах, проявления в поведении [1, с. 12-22].

Возникновение профессиональной деформации имеет следующие причины: несоответствие индивидуально-психологических характеристик уровню требований, которые предъявлены профессиональной деятельностью; воздействие специфики профессиональной деятельности при длительном профессиональном стаже и, как результат, взаимного влияния служебной деятельности и индивидуальных особенностей личности.

Профессиональная деформация начинается с того, что сотрудник утрачивает истинное представление о нравственном смысле своей профессии. Притупляется чувство профессионального долга, повышается восприимчивость к отрицательным влияниям, в том числе со стороны криминальных элементов.

Сотрудник ОВД, имеющий указанные проявления, не соответствует официально-нравственному портрету современного полицейского, который включает в себя такие принципы деятельности, как соблюдение и уважение прав и свобод человека; законность, беспристрастность; открытость, публичность; общественная поддержка и доверие; взаимодоверие и сотрудничество; использование достижений науки и техники. Имеются и вполне конкретные требования к личности – это реализация законности в деятельности, потребность в истине и справедливости, приверженность свободе и гуманизму. Профессия полицейского имеет специфику деятельности – активное противодействие преступности, использование методов принуждения, ограничение части прав, свобод граждан; негласность ряда мероприятий; конфликтный характер действий; наличие дополнительных прав, способов и средств деятельности; волевой характер и властность действий; необходимость сохранности служебной тайны, соблюдение сроков работы [7]. Таким образом, комплекс задач профессиональной деятельности полицейского создает некоторый «соблазн» для личности в профессии, а значит, необходимо подготовить курсанта к противостоянию этому соблазну.

Под профилактикой профессиональной деформации понимают систему мер, направленных на снижение вероятности предпосылок и проявлений рассматриваемых явлений, в том числе и психологические меры. Это использование в учебно-воспитательном процессе психологического консультирования, психотренировок, социально-психологических тренингов, что дает возможность преподавателям вуза системы МВД России через содержание и формы образования в непринужденной и неформальной обстановке формировать представление о профессиональном поведении и развивать навыки такого поведения.

Использование в учебном процессе этих приемов связано с тем, что любое общение человека с человеком не есть лишь однонаправленный акт воздействия, это всегда процесс взаимовлияния, на основе которого, согласно Б.Г. Ананьеву, лежит взаимопереход поступка одного человека в обстоятельство жизни другого [3, с. 15].

Само обучение несет в себе воспитательный заряд, потому что изучение права уже воспитывает, а практическая деятельность в учебном процессе, стажировки и другие виды служебной деятельности наполняют теоретическое знание примерами и пониманием проблем, которые предстоит решать в процессе профессиональной деятельности.

Главный вид деятельности для полицейского – общение с людьми и взаимодействие с ними. Взаимодействие личностей не всегда проходит бесследно и безопасно для самого субъекта профессиональной деятельности, а нередко ведет к профессиональной деформации сотрудников ОВД, которые часто имеют дело с лицами, преступившими закон, подобное общение часто накладывает определенный отпечаток на личность сотрудника ОВД. Он привыкает вначале оценивать поведение граждан с точки зрения правоохранительных норм, а затем с позиции личностных особенностей, так, например, у части сотрудников бдительность как профессиональное качество перерастает в подозрительность. Такие социальные последствия профессиональной деформации, как циничное отношение к жизни, самоотчужденность, жестокость, опасны для общества.

Кроме того, правоохранительная деятельность обладает повышенным психотравмирующим потенциалом. Экстремальные ситуации в процессе службы нередко закрепляются в виде определенного травмирующего опыта, со временем разрушающего систему психологических защит сотрудников.

Профилактика профессиональной деформации сотрудника ОВД в процессе обучения в вузе может быть осуществлена через укрепление мировоззрения и перевод в жизненные установки действенного гуманистически ценностного сознания обучающихся. Перевод гуманитарных ценностных представлений в разряд смыслообразующих происходит, если человек занимает активную позицию по отношению к ним, эмоционально их переживает. Для получения качественного изменения личности необходимы сопровождение процесса усвоения гуманитарных знаний решением учебных или жизненных задач, ставящих курсанта в ситуацию выбора, его аргументированные обоснования, доказательства своей позиции. Активные формы работы в учебно-воспитательном процессе создают возможность организовать визуальное и образное восприятие процесса усвоения гуманитарных ценностей, возможность сделать анализ демонстрируемого поведения, изучить факторы следования гуманитарным нормативно-ценностным предписаниям [2, с. 14-17].

Современная педагогика высшей школы рассматривает духовно-ориентированный подход как методологическую основу модернизации педагогических технологий, что позволяет по-новому взглянуть на проблему преодоления рисков возникновения деформации. Духовно-ориентировочный подход позволяет изменить направленность преподавания, активизировав внутреннюю мотивацию изучения предметов.

Профилактика профессиональной деформации в процессе обучения в вузе включает, с одной стороны, осознанное избавление от негативных качеств каждой личностью, а с другой стороны, переориентацию в профессии того, кто неправильно ее избрал. Курсант еще не профессионал, но структура его деятельности похожа на профессиональную и дает возможность проявить негативную сторону характера или несформированность отдельных психологических, поведенческих черт личности. В вузе МВД России помощь в этом оказывает психологическая служба, то есть итоги психологических обследований могут помочь и самому курсанту выявить проблемные зоны в освоении профессии и формировании компетенций и помочь руководителям и офицерам-воспитателям принять меры к переориентации в профессии молодого человека.

Организационные и педагогические приемы деятельности могут быть достаточно разнообразны. Это анализ и наблюдение за деятельностью и поведением курсантов в служебной и неслужебной обстановке, планомерное и целенаправленное воздействие на сознание и поведение курсантов в целях формирования заинтересованности; это формирование профессионализма – инструктажи, социально-гуманитарная и специальная психологическая подготовка, разбор причин ошибок в учебно-служебной деятельности и т.п.; это компенсация средствами психолого-воспитательного характера проявления негативных индивидуально-психологических черт и поведенческих реакций.

Профилактикой профессиональной деформации является эффективный комплекс мер воспитательно-предупредительного характера: применение стимулов к повышению образовательного и общекультурного уровня, что способствует усиленной нейтрализации негативных черт характера; организация досуга курсантов, активное привлечение в научные кружки, спорт, художественную самодеятельность, выявление круга общения и влияние на возникновение положительных интересов, мотивов деятельности и учебы, поддержка здорового морально-психологического климата. Психологическая служба может быть привлечена к активной профилактике кратковременных нервно-психологических расстройств, своевременному выявлению конфликтных ситуаций, проведению занятий по усвоению методов самоконтроля, самовоспитания, саморегуляции, обучению активным формам социального обучения через тренинги общения, психологической коррекции акцентированных черт характера [9, с. 16].

Профилактика и преодоление профессиональной деформации личности будущих сотрудников ОВД – это система предупредительных мероприятий, ориентированная на снижение вероятности развития предпосылок и проявлений данного явления. Психолого-педагогическая поддержка в условиях вуза МВД, минимизирующая профессиональную деформированность, должна быть сфокусирована на профилактике и искоренении причин профессиональной деформации, поскольку курсант в силу возрастных особенностей в период обучения в вузе мотивирован к получению профессии, сензитивен к положительным воспитательным воздействиям.

Положительный прогноз развития морально-оправданного поведения сотрудников ОВД для профилактики преодоления морально-психологического проявления профессиональной деформации может быть сделан, если личностью и коллективом проявляется высокая гражданственность, отражающаяся на мировоззрении, устойчивость нравственных убеждений, патриотизм, верность долгу, проявляются высокие нравственные чувства – честь, совесть, честность, добропорядочность, взаимопомощь, взаимоподдержка, общая культура. В период обучения в вузе уже можно судить о профессиональной воспитанности, об ответственности сотрудника за порученное дело, о верности слову, соблюдении законности, дисциплинированности воспитанности (правосознание и правовое поведение), а также о достаточной степени развития таких морально-психо-логических качеств каждого курсанта, как добросовестность, человечность, справедливость, доброжелательность, что является гарантией неуклонного и умелого выполнения всех моральных требований, которые будут предъявлены молодому человеку в профессии.

Содержание дисциплин гуманитарного цикла имеет неисчерпаемые ресурсы для того, чтобы проиллюстрировать общечеловеческие проблемы, их разнообразие, глубину, неоднозначность, нелинейность поведения нравственной личности для решения жизненных проблем. Поистине неисчерпаемым источником является русская классическая литература, в ней отражается понимание сложности жизни и многообразия проявления человеческих компонент, которые демонстрируют отношение к другим людям, ценность чувства личного достоинства, сострадание к испытываемому горю, унижению, тревогам, важность борьбы за права человека, его духовное здоровье, сохранность личной собственности и многое другое.

В текущем году, объявленном Годом литературы в России, когда общественное сознание обращено к традиционным гуманистическим истинам, отразившимся в русской литературе, особенно важно убедить курсантов в необходимости приобщения к литературе на новом возрастном этапе и этапе профессионального становления. Это, безусловно, отразится на нравственном созревании личности, углублении и расширении профессионального мировоззрения.

Опыт проведения лектория «Проблемы юриспруденции в русской классической литературе» показывает, что важно обеспечить связь профессионального знания и его иллюстративного подтверждения в произведениях русской литературы.

Литература – уникальное и универсальное явление, которое представление о жизни, реализованное в литературных образах, делает более реальным и долголетним, чем действительная жизнь. Типизация в творчестве русских писателей доведена до такой степени, что образы, созданные более ста лет назад, кажутся современными. Писатели описывают духовный строй личности в его главных чертах – переживаниях, стремлениях, выборе добра или зла, разочарованиях, любви, горе, радости, которые остаются неизменными во все времена.

Профилактикой профессиональной деформации сотрудника ОВД станет навык и интерес к чтению произведений классической литературы, которая расширит мировоззрение, т.к. представление о мире современного человека соотносится с вневременными критериями, формируется представление о временах и народах, о путях развития России, катаклизмах ее исторической судьбы, углубляется понимание основных гума-

нистических понятий – Родина, народ, свобода, право, долг, честь, совесть, что, несомненно, важно для осознания и иллюстрирования юридических наук.

Для будущих юристов важно знать литературу, судьбы писателей, так как это энциклопедия знаний о человеке. К сожалению, молодые люди часто имеют смутное представление о том, какое профессиональное знание они могут почерпнуть из литературы. Так, например, А.С. Пушкин в своих историко-литературных произведениях сделал исследование «русского бунта, бессмысленного и беспощадного», человека, возглавляющего этот бунт, исследует, каковы черты личности, взявшей на себя роль вожака.

Ф.М. Достоевский исследует человека в крайних обстоятельствах жизни (подготовка к преступлению, совершение преступления, страх изобличения, раскаяние, невозможность существования в такой психологической обстановке). Несомненно, интересными будут для будущего юриста темы исполнения наказания, анализа преступного сообщества как субъекта криминальной деятельности, использование самоубийц в криминальных целях. Л.Н. Толстой ставит читателя в ситуацию, когда нужно сделать выбор в пользу добра или зла. Проявить твердость и ответственность за себя и других. А.П. Чехов является олицетворением гражданского подвига, до сегодняшнего дня только обсуждается вопрос заселения и закрепления населения на Дальнем Востоке, а он сто двадцать лет назад создал «программу народосбережения» в своем труде «Острова Сахалин».

Особую актуальность приобретает сегодня, по прошествии 70 лет со Дня Победы, литература о войне: К.М. Симонова «Живые и мертвые», В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба», произведения А.И. Солженицына. Писатели-фронтовики от первого лица свидетельствуют об ужасах войны, о преодолении врага всем народом, о подвиге каждого. В этих произведениях нет сомнения в том, какую оценку заслуживает фашизм и какой ценой народ его победил.

Не менее важным можно назвать такую сферу воспитания, как «воспитание чувств», что особенно значимо в юности. Если молодой человек будет знаком с лучшими произведениями классиков русской литературы – Н. Лескова, И. Бунина, А. Куприна, И. Шмелева и других, это поможет ему в сложных ситуациях переживания чувства любви, привязанности, разочарования.

Таким образом, привлечение к чтению русской литературы – это качественно иной подход к обучению профессии, но, кроме того, инструмент, который может быть использован для профилактики профессиональной деформации сотрудника ОВД, укрепляя его в правильном, позитивном отношении к себе, людям, долгу, Родине.

Существующая практика учебно-воспитательной работы не является достаточным условием для развития и возникновения мотивации компонентов профессионального мировоззрения, т.е. нельзя считать, что оно сформируется само, надо целенаправленно его формировать, но, к сожалению, не любой учебно-воспитательский процесс этому способствует.

Задача минимизировать возможность профессиональной деформации является гуманистической по сути, поскольку направлена на развитие в человеке лучших качеств, на повышение психологической устойчивости личности. Однако выбираемые меры и способы достижения цели часто являются отражением формального, негуманистического подхода к проблеме, в духе тоталитаристской парадигмы, согласно которой человек представляет ценность не сам по себе, а лишь потому, что является сотрудником [3, с. 11].

Нацеленность учебно-воспитательного процесса в условиях вуза МВД на развитие саморегуляции, самоконтроля – это процессы, посредством которых человек оказывается в состоянии управлять своим поведением в условиях противоречивого влияния социального окружения, в частности, при склонности к навязчивым влияниям, подверженности импульсивным порывам, зависимости от внешних влияний. Необходимость саморазвития личности каждого курсанта очевидна, поскольку только сильная

личность способна противостоять проблемам, которые возникают в практике правоохранительной деятельности.

Воспитание культуры самосознания – это способность выхода из пределов узкого профессионального эгоизма, формирование чувства социальной ответственности, общественного долга, необходимое для данной профессии преодоление духовной лени, освобождение от узкоэгоистичного интереса, умение выстроить позитивное мировоззрение, мировоззрение.

Уровни профессиональной компетентности и проявления дефицита компетентности (по Н.В. Зеленко) определяются так: концептуальный уровень характеризуется недостатком или отсутствием знаний об особенностях профессиональной деятельности, таящих риск возникновения деформации; практико-деятельностный уровень характеризуется отсутствием опыта фиксации начальных проявлений деформационных тенденций; мировоззренческий уровень характеризуется отсутствием внутренней работы самоизменения [6].

Результатом обучения в вузе должна стать воспитанная личность, которая имеет перспективу раскрытия психологического и социального роста на основе выявленных и развитых позитивных новообразований личности, что создает предпосылки для прогнозируемых успехов в дальнейшей ее деятельности. Самовоспитание курсантов должно выступать критерием эффективности взаимодействия субъектов единого воспитательного пространства при непосредственном и опосредованном влиянии образовательного учреждения.

Воспитание гражданской и профессиональной позиции у курсантов предполагает особую организацию образования, так как профессиональное воспитание и профессиональное обучение выступают в единстве общей предметной и гуманитарной подготовки, где соотнесены и соразмерны характеристики потребностно-мотивационной, когнитивной, эмоционально-личностных сфер, молодой человек развивает личностные качества в соответствии с особенностями становления личности в юношеском возрасте.

Использование ресурсов содержания дисциплин гуманитарного цикла в целях профилактики профессиональной деформации сотрудника ОВД в процессе обучения в вузе осуществляется путем педагогического проектирования воспитательских процессов посредством созданных прикладных учебно-воспитательских программ по дисциплинам гуманитарной и предметно-профессиональной подготовки, что способствует формированию более активной жизненной позиции курсантов, готовности их к проявлению гражданственности в общественной и профессиональной жизни, делает их активными субъектами профессиональной деятельности.

Ресурсы содержания дисциплин гуманитарного цикла имеют высокий потенциал для развития профессионального мировоззрения. Мировоззрение служит высшим регулятором поведения и действий личности. Импульс к действию, возникший под влиянием внутренних условий или внешних обстоятельств, соотносится с мировоззренческими взглядами человека и соответственно санкционируется или затормаживается ими, т.е. мировоззрение имеет огромный практический смысл. Оно воздействует на нормы поведения человека, на отношение к труду, к другим людям, на характер его жизненных стремлений, на его быт, вкусы, интересы. Выработка (наличие) мировоззрения – существенный показатель зрелости личности (социальной группы), а искажение мировоззрения под особенностями профессии и есть профессиональная деформация. Мировоззрение не только определяет направленность личности, ее целеустремленность, придавая стойкость и твердость характеру, оно сказывается на всем облике человека, на всей совокупности особенностей поведения и действий [4, с. 28].

Именно к этому должен стремиться учебно-воспитательный процесс вуза системы МВД России в профессиональном воспитании сотрудника ОВД, в предупреждении и профилактике профессиональной деформации при помощи ресурсов содержания дисциплин гуманитарного цикла. Профессиональная готовность сотрудников ОВД к осу-

ществлению своей деятельности возникает, если специалист овладел уровнем общей духовной и правовой культуры, нравственного поведения и профессионального мировоззрения [8, с.14-15].

Литература

1. Борисова С.Е. Профессиональная деформация сотрудников милиции и ее личностные детерминанты: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.
2. Куликова Я.А. Социально-защитные технологии как средство формирования ценностных ориентаций студенческой молодежи в добровольческой деятельности. Тамбов, 2012.
3. Лунина Е. Г. Социально-психологическая поддержка как фактор минимизации профессиональной деформации сотрудников правоохранительных органов. М., 1997.
4. Мариновская И.Д., Тихомиров С.И. Юридическая психология: мат-лы к лекциям. М., 2002.
5. Медведев В.С. Психология профессиональной деформации сотрудников ОВД: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Киев, 1999.
6. Мурзина С.М. Педагогические условия преодоления деформаций профессионально-личностных компетенций учителей в процессе повышения квалификации: дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2012.
7. Рыбаков В.Н. Развитие социально-нравственной направленности личности будущего полицейского в процессе профессиональной подготовки: дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2011.
8. Саблин Д.А. Формирование профессиональной готовности будущих юристов к воспитательной работе с несовершеннолетними преступниками. Оренбург, 2013.
9. Такасаева К.Р. Профессиональная деформация личности сотрудника милиции: сущность и профилактика. М., 2004.

УДК 37.01

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ВУЗАХ МВД РОССИИ

Янина Александровна Павлова, преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: janina.pavlova2012@yandex.ru

В данной статье рассматривается значение исторического опыта при организации профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел в вузах МВД России. Описываются особенности и проблемы современного российского общества, которые обуславливают необходимость улучшения качества профессионального образования полицейских. Проводится сравнительный анализ организации профессиональной подготовки в прошлом и настоящем.

Ключевые слова: история образования; профессиональное образование; содержание профессиональной подготовки.

IMPORTANCE OF HISTORICAL EXPERIENCE EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Yanina Aleksandrovna Pavlova, lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The vital question of addressing to the historical experience during the organization of professional training for law enforcement officers in the law institute of the Ministry of the Interior is considered in the article. The situation and problems of the present-day society of Russia, causing the

necessity of police training improvement are outlined. The organization of professional education today and in the past century is analyzed.

Keywords: the history of education; professional education; content of professional education.

Значение образования для благополучия общества и государства нельзя преувеличить. Изучение истории образования, профессионального в том числе, никогда не теряло своей актуальности, поскольку обращение к опыту прошлых лет позволяет эффективно решать проблемы современности и преодолевать многие кризисные процессы.

Современное российское общество характеризуют такие процессы, как переход от индустриального общества к постиндустриальному, становление гражданского общества и его информационное насыщение и т.д. Каждый из таких процессов, соответственно, влияет на социальный заказ в области образования. Развивающееся профессиональное образование, цель которого заключается в адекватной профессиональной подготовке новых кадров для работы во всех известных сферах человеческой деятельности, работает на будущее общества через развитие личностных качеств, умений и навыков, а также мировоззрения и поведения молодых специалистов.

В условиях посткризисного восстановления экономики нынешнюю оперативную обстановку в России можно определить как достаточно сложную. Серьезные опасения вызывает эскалация криминального насилия, например, отмечен высокий уровень подготовки террористических и других преступных актов с использованием новейшей техники большой разрушительной силы. Отмечается высокий рост хорошо организованных преступлений против собственности и против личности, равно как и преступлений, совершаемых в публичных местах.

По результатам исследования общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, проведенного в 2013 г. Всероссийским научно-исследовательским институтом МВД России, 47% опрошенных граждан боятся пострадать от нелегальных мигрантов и всего 38% чувствуют себя защищенными от посягательств на свою жизнь, здоровье и имущество. Стабильно держится высокий уровень опасений среди населения страны за свою безопасность на дорогах [5, с. 2-3].

К началу 2013 г. был зафиксирован рост уровня нарушений общественного порядка во время крупномасштабных массовых мероприятий, особенно на спортивных аренах. Это связано с неадекватным поведением многих болельщиков спортивных команд и с тем фактом, что совершить преступление в условиях многолюдных собраний намного легче. В связи с этим в Главном управлении по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации МВД России отмечают, что необходимость принимать повышенные меры безопасности и разрабатывать новые тактики действий значительно возросла к началу 2014 г. [3, с. 11].

Научно-технический прогресс, безусловно, способствует развитию человеческого общества, не исключая преступную среду, представители которой проявляют повышенное внимание к современным технологиям как к потенциальным средствам и орудиям преступлений. В связи с этим особый интерес у общества вызывает проблема современной организованной киберпреступности, чьи разветвленные группы быстро вытесняют преступников-одиночек. Деятельность этих групп, отмечает И.И. Беляев, вполне способна нанести непоправимый ущерб не только отдельным гражданам и государствам, но и всему мировому сообществу [1, с. 15].

В целях борьбы с вышеперечисленными и многими другими видами преступлений в территориальных органах внутренних дел на постоянной основе проводится разработка новых методов поиска и документирования информации в телекоммуникационных сетях. Регулярно разрабатываются и внедряются более совершенные технологии

сбора и анализа доказательств. Поддерживается тесное сотрудничество и обмен информацией между отделами полиции.

Успех вышеперечисленных мер в значительной степени зависит от качества профессиональной подготовки кадров полиции, которую обеспечивают образовательные учреждения системы МВД России. Разработка содержания профессионального образования в данных учреждениях основана на требованиях к подготовке специалистов, вошедших в Федеральный государственный образовательный стандарт (специальности 030901 Правовое обеспечение национальной безопасности, 031001 Правоохранительная деятельность).

Этот документ предусматривает все те профессиональные компетенции, которыми должны владеть выпускники вузов МВД России. Например, в области правотворческой и правоприменительной деятельности необходимо владеть навыками работы с нормативными правовыми документами. Для успешной реализации правоприменительной деятельности специалисты должны обладать развитым правосознанием, правовым мышлением и правовой культурой. В области оперативно-служебной деятельности молодые кадры полиции должны владеть такими компетенциями, как способность выявлять, раскрывать и предотвращать преступления, обеспечить законность и правопорядок в обществе, а также безопасность граждан и защиту всех известных форм собственности. Для этого важно не только знание законов и норм права, но и способность выполнять профессиональные задачи в таких условиях, как чрезвычайные ситуации, режим чрезвычайного положения, и в условиях военного времени, умение владеть различными видами современной техники (транспорт, оружие, компьютер), выстраивать отношения с гражданами, способность уважать честь и достоинство личности и поддерживать положительный имидж сотрудника ОВД.

В Федеральном государственном образовательном стандарте также предусмотрены требования к качеству общекультурной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Выпускники образовательных учреждений МВД России должны осознавать цель и значение своей профессии, уметь ориентироваться в современных политических, социальных и экономических вопросах. Большое значение придается способностям специалистов к креативному, логическому и критическому мышлению, умению ясно и грамотно строить свою речь и работать с разными источниками информации.

Руководство образовательных учреждений МВД России учитывает требования ФГОС, чтобы обеспечить адекватное профессиональное образование для будущих специалистов. Однако, как утверждает Л.Н. Глебова, нередки случаи, когда полученные учащимися вузов знания устаревают к моменту выпуска [2, с. 3]. В связи с этим встает вопрос о важности повышения уровня квалификации действующих сотрудников правоохранительных органов на регулярной основе.

Обращение к историческому аспекту разработки содержания профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов тем более актуально сегодня, что аналогичные проблемы уже неоднократно имели место в истории профессионального образования в России. Это историко-педагогическое знание можно считать важным инструментом организации учебного процесса в силу специфики подготовки сотрудников правоохранительных органов. Как утверждает С.С. Желонкин, она заключается в строго ограниченном доступе широких масс к специальным знаниям и обучению [4, с. 43].

Проводимые в области совершенствования профессиональной подготовки специалистов и оптимизации обучения в вузах исследования были сопряжены с тщательным рассмотрением истории профессионального образования. В связи с этим вопросы, связанные с разработкой содержания профессиональной подготовки специалистов правоохранительных органов и ее совершенствованием, привлекают самое пристальное внимание.

Особый интерес представляет вопрос о мерах и методах, применявшихся в первой половине прошлого века для совершенствования профессиональной подготовки сотрудников милиции в условиях сложной оперативной обстановки того времени. Согласно имеющимся историческим данным, особо интенсивный всплеск криминального насилия наблюдался в нашей стране в период становления советской власти (20-е гг. XX в.), а также в военный и послевоенный период (40-е гг. XX в.).

Период с 1920 по 1960 г. можно считать значимым в истории профессионального образования в системе органов внутренних дел по ряду причин. Во-первых, серьезность оперативной обстановки в стране в первой половине прошлого века требовала решить проблему профессиональной подготовки кадров милиции в самые короткие сроки. Во-вторых, разработка содержания профессионального образования и его совершенствование в учебных заведениях милиции осуществлялись в контексте педагогических исследований, проводившихся в области среднего и высшего образования. В-третьих, в этот исторический период произошло становление той системы профессионального образования для работников ведомства внутренних дел, которая в итоге послужила основой для современной системы профессиональной подготовки сотрудников российской полиции.

В результате научных поисков, исследований и апробаций предпочтение было отдано трем основным методам обучения: бригадно-лабораторному методу, методу проектов и производственной практике. Бригадно-лабораторный метод был основан на самостоятельной работе курсантов и слушателей. Они были обязаны научиться применять теоретические знания, полученные на инструктаже и собеседованиях, на макете или в варианте игры. В рамках метода проектов обучающиеся проводили самостоятельное научно-практическое исследование, процесс и результаты которого оформлялся ими в тексте реферата и представлялся в форме доклада или сообщения на конференциях и научных собраниях. В целях приобретения практического опыта правоохранительной деятельности курсанты в обязательном порядке принимали участие в задержании преступников, обысках, допросах и составлении процессуальных документов. Как показал опыт, эти методы позволили решить проблему гармоничного объединения теоретического и практического компонентов в содержании профессионального образования кадров милиции в соответствии с требованиями социальной и оперативной обстановки в стране.

Централизованный характер профессиональной подготовки работников милиции, установившийся в первой половине XX в., обусловил решение таких проблем, как разрозненность и несогласованность содержания учебных планов в образовательных учреждениях милиции. Традиционно в них были предусмотрены разделы общеобразовательной, политической, специальной, физической и военной подготовки.

Общеобразовательный раздел, в который входили такие дисциплины, как русский язык и математика, вводился в содержание учебных планов на протяжении всего периода с 1920 по 1960 г. Главная причина заключалась в низком уровне общешкольного образования среди поступающих. Это, соответственно, мешало усвоению дисциплин из разделов специальной и правовой подготовки.

К проблеме политического и правового компонентов, в содержание которых были включены такие аспекты, как история РКП(б), Советская конституция, политическая экономия и тому подобное, в период с 1920 по 1960 г. приходилось неоднократно возвращаться. Как показал опыт, недостаток внимания к их усвоению неизбежно приводил к снижению уровня дисциплины в органах милиции, что, соответственно, сказывалось на правоохранительной деятельности специалистов.

Специальный раздел учебных планов отличался разнообразием дисциплин и отражал всю многоаспектность правоохранительной деятельности и те изменения, которые происходили в силовых структурах в процессе их реорганизации в первой половине XX в. Например, в связи с учреждением отделов железнодорожной и промышлен-

ной милиции в учебные планы вводились такие темы, как права и обязанности железнодорожной милиции. После упразднения этих отделов учебные планы подлежали переработке.

Отдельное внимание уделялось военной подготовке, поскольку милиция позиционировалась как резервные силы Красной Армии. В связи с этим в содержании профессионального образования работников милиции данный раздел был закреплен в форме определенных дисциплин: строевые приемы и движения с оружием, огневая подготовка, включавшая материальную часть оружия и приемы стрельбы, и т.д.

Благодаря централизованному характеру профессионального образования милиционеров, удалось также обеспечить процесс постоянного совершенствования профессиональной подготовки. Была введена такая форма профессионального обучения, как переподготовка и повышение квалификации сотрудников, которая сохраняется и активно применяется в вузах МВД России в наше время.

В течение четвертого и пятого десятилетий прошлого века наблюдалась тенденция на упрочнение научно-технического отделения в содержании профессиональной подготовки, что способствовало научно-техническому прогрессу применительно к практической деятельности органов. Содержание профессионального образования для слушателей и курсантов в школах милиции и на курсах повышения квалификации обогащалось за счет новых специализаций и профессионально-ориентированных дисциплин. Одновременно кадровая политика менялась в пользу сотрудников с большим практическим опытом и положительно характеризующихся по службе. Все это отмечалось как положительный результат, поскольку способствовало росту эффективности правоохранительной деятельности сотрудников милиции при несении службы на местах.

В силу этого перечисленные выше методы обучения и организации профессиональной подготовки были взяты впоследствии на вооружение руководством вузов МВД в конце XX и в начале XXI в. Например, произошло постепенное возвращение к методу проектов, в котором объединены принципы научности и самостоятельной работы обучающихся.

Принцип классовости при отборе кандидатов на обучение в современные вузы МВД не учитывается. Зато в числе требований к поступающим сохранилась позиция о наличии законченного среднего образования. В связи с этим раздел общеобразовательной подготовки принял форму более расширенного гуманитарного, социального и экономического цикла. Изучение дисциплин, составляющих этот цикл (русский язык в деловой документации, философия, логика, экономика, социология, религиоведение и др.), позволяет курсантам осознать разнородность человеческого общества, алгоритм поведения и выстраивания человеческих взаимоотношений на всех уровнях.

Раздел военной подготовки был упразднен еще во второй половине XX в. Вместо него в современные учебные планы вузов МВД России включена физическая, огневая и тактико-специальная подготовка. Значение этого аспекта в содержании профессиональной подготовки полицейских кадров сегодня нельзя недооценивать. Практический опыт показал, что благодаря этим видам подготовки обучающиеся могут развить способность выполнять профессиональные задачи в условиях чрезвычайных ситуаций.

В тематических планах и рабочих программах современных образовательных учреждений в системе МВД России блок политической подготовки, как таковой, не предусмотрен. Это связано прежде всего с тем обстоятельством, что уровень политизации профессионального образования сегодня значительно снижен. Можно сказать, что он присутствует на уровне идеи патриотического и нравственного воспитания курсантов и слушателей, а также дисциплин гуманитарного и социального цикла, что соответствует требованиям Федерального государственного образовательного стандарта, предъявляемым сегодня к общекультурным компетенциям молодых специалистов. Например, не без оснований считается, что изучение русского и иностранных языков

способствует выработке более высокого качества речи, как родной, так и иностранной. Осваивая языки, курсанты знакомятся с этическими и утилитарными нормами поведения, принятыми в том или ином обществе, выходят на более сложные уровни межкультурной и профессиональной коммуникации, расширяют собственный кругозор. Отличительной особенностью такой дисциплины, как иностранный язык, можно считать то, что воспитательный процесс на занятиях осуществляется в контексте диалога культур – родной и иноязычной.

В плане совершенствования качества профессиональной подготовки иностранные языки также имеют большое значение, в связи с этим, в отечественной педагогике выделяют профессионально-ориентировочную функцию этой дисциплины. Усвоение иностранного языка открывает курсантам и слушателям доступ к новой технической информации, дает возможность оказать помощь иностранцам и, таким образом, углубить и усовершенствовать собственные профессиональные знания.

В содержании современного профессионального образования творческий компонент предусматривается на всех уровнях профессиональной и общеобразовательной подготовки обучающихся в вузах МВД России. В процессе обучения курсанты приобретают способность к нестандартному мышлению и творческому преобразованию действительности. Это достигается в процессе решения учебных задач, связанных непосредственно с их практической деятельностью. Например, урегулирование семейного конфликта, работа с несовершеннолетними и т.д. Вкупе с новейшими техническими средствами и методиками расследования преступлений, в том числе и нового типа, эти качества позволяют повысить уровень практической деятельности новых специалистов.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что актуальность исторического аспекта при организации профессиональной подготовки сотрудников полиции заключается не только в ценности накопленного опыта для решения современных проблем и прогнозирования будущего. Обращаясь к истории, можно четко определить, что процесс совершенствования профессионального образования бесконечен. Кроме того, как показал исторический опыт, уже есть условия и проверенные методы достижения более высокого уровня организации профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел для плодотворного решения соответствующих проблем современного российского общества. На основе исторических сведений и новейших достижений науки и техники возникает возможность ускорить этот процесс.

Литература

1. Беляев И. Стратегия информационной защиты // Российская полиция. 2014. № 3.
2. Глебова Л. Необходимо не выпасть из времени // Российская полиция. 2014. № 9.
3. Демидов Ю. В фокусе внимания – фанаты // Российская полиция. 2014. № 1.
4. Желонкин С.С. Совершенствование системы высшего образования в вузах МВД России в современных условиях // Юридическое образование, наука и практика: взаимодействие и перспективы развития: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. (17-18 июля 2010 г.). Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2010.
5. Результаты исследования общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Профессional. 2014. № 1.

УДК 37.012.3

ФИЛОСОФИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ФРАНЦИИ И США: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Марина Николаевна Зинятова, начальник кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат философских наук, доцент

E-mail: kaf_sgied@mail.ru

В настоящей статье исследуется зарубежный опыт преподавания философии. Предлагается анализ технологической документации, используемой в современной образовательной практике Франции и США. Выводы, сделанные автором в ходе сравнительного анализа зарубежных педагогических технологий, позволяют обозначить перспективные технологические и процессуальные аспекты отечественного философского образования.

Ключевые слова: рациональность; рефлексивная модель обучения; семантика; прагматика; когнитивный уровень обучения; интеллект.

PHILOSOPHY IN THE EDUCATIONAL SYSTEMS OF FRANCE AND USA: COMPARATIVE ANALYSIS

Marina Nikolaevna Zinyatova, chair head of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Philosophy, associate professor

In present article foreign experience of teaching of philosophy is investigated. The analysis of the technological documentation used in a modern educational practice of France and the USA is offered. The conclusions made by the author during the comparative analysis of foreign pedagogical technologies, allow to designate perspective technological and processual aspects of domestic philosophical education.

Keywords: rationality; reflective model of training; semantics; pragmatics; cognitive level of training; intelligence.

В истории нашей страны были периоды, когда философия была данью моде или идеологической и догматической конструкцией. Последнее представляло собой марксистско-ленинское философское учение, несколько десятилетий выступавшее теоретической базой государственной политики, методологической основой научного знания, мировоззренческим базисом не одного поколения.

Когда философия была «учением», «догмой» или «руководством к действию», ее изучали, осваивали и использовали, но вовсе не обязательно понимали в истинном смысле «освоения». Распространенным был миф, что вся «буржуазная философия» подрывает марксизм, является отклонением от философской науки вообще. Нет смысла доказывать, что эта наука содержала в себе резкие черты политики и государственной организации. Наверное поэтому знакомство с философией того времени оставило неопределенные и смутные впечатления у многих, кто ее изучал. В.А. Канке, оценивая отечественную философию XX в., отмечает, что «сталинизм не позволил ей занять ведущие позиции в мировой философии» [7, с. 326].

Наступивший период гласности внес свои коррективы. Марксизм как истина в последней инстанции стал восприниматься анахронизмом. Благодаря глубоким исследованиям удалось «развести» марксистскую философию и коммунистическо-политическую практику, использовавших метод политической стерилизации К. Маркса, отделив Маркса-ученого от Маркса-революционера.

Из спецхранов извлекли издания, находившиеся под запретом, русская религиозная философия оказалась полностью реабилитированной. Благодаря возвращению русской религиозной мысли в отечественную философию современности вошли постулаты о приоритете духовных начал в человеке, идеи об экспликации человека во всемирной истории, исследования различных механизмов античеловеческого «оборачивания» общества и его институтов.

Современная отечественная программа изучения курса философии плюралистична по своему духу. Ее содержание отвечает широкому кругу нетривиальных запросов молодежи, так как в ней органично сочетается всеобщее, как «сокровищница знаний», с индивидуальным. Возможность изучать идеи европейских, восточных, русских религиозных, англоязычных мыслителей предлагает современному российскому студенту серьезный пласт культурного наследия, который предстает перед ним как сложный лабиринт материальных и духовных ценностей, социально-политических и морально-этических норм, теоретических знаний и практических умений.

Вместе с тем, в существующем сегодня плюралистическом содержательном море преподавания философии заложена серьезная опасность – скатиться до эклектики. Чтобы наверстать упущенное, отечественным философам необходимо не только с философско-научных позиций подходить к преподаванию философии, но и с позиций дидактики. Дидактика в данном случае нами рассматривается как разновидность метанауки, позволяющая реализовать дидактические предпочтения и достигать поставленные цели.

В связи с ростом научного знания и разнообразия теорий необходимо концептуальное единство в преподавании современной науки. Обратимся к наиболее значимым трендам мировой философии:

- неопозитивизм – постпозитивизм – английская философия;
- феноменология – герменевтика – философия критической теории;
- структурализм – постструктурализм – постмодернизм.

В качестве критериев оценки указанных трендов предлагается использовать научную рациональность и рафинированную этику, во главе научно-теоретического строя поставить теорию, которая учитывала бы достижения всех философских систем [8, с. 84].

Несмотря на необходимость строгой и четкой философской методологии, философское образование должно быть развивающим, исследовательским. В этом случае философия не будет просто некой суммой знаний, а может стать личным опытом человека.

Способности к абстрактному мышлению развиваются очень рано. Не существует возраста, когда было бы не очень уместно попросить человека привести доводы в пользу своей мысли, своего мнения, даже фантазии. К сожалению, философия включена в программу школьного образования только в виде разделов курса «Обществознание» либо представлена элективом. С точки зрения школьной психологии, в мышлении ребенка и взрослого нет значительной пропасти: есть разница в жизненном опыте, лексическом запасе, информационном балансе. В самой способности к абстрактному мышлению разницы нет. Часто встречаются люди образованные, но не умеющие рассуждать, прогнозировать, мыслить. Без способности сравнительного анализа, противопоставления, умения делать выводы базовые знания и умения человека лишаются необходимого развития. Следовательно, пропедевтика философских знаний и философской культуры мышления уже в детском возрасте становится для современной системы образования необходимостью. В противном случае, у молодого человека формируется мировоззренческая позиция, называемая «тотальным релятивизмом», суть которой состоит в отрицании традиционных культурных ценностей. Возникает вопрос: как приобщить молодое поколение к культуре философского мышления? Каким путем идти к

постижению философского знания? Как сделать категориальный аппарат философии более доступным для восприятия?

В современной методике преподавания философии выделяют два подхода: культурно-информационный и проблемно-деятельностный. Эти подходы представляют собой общетеоретические обобщения традиционных («классических») исследовательских методов. В системе российского вузовского образования больше применяется культурно-информационный подход, где внимание уделяется истории философии, классическим текстам. Эта традиция заложена классиками философии – И. Кантом, Г. Гегелем. Проблемно-деятельностный подход предполагает непосредственное философствование. Такая методология представлена в трудах М. Бубера, А. Лосева, М. Мамардашвили. Чтобы плюрализм в преподавании философии не стал периферией, очень важно изучать зарубежный опыт.

Единственной страной, в которой преподавание философии в выпускных классах школы обязательно, является Франция. Этой системе уже более двух веков. Ее заложил еще министр образования В. Кузен. В этой стране философии придается историческая значимость в связи с тем, что в менталитете французов органично сочетаются два момента: рациональность, с одной стороны, и институциональность – с другой. С точки зрения К. Малабу, республиканская форма государства и система изучения философии взаимосвязаны [9, с. 81-93]. Французы стремятся уйти от рамочной, узкоспециализированной модели преподавания философии. Безусловно, не все молодые люди сделают эту науку своей профессией, но при таком подходе очевидно одно: она не превратится в информацию к сведению, бесстрастную эрудицию, а может стать компонентом мировоззрения и способом преобразования мира.

В отличие от традиционного (репродуктивного) способа усвоения философии, принятого в отечественной системе образования, французы отдают предпочтение рефлексивной (исследовательской) модели обучения. Курс философии выстраивается как концептуальный анализ вопросов, историко-философские этюды выступают сопровождением. Обзор учений философов – фрагментарный. Акцентуализация понятийного аппарата той или иной философской традиции налицо. Главная цель преподавателя философии заключается в том, чтобы обучаемый овладел понятиями, представленными традицией, и был способен реактивировать их в актуальном мышлении. Подобная методика обучения позволяет рассматривать понятия как наипростейшие концептуальные формы теории, учит студента видеть отличие элементарных понятий от производных, убеждает, что понятия не являются абстракциями, идеализацией. Такая подготовка не выводит за пределы научной теории, а научение философствованию строится в соответствии с одним из главных методологических принципов – принципом научной актуальности.

Во Франции, как об этом свидетельствуют учебные программы, не опасаются, что студенты не обладают достаточными знаниями для усвоения сложных теорий. Это позволяет не скатиться до уровня элементарщины в результате отказа от принципа научной актуальности, а также учит студентов держать в поле своего внимания образцовую теорию.

Интересно, что и первоисточники изучаются с целью прояснения понятий, вводимых в философскую систему тем или иным философом. Знакомство с авторами, их жизнью, судьбой – не главное, более того, сдвигается на периферию.

Ставка на изучение понятия в обучении философской науке – традиция, берущая начало в философской пропедевтике Г. Гегеля, объясняющего, что «...нельзя мыслить, не имея мысли, нельзя понять, не располагая понятиями. Научиться мыслить можно лишь в том случае, если в голове есть мысли, а понимать лишь тогда, когда в голове есть понятия...» [3, с. 329].

Французы считают, что учащийся должен сам научиться рассуждать, должен испытывать способность к самостоятельной мысли. Поэтому в методике преподавания

философии стремятся учить не пересказывать курс, изученные вопросы, проблемы, а давать собственный анализ. По этой же причине достаточный удельный вес среди разнообразных форм обучения занимают письменные работы разных жанров: от контрольных до эссе. Именно письменные работы позиционируются как попытка рационализации, анализа изучаемой проблемы.

Перейдя в предметную плоскость, обратимся к учебным программам. Несмотря на кажущееся разнообразие, структурно они включают в себя обязательно два больших раздела: «Понятия» и «Авторы». Изучение философии как раз и заключается в том, чтобы усвоить ее категориальный аппарат и проработать первоисточники. Список первоисточников достаточно широк и включает философов от античности до современности. Не идеализируя французского студента в плане упорства при чтении античных авторов, заметим, что наряду с учебниками и учебными пособиями большую роль играют хрестоматии.

Несомненный интерес в связи с этим представляют концепции французских теорий учебника по философии, где явно прослеживается нетривиальная связь философии и дидактики. В чем она выражается? В том, что в концептуальном отношении философские теории превалируют над дидактическими.

Более того, французские ученые считают, что концептуальная связь философии и дидактики имеет векторный характер, поэтому менять их местами непозволительно.

В XX в. наиболее авторитетными направлениями французской философии стали структурализм (К. Леви-Стросс), постструктурализм (М. Фуко, Ж. Деррида), постмодернизм (Ж. Лиотар, Ж. Делез). Дидактические ориентиры вышеперечисленных теорий представлены в программах университетского обучения разными дидактическими единицами.

В структурализме – это выделение научных законов в качестве структур, использование возможностей языка. Постструктурализм признает работу в малых группах, варьирование дискурсов и их непрямую деконструкцию, воспитание инициативности, интертекстуальность. В постмодернизме культивируются методика малых рассказов, языковые игры, апологетика многообразия, эстетизация образования. Виды практических работ делятся на сочинения и комментарии текста.

Чтение философских текстов направлено прежде всего на формирование умения комментировать прочитанное: выявлять важные вопросы, содержащиеся в тексте, сопоставлять мышление философов на одну тему. В качестве примера можно привести следующее задание: выяснить позиции Платона и Аристотеля по вопросу о том, что такое справедливость.

Текст для комментирования предлагается достаточно короткий (около 30 строк). Учащемуся необходимо выделить главную идею, раскрыть ее эволюцию, показать, как она трактуется. Подобный метод обучения учит реконструировать различные этапы хода рассуждений философа, расшифровать философские понятия, авторские идеи.

Одним из лучших методов преподавания философии французские специалисты считают диалог – обсуждение, в котором можно оттолкнуться как от историко-философского текста, так и от реальных, повседневных проблем, волнующих современную молодежь. Актуализация сократовского метода позволяет от будничных, прагматических вопросов перейти к экзистенциальным проблемам, проблемам человеческого существования. Таким образом, майевтика Сократа оказывается по-прежнему незаменимой, так как позволяет сформировать у учащихся правильный подход к пониманию роли философии в современном мире.

Не секрет, что молодежь XXI столетия, независимо от национальности, недостаточно образованна в области классической культуры, но хорошо владеет медиатической культурой, ее приоритетом становится не логос, а миф. Французский философ-постмодернист Ж.-Ф. Лиотар назвал процесс перевода знания в информацию, слова – в образ «экстериоризацией философского знания».

В целом стиль обучения философствованию во Франции сегодня, на наш взгляд, сохранил главную преференцию экзистенциализма (Ж.-П. Сартр, А. Камю) – «ответственность за свободу» и одновременно развил «этику заботы о себе», принадлежащую автору теории дискурсивных практик М. Фуко. Последнее свидетельствует об эволюционизировании французского философствования в сторону прагматики, несмотря на призыв Ж. Дерриды, великого мыслителя современности, к европейцам взять на себя ответственность за будущее Европы, оказавшейся перед угрозой терроризма.

Как и во всем цивилизованном обществе, в философии XXI в. случился прагматический поворот. Сфера гуманитарных знаний подверглась концептуальной перестройке: семантика уступила дорогу прагматике. Процесс вполне закономерный, если учитывать то обстоятельство, что мы живем в прагматическом обществе и в прагматическую эпоху.

Философия прагматизма активно начинает развиваться в англоязычных странах в середине XX в. Один из основателей аналитической философии Л. Витгенштейн стал определять значение слова в практическом ключе, Дж. Остин – выпускник Оксфорда, развил теорию речевых актов, которые имеют прагматический характер. Р. Монтегю первым начал обсуждать логическую прагматику.

Наиболее яркую форму прагматизм приобрел в философии американских мыслителей Дж. Дьюи, М. Липмана. Дидактическим выражением их идей стала проблемно-деятельностная модель философского образования, принятого в США. Она представляет собой серьезную систему программ, детально разработанных и реализуемых в учебных заведениях разного уровня. Главным достоинством модели является ее открытость в смысле коррекции и адаптации к современным культурным контекстам. Ее позитивное восприятие объясняется практической эффективностью. Философский тренинг, начинаемый еще в школьный период, способствует, как показывают исследования, хорошей подготовке студентов к обучению в колледжах и университетах [12, с. 19].

В отличие от семантической парадигмы французского философского образования, в университетском обучении США акцент сделан на развитии навыков разумного мышления и поведения с тем, чтобы получить разумных граждан, разумных партнеров в бизнесе и деловой сфере.

Если во французской модели обучения философии первоисточники изучаются с целью прояснения понятий и формирования умения комментировать текст, то в американских программах жизнь, судьба, споры мудрецов между собой – всего лишь материал к сведению. В этом случае исчезает авторитарность философского наследия, подчинение авторитетам, догмам. Другими словами, создается пространство для свободного поиска. Следует отметить высокий когнитивный уровень обучения, так как используются формы и методы, направленные на развитие целой гаммы когнитивных чувств: воображения, восприятия, представления.

Одним из ведущих методов обучения является метод моделирования. Приоритет отдается не лекционным курсам, а семинарским и практическим занятиям, как правило, превращаемым в открытые и живые дискуссии. Таким образом, процесс передачи знаний носит транзитивный характер, а не информационный, как это принято в российской модели обучения.

В отличие от французских педагогических технологий, достаточно прагматично выстраивается система знакомства с философскими категориями и понятиями. Французский студент должен овладеть понятиями с целью реагировать их в актуальном мышлении. В американской системе мы наблюдаем операционализацию понятий посредством упражнений и других видов деятельности обучаемых. Цель – преодолеть бессодержательность мышления, разрыв между мыслью и ее воплощением в словах. Студентов учат посредством изучения понятий определять фундамент собственных представлений. Операционный подход помогает увидеть, как работают понятия.

С целью развития социальных импульсов поощряется диалог в учебной аудитории. Майевтика Сократа, от которой не отказались французы, остается востребованной, так как готовит молодых людей к сотрудничеству в практике исследования и в присвоении его результатов. Отсюда очевидно преимущество университетских преподавателей – владение искусством делегировать студентам функции вести обсуждение изучаемой проблемы. В этом случае преподаватель становится модератором – управляющим образовательным процессом.

В организационную структуру образовательного процесса наряду с модератором включены и другие службы: академические консультанты, кураторы образовательных программ, тьюторы, преподаватели-фасилитаторы.

В преподавании философии особенно велика роль преподавателей-модераторов и фасилитаторов. В первом случае обучаемому помогают раскрепоститься, выявить скрытые возможности и нереализованные умения и навыки. Посредством специальных педагогических приемов, техник организовывается процесс свободной коммуникации, обмена мнениями. Все это работает на раскрытие внутреннего потенциала студента, ориентирует на кооперацию, исключает формальный контроль.

Понятие «фасилитатор» впервые вошло в научно-педагогический обиход в рамках гуманистической психологии в значении «содействующей». Это особый стиль педагогической деятельности, не ставящей жестких конкретных целей, руководствующейся основной ценностью – интересами развития личности студента. Следует отметить, что такой стиль предъявляет высокие требования к преподавателю, его уровню подготовки и образования. По этой причине фасилитаторов насчитывается не более 10% от общего числа преподавателей и учителей.

Наиболее интересным является тот факт, что о феномене «фасилитирующего общения» писали еще отечественные философы середины XX в. У Н. Бердяева – это идея «коммунотарности личности», освобождаемой и осуществляемой в творческих актах человеческой самореализации [1, с. 18].

Активно применяемое в педагогике англоязычных стран фасилитирующее общение обуславливает такой характер межличностных и деятельностных контактов педагогов и студентов, при котором реализуются психолого-педагогические механизмы внушения, заражения и подражания. Применительно к преподаванию философии речь идет о рефлексивном общении, актуализирующем потребность личности в самоанализе, в самоидентичности.

В образовательных учреждениях Франции поиск новых организационных структур также носит активный характер и направлен на обеспечение качества реализации основных образовательных программ.

Рефлексивное общение способствует развитию рефлексивного мышления. Американская педагогика исходит из утверждения, что рефлексивное мышление способно вводить личность студента в состояние умственного беспокойства. Развивая рефлексивное мышление в процессе философствования, педагог создает условия для функционирования представлений личности о самой себе и окружающем мире. Многознание само по себе не является мудростью, а владение большим объемом информации не гарантирует правильного суждения. «Память, – пишет Д. Дьюи, – может служить антисептическим холодильником, в котором можно сохранить запас понятий для будущего употребления, но суждение выбирает и принимает то, которое нужно при данной случайности» [6, с. 102].

Все это говорит о том, что мыслительная деятельность человека неоднозначна и ее уровень состоит из совокупности многих факторов. Одним из наиболее важных американские ученые считают интеллект. Не случайно значительный объем в формах контроля знаний отводится тестированию с целью проверки интеллектуальных способностей студента.

Американская методика в области составления тестов строится в основном по принципу вопросов образовательного характера, стандартизированных заданий с жесткой структурой. Она направлена на оценку быстроты реакции обучаемого и его способности переключаться с одного вида деятельности на другой. Во французской методике подготовки тестов, в силу приверженности классической модели образования, больше используются тесты, позволяющие определить не столько уровень развития интеллекта, сколько сам интеллект как таковой, что позволяет определить преобладающий тип мышления, методологию поиска решения поставленной задачи, умения оперировать понятиями. В этом случае речь идет о тестах креативного, интуитивного характера, где оценивается не скорость, а способ решения предлагаемой задачи, нестандартность мышления, эффективность подхода – все то, что помогает оценить не просто образовательный уровень, а философские способности человека.

В современном российском образовании методика проверки интеллектуальных способностей посредством тестирования за достаточно короткий период заняла привлекательное положение. Излишне оспаривать ее продуктивность в плане проведения массовой проверки знаний учащихся. Если же речь идет о правильно организованном философствовании, не следует забывать, что сама концепция интеллекта до сих пор представляется в науке весьма спорной. Что именно считать интеллектом: способность в короткие сроки решать большое количество сложных задач или способность найти нетривиальное решение? Философская трактовка данного понятия подчеркивает специфически человеческую психическую деятельность. Способность оперировать абстрактными символами и отношениями – это только одна сторона интеллекта. Не менее важной для философского интеллекта является база конкретного мышления. Если мы стремимся правильно организовать обучение философствованию, необходимо учитывать обе стороны интеллекта, во всей совокупности связей. Следовательно, педагогический инструментарий должен включать в себя широкую палитру форм, методов, видов, способов обучения, включая систему тестов как промежуточного, так и итогового контроля знаний.

Современное научное знание трансдисциплинарно. В качестве навигатора в мире знаний учебник по-прежнему не имеет альтернативы, потому что знаниям необходимо упорядочиваться. В академической науке эту функцию выполняют монографии и научно-аналитические обзоры, где материал обобщается, интегрируется, но упорядочение носит локальный характер. В учебнике меньше произвольности и в определенной степени больше концептуальной основательности.

Сегодня отношение к учебнику в зарубежной дидактике неоднозначное. В проблемной педагогике американского ученого Дж. Дьюи и в вальдорфской школе Р. Штейнера отрицают необходимость учебников на том основании, что в них невозможно выразить проблемность, ситуативность человеческого бытия. Считается, что правильно подобранная литература вполне может заменить учебник.

На наш взгляд, умаление роли учебника в современном образовании – следствие распространенного среди ученых синдрома научного фундаментализма. В контексте вышесказанного обращает на себя внимание американский опыт, где в научных обзорах по общественным наукам, как правило, наряду с научными монографиями присутствуют учебники. В российской реальности такое встречается достаточно редко. Более того, в США высокой оценки заслуживают книги, которые удовлетворяют критериям и монографии, и учебника. Например, «Теория справедливости» Дж. Ролза несколько десятилетий изучается в университетах в качестве учебника.

Очень полезно взять на вооружение также опыт построения учебников. Французы, например, очень детально прописывают историческую часть, применительно к философии, это – экскурс в историю философской мысли. Американцы не уделяют ей должного внимания, но в логическом отношении их учебники более безупречны.

Значительно больше возможностей для выражения различных форм представления концептов имеет электронный учебник по сравнению с традиционным. Немаловажно, что использование компьютеров сегодня определяет состояние современной молодежной культуры. Несмотря на это, традиционный учебник еще рано сдавать в архив. Текст на бумаге по-прежнему остается основной формой представления концептуального содержания любой науки, в том числе и философии.

Рассмотренный в статье зарубежный опыт преподавания философии свидетельствует о том, что больший эффект дает исследовательская (рефлексивная) модель обучения. В отличие от традиционного (репродуктивного) способа усвоения философского знания, данная модель более созвучна духу философии и открывает короткие и четкие пути к постижению ее предмета. Философское знание усваивается посредством активного философствования.

Литература

1. Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философа. Автобиография. М., 1991.
2. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социальной и экономической науке // Избранные произведения. М., 1990.
3. Гегель Г. Работы разных лет: в 2 т. М., 1972. Т. 1.
4. Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А.Е. Войскунского. М., 2000.
5. Джеймс У. Введение в философию. М.: Республика, 2000.
6. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления. М., 1997.
7. Канке В.А. История философии: мыслители, концепции, открытия. М., 2005.
8. Канке В.А. Философия учебника: монография. М., 2007.
9. Малабу К. Преподавание философии во Франции: прошлое и будущее // Философские исследования. 1993. № 2.
10. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. М., 2006.
11. Тарасов В.Б. От мультиагентных систем к интеллектуальным организациям: философия, психология, информатика. М., 2002.
12. Философия для детей. М., 1996.
13. Хакен Г. Принципы работы головного мозга. СПб., 2001.

УДК 947.084.51.66351.74(571.6)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ МИЛИЦИИ ПО ОХРАНЕ ПРАВОПОРЯДКА И БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В 1920-е ГОДЫ

Наталья Алексеевна Шабельникова, профессор кафедры Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России доктор исторических наук, профессор
E-mail: nhistorik@mail.ru

В статье рассматривается исторический опыт противодействия преступности в Дальневосточном регионе России в 1920-е гг. Анализируются условия, оказавшие значительное влияние на характер и особенности формирования преступного мира. Дается общая характеристика состояния и динамики преступности. Обобщаются основные формы и методы деятельности правоохранительных органов по охране правопорядка и борьбе с преступностью.

Ключевые слова: преступность; Дальний Восток; Россия; милиция; исторический опыт; контрабанда; наркопреступность; хулиганство; детская преступность.

FAR EASTERN MILITIA'S AKTIVITY FOR PROTECTION FIGHT AGAINST CRIME IN 1920th

Natalia Alexeyevna Shabelnikova, chair professor of Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Doctor of History, professor

In this article the historical experience of counteraction of crime in the Russia's Far East region in the 1920th is considered. The conditions which had considerable impact on character and features of formation of underworld are analyzed. The general characteristic of a state and dynamics of crime is given. The main forms and methods of activities of law enforcement agencies for protection of law and order and fight against crime are generalized.

Keywords: crime; Far East; Russia; militia; historical experience; smuggling; narcocrime; hooliganism; children's crime.

Основой сохранения любого государства является его безопасность. На протяжении многих столетий проблемы безопасности находились в центре внимания историков, правоведов, философов. Великий английский философ Томас Гоббс в своем знаменитом произведении «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного или гражданского», опубликованном около 350 лет назад, обеспечение безопасности определял главной целью государства [6, с. 129]. Подобные взгляды были характерны не только для Гоббса. В VII–XVIII вв., несмотря на различия философско-правовых взглядов, в большинстве европейских стран утвердилась точка зрения, согласно которой главной целью государства является общее благосостояние и безопасность, причем именно государство через систему юридических предписаний и механизм их реализации является гарантом безопасности.

В советский период истории России интересы личности были подчинены интересам общества и государства. В обосновании данной концепции ее авторы исходили из

того, что обеспечение безопасности пролетарского государства направлено на защиту прав и интересов трудящихся. Подобная концепция просуществовала до начала 1990-х гг. В современный период российская государственная политика строится с учетом того, чтобы личность, ее права и жизненно важные интересы были выдвинуты на первое место.

На фоне процессов, происходящих на постсоветском пространстве на протяжении двух последних десятилетий и затронувших все сферы жизни российских граждан, одной из наиболее актуальных продолжает оставаться проблема поддержания общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Обусловлено это прежде всего тем, что отношения в сфере общественного порядка и безопасности наиболее тесно связаны с повседневной жизнью, трудовой и общественно-политической жизнью всех и каждого. Именно поэтому к вопросам нормативно-правовой регламентации форм и методов обеспечения общественного порядка и безопасности в нашем государстве проявляется повышенный интерес. Сегодня стоит задача пробуждения в общественном сознании элементов наблюдательности, своевременного доведения информации до органов внутренних дел. Общественность должна оказывать помощь полиции в сборе сведений о притонах пьянства и наркомании, проституции, о скупщиках краденого, о лицах, незаконно хранящих оружие, взрывчатые вещества, иные запрещенные к обороту предметы, об угонщиках автомашин, экстремистах и о гражданах, вовлекающих несовершеннолетних в антиобщественную деятельность.

В нашей стране и, в частности, на Дальнем Востоке в 1920-е гг. был накоплен значительный положительный опыт деятельности милиции по охране правопорядка и борьбе с преступностью. Тяжелая социально-экономическая обстановка и разруха после окончания гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке, слабый кадровый состав правоохранительных органов, доступность оружия, произвол и беззаконие властей и на этом фоне резкое обострение криминогенной ситуации – во многом схожи с проблемами дня сегодняшнего.

Важнейшим направлением деятельности милиции и уголовного розыска в 1920-е гг. был поиск различных методов борьбы с преступностью, который складывался из следующих составляющих: предупреждение готовящегося преступления; пресечение начавшегося преступления; раскрытие совершившегося преступления и задержание преступника. В 1920-е гг. эти задачи выполнялись путем систематического учета преступных элементов, розыска преступников и производства дознания.

Совершенствование оперативно-следственной работы приводит к необходимости специализации работников милиции и уголовного розыска по отдельным видам преступлений. Так, в рассматриваемый период в Приморском уголовном розыске получил применение метод бригадной системы, в соответствии с которым каждая бригада занималась раскрытием определенного вида преступления. Как видно из отчетов о деятельности уголовного розыска, метод бригадной системы при раскрытии грабежей, убийств и других преступлений был эффективен [16, ф. 802].

С укреплением аппаратов милиции и уголовного розыска на Дальнем Востоке была начата разработка организационных и профилактических мер по борьбе с такими специфическими для региона преступлениями, как контрабанда, конокрадство, наркомания, проституция, детская преступность.

Сложное социально-экономическое положение и особые геополитические условия региона (большая протяженность сухопутной и морской границ, близость Китая) создавали благоприятные условия для значительного развития контрабанды. При этом контрабандой признавалось, согласно Таможенному уставу, во-первых, перемещение (провоз или перенос) какого-либо имущества (товаров, продуктов, предметов и т.п.) через государственную пограничную черту с сокрытием от таможенного контроля; во-вторых, хранение, перемещение и продажа в пределах 21-верстной полосы всех товаров и предметов, в том числе и для личного употребления, а за пределами 21-верстной по-

лосы – если контрабандные товары предназначены для продажи [18, ф. 2422, оп. 1, д. 771, л. 96].

С установлением власти Советов на Дальнем Востоке и запрещением ввоза китайских товаров на русскую территорию изменились способы и методы их провоза, но количество этого товара не уменьшилось. В разоренном гражданской войной и интервенцией Дальневосточном крае производство товаров потребления было низким, а покупательский спрос населения оставался прежним. Контрабандистов привлекал этот регион тем, что огромная, в несколько тысяч километров, граница с Китаем и Маньчжурией, пролегающая по рекам и тайге, была плохо укреплена. В 1923 г. на протяжении 1200 верст сухопутной границы охрану несли только два кавалерийских эскадрона по 12 бойцов и несколько чекистских постов [8, ф. 372, оп. 1, д. 771, л. 96]. Малочисленность пограничных застав, неукомплектованность штатов таможен и органов милиции, слабая заселенность приграничных районов – все это способствовало проникновению контрабандистов в уезды и города и ведению там торговли на черном рынке. Контрабанда ввозилась преимущественно на парусных судах по побережью Амурского, Уссурийского и Петра Великого заливов контрабандистами-профессионалами (русскими, китайцами и корейцами), а также местными жителями [4, с. 35-36].

Для провоза контрабандных товаров на территорию России в Китае формировались целые организации контрабандистов, в которые входили лица как китайской, так и русской национальности. На Дальнем Востоке имели место все виды контрабанды: экономическая, политическая и военная. Контрабанда подрывала основы разрушенной в годы войны и интервенции экономики Дальневосточного края. В сфере торговли она разрушала экономические связи между городом и деревней, обеспечивала создание благоприятной почвы для удержания позиций частного сектора в торговле и значительную утечку за границу реальных ценностей в виде золота и пушнины [7, ф. 166, оп. 1, д. 4, л. 5]. За границу уходило до 90% добывавшегося на приисках золота и 85% пушнины. Угнанные контрабандистами лошади переправлялись в Китай. Занятие контрабандой прочно вошло в жизнь дальневосточного населения и приобрело массовый характер [22, с. 12].

Основными местами сбыта контрабанды являлись прибрежные села, а также золотодобывающие прииски и хлебные районы Дальнего Востока. Например, с ледоставом в северные районы Амурской губернии, где была расположена основная часть золотодобывающих приисков, в начале 1920-х гг. контрабанда ввозилась транспортом до 100 подвод в сопровождении охраны, зачастую вооруженной пулеметами [10, ф. 393, оп. 46, д. 314, л. 438]. О значительных размерах контрабандного движения свидетельствует следующий факт: по данным отчета Гродековского волисполкома за 1924-1925 гг., в общем объеме зарегистрированных преступлений на территории волости 75% составляли контрабандные дела [9, ф. 413, оп. 1, д. 4, л. 15].

В Дальневосточном регионе контрабандная деятельность принимала различные формы: продажа населению товаров коммивояжерами, скупка золота у приискового населения в обмен на потребительские товары, изготовление промышленных изделий из контрабандного материала. Население приграничных районов прибегало к различным ухищрениям: подделывало таможенные пломбы, пересылало в почтовых конвертах контрабандные товары, проносило на себе несколько пар одежды, использовало несовершеннолетних детей при переправке товаров через границу.

Борьба с контрабандистами в 1920-е гг. была возложена на органы милиции, уголовного розыска, таможенные органы и погранохрану. В некоторых случаях к борьбе с контрабандистами подключались и работники ГПУ. Обыски, выемки и аресты совершались в соответствии с «Правилами о порядке производства обысков, выемок и арестов в пределах 22 км пограничной полосы» [11, ф. 137, оп. 9, д. 2]. В Приморье за первые полтора года своей деятельности милиция раскрыла около 2,5 тыс. случаев контрабанды не менее чем на 150 тыс. руб., задержала 115 контрабандистов [15, с. 39, 58]. О значимости

этой работы свидетельствует тот факт, что одной лишь милицией Никольск-Уссурийска за это время было конфисковано у контрабандистов 100 пудов опиума, более 2 тыс. ведер спирта, 400 пудов сахара и более 2 млн штук папирос [23, с. 141].

В сферу деятельности милиции входило не только производство обысков и выемок, а также вручение повесток и объявлений таможенных учреждений, приведение в исполнение их постановлений о конфискации и денежных взысканиях в тех местностях, где отсутствовали таможенные учреждения. Согласно УПК РСФСР 1923 г. (гл. VIII об органах дознания), милиция имела право самостоятельно производить обыски, осмотры, выемки, задержание подозреваемых и осуществлять все действия по предупреждению и пресечению контрабанды. До середины 1920-х гг. органы милиции наравне с таможенными учреждениями и ГПУ вели плановую систематическую работу по пресечению контрабанды. Участие милиции в этой работе определялось в инструкциях, циркулярах, изданных Дальневосточным отделом ДРК, милицией республики и НКВД СССР. Порядок материального премирования сотрудников милиции, обнаруживших и задержавших контрабанду, был установлен постановлением СНК СССР, Положением о таможенной охране, приказами ЦАУ НКВД и отделом управления Дальревкома [19, с. 26, 177]. Для борьбы с контрабандой в сельской местности создавались конные милицейские группы, периодически высылались объезды смешанных местных отрядов от всех органов правопорядка: милиции, ГПУ, таможни, прокуратуры. По большим трактовым дорогам в приграничных районах выставлялись пограничные заставы, в отдаленных от границы местностях – секретные посты сотрудников ГПУ и милиции.

С принятием в 1924 г. Таможенного устава несколько изменились функции милиции и ее взаимоотношения с таможенными учреждениями. Органы милиции освобождались от обязанностей, не вытекающих из их основного назначения, а именно: от всех обязанностей по вручению гражданам повесток, постановлений и объявлений таможенных учреждений, а также от непосредственного взыскания штрафов и контрабандной пени, налагаемых таможенными учреждениями в тех городах и селениях, где они имелись. За милицией оставалась обязанность выяснения личности и имущественного положения лица, задержанного за контрабанду. В тех же случаях, когда помощь милиции требовалась для применения к контрабандистам или нарушителям таможенных правил принудительных мер (обыски, аресты, выемки, продажа имущества и пр.), милиция была призвана оказывать содействие таможенным органам на общих основаниях [7, ф. 481, оп. 3, д. 54, л. 74].

Активная борьба с контрабандой выступала в качестве одного из важных направлений профилактики наркомании, в значительной степени развитой среди китайского и корейского населения. Особенно сильное распространение получило опиокурение – специфический вид наркомании и морфинизм. Кокаинизм имел меньшее распространение и отчасти должен был быть отнесен к наследию, оставленному гражданской войной.

Борьба с наркоманией велась органами милиции и уголовного розыска параллельно и одновременно с борьбой с преступностью, так как, с одной стороны, наркоманы в значительном большинстве являлись мелкими правонарушителями, с другой же – сами притоны наркомании использовались крупным уголовным элементом в качестве своих штаб-квартир и притонов [12, с. 371].

В 1920-е гг. в городах появилось множество тайных (под различными вывесками) притонов наркомании: опиокурильни, морфинилочки, орловки, банковки и пр. Владельцами таких заведений в основном были китайцы и корейцы. Притоны наркомании на Дальнем Востоке значительно превышали число других притонов [10, ф. 393, оп. 78, д. 36, л. 165].

Основным направлением борьбы с наркоманией стала ликвидация притонов. Положительный опыт борьбы с притоносодержателями был у милиции и уголовного ро-

зыска Хабаровска, Благовещенска и Читы. Особый успех в этом направлении имела работа милиции Владивостока, которая проводила регулярные рейды по большим и малым «миллионкам». По одному Приморью за третий квартал 1925 г. было закрыто 152 морфиниловки и опиекурильни, причем только на Владивосток приходилась 1/3. За июль и август того же года было обнаружено 128 притонов. За октябрь-декабрь 1926 г. милицией было раскрыто 50 притонов опиекурения, 6 морфиниловок, возбуждено 6 уголовных дел [14].

Макосеяние и наркобизнес являлись значительным фактором развития хунхузничества, бандитизма и прочей преступности. Наркоманами совершалось 50-80% всех мелких краж, а также убийства и грабежи [10, ф. 383, оп. 52, д. 67, л. 107].

Не менее опасным и распространенным преступлением в 1920-е гг. было конокрадство, тесно связанное с контрабандой и бандитизмом, с которым, начиная с 1922 г., велась планомерная борьба.

Хищением лошадей занимались хорошо вооруженные группы преступников как из числа русских, так и китайцев, проживающих на русской территории либо прибывших из Китая. Нередко кража лошадей переходила в прямой разбой с человеческими жертвами. Лошадей похищали на глазах их собственников, а последних, при попытке защищаться, конокрады грабили и убивали. Профессионалы-конокрады были весьма опасной категорией преступников, распространявшей свою деятельность не только на территорию Дальнего Востока, но и соседние с ней области. Хищение лошадей в столь значительных размерах объяснялось специфическими условиями жизни Дальнего Востока: близость государственной границы, с одной стороны, с другой – отсутствие ее достаточной охраны, что позволяло конокрадам почти беспрепятственно перегонять лошадей за границу, где они сбывались за бесценок или обменивались на спирт и другие контрабандные товары. Конокрады и контрабандисты втягивали в преступные группы беспризорных детей, заставляли их угонять лошадей, с их помощью реализовывали контрабандные товары (чай, сахар, сигареты и пр.) [5, с. 75, 81].

В мае 1923 г. Дальревком ввел в действие Декрет СНК РСФСР от 23 января 1922 г. «О запрещении вывоза лошадей за границу», который устанавливал уголовную ответственность за контрабандный вывоз лошадей за границу. Одновременно на Дальнем Востоке стала применяться «Инструкция по борьбе с контрабандным переводом лошадей через Государственную границу РСФСР», утвержденная в январе 1922 г. совместным постановлением Наркомзема, Наркомвнешторга и ГПУ. С июня 1923 г. Управление милиции Дальнего Востока приступило к разработке практических способов борьбы с конокрадством с учетом особенностей местных условий.

В Амурской губернии обязанности по борьбе с конокрадством наряду с волостными и уездными управлениями милиции выполнял и конный резерв губернского управления милиции. В марте 1923 г. на заседании Амурского губревкома был рассмотрен вопрос «О борьбе с конокрадством, бандитизмом и другими преступлениями в Амурской губернии». Принятое решение предусматривало необходимость привлечения широкого круга общественности к охране общественного порядка и оказания помощи милиции в ее напряженной деятельности [10, ф. 393, оп. 62, д. 314 (3), л. 202]. В районах, наиболее подверженных конокрадству, создавались специализированные группы из работников уголовного розыска и ЧОН [13].

Одним из направлений деятельности органов милиции в предупреждении готовящихся преступлений имела организация охраны общественного порядка. Принимая во внимание малочисленность милиции и сложность задач по борьбе с преступностью, отделом управления Дальревкома был разработан проект о создании в сельской местности в помощь правоохранительным органам института сельских караульных, а в городах – института дворников и ночных сторожей [7, ф. 481, оп. 3, д. 6, л. 28].

Институт сельских и ночных караульных оказал работникам милиции большую помощь в борьбе с конокрадством, хунхузничеством, бандитизмом и другими видами

преступлений. В середине 1924 г. вместо сельских и ночных караульных был создан институт сельских исполнителей. Порядок работы сельских исполнителей определялся Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О сельских исполнителях» и инструкцией НКВД РСФСР от 27 марта 1924 г. «О порядке назначения и деятельности сельских исполнителей» [20].

19 апреля 1924 г. приказом отдела управления Дальревкома Постановление «О сельских исполнителях» было введено в действие на территории Дальнего Востока. Сельские исполнители назначались в целях «успешного и своевременного исполнения сельскими советами заданий по охране общественного порядка, личной и имущественной безопасности, по благоустройству и по развитию общественной самодеятельности» [18, ф.2422, оп. 1. д. 1448, л. 119-120]. В результате принятых мер к концу 1925 г. на всей территории Дальнего Востока насчитывалось около 9 тыс. сельских исполнителей.

Милиции разрешалось привлекать исполнителей к выполнению возложенных на них обязанностей только с ведома сельского Совета, и лишь в неотложных случаях органы милиции могли это делать самостоятельно, обязательно с последующим уведомлением сельского Совета [3, с. 25].

Однако крестьянство в преобладающем большинстве губерний Дальнего Востока, особенно в Амурской губернии, рассматривало несение обязанностей в качестве сельских исполнителей не как самодеятельное проявление своего участия, а как своеобразную трудовую повинность, поэтому работа сельских исполнителей не всегда была эффективна [7, ф. 186, оп. 1, д. 10, л. 17], например, в борьбе с хулиганством. По сравнению с городом, борьба с хулиганством в деревне принимала гораздо более сложную форму, так как наблюдалось полное отсутствие помощи милиции со стороны односельчан. Кроме того, в деревнях практиковалось самогонование, которое также способствовало распространению хулиганства.

Фактором, способствующим развитию преступности в целом и хулиганства, в частности, было большое количество безработных. В 1925 г. в Приморском крае насчитывалось 13 тыс. безработных [9, ф.п. 61, оп. 1, д. 93, л. 91]. В городе Владивостоке Приморской губернии за 1925-1926 отчетный год было привлечено к уголовной ответственности за пьянство 2327 человек, за хулиганство – 137, хранение наркотических веществ – 435, притоносодержание – 204, проституцию – 37 человек [9, ф. 86, оп. 1, д. 7, л. 1].

Для выработки эффективных действий по борьбе с хулиганством в сентябре 1926 г. НКВД РСФСР провел специальное совещание по этому вопросу. На совещании ставилась задача «привлечения общественных организаций и профсоюзов к активному содействию в деле борьбы с хулиганством» [1, с. 7-9]. Участниками совещания было предложено привлекать к работе по борьбе с хулиганством комиссии общественного порядка, которые должны были создаваться на предприятиях, а также сельских исполнителей, дворников и ночных сторожей. Кроме того, в резолюции совещания было рекомендовано предоставить должностным лицам милиции право привлекать граждан к содействию по задержанию сопротивляющихся хулиганов и пьяных. Вскоре после издания этого документа стали создаваться дружины по борьбе с хулиганством.

Принимались определенные меры и для предупреждения самогонования и пьянства. Министерством внутренних дел страны в течение нескольких месяцев 1922 г. разрабатывался законопроект о повышении наказаний за пьянство, тайное винокурение и контрабандный провоз маньчжурского спирта на территории Дальнего Востока [11, ф. 19, оп. 1, д. 53, л. 243].

Постановлением СНК от 26 декабря 1922 г. были созданы необходимые предпосылки для материальной заинтересованности работников правоохранительных органов и населения в борьбе с самогонщиками. В частности, был установлен порядок распределения штрафных сумм, взыскиваемых в судебном и административном порядке за незаконное приготовление, хранение и сбыт спиртных напитков, по которому 50% этих

сумм предназначались для премирования работников милиции, 25% – для вознаграждения лиц, способствовавших обнаружению мест производства, хранения и сбыта самогона, и 25% передавались в доход местных исполкомов [2].

Статистические данные свидетельствуют о том, что среди преступников громадный процент составляли алкоголики. Алкоголизм являлся одним из видов серьезных аномалий в Дальневосточном крае [9, ф. 1119, оп. 1, д. 13, л. 57].

Распространение наркомании и спиртоношества, появление многочисленных притонов создали благоприятную почву для роста проституции. Наибольшее развитие проституция приобрела в портовых городах. Особенно много было японских публичных домов [17, с. 208].

В мае 1923 г. краевой совет по борьбе с проституцией выдвинул через отдел управления Дальревкома вопрос о привлечении органов милиции к работе по борьбе с проституцией, предложив милиции организовать ведение секретной регистрации проституток [18, ф. 2422, оп. 1, д. 1439, л. 8]. На заседании при Управлении милиции Дальнего Востока был поставлен вопрос о предоставлении милиции права в административном порядке, помимо привлечения содержателей притонов к законной ответственности, закрывать сами притоны [18, ф. 2422, оп. 1, д. 1439, л. 15].

Вследствие недостаточности средств, отпускаемых на организацию борьбы с проституцией, а также определенных трудностей в решении социальных проблем (например, невозможность обеспечения женщин работой, жильем и др.) органы милиции обращали внимание «на полную, при существующих мероприятиях, безуспешность борьбы с проституцией» [18, ф. 2422, оп. 1, д. 1439, л. 20].

Таким образом, органы милиции в 1920-е гг. вели борьбу с проституцией «исключительно по линии раскрытия и привлечения к ответственности притоносодержателей» [10, ф. 393, оп. 55, д. 50, л. 11]. Однако, несмотря на рапорта в центр о «полной ликвидации притонов разврата» и «возможности изжить эти негативные явления в жизни советского общества с помощью партийных и общественных организаций» [10, ф. 393, оп. 55, д. 50, л. 13], проблема такого социального явления, как проституция, остается нерешенной на протяжении длительного периода времени.

Сложные условия восстановительного периода способствовали распространению специфического вида преступности – преступности несовершеннолетних. Годы восстановительного периода совпали с новыми испытаниями для государства. Засуха 1921 г., затем неурожай в ряде регионов страны в 1922-1924 гг. породили массовый голод, привели к большой миграции населения, в том числе и детей. Много детей оставалось сиротами вследствие высокой смертности населения и продолжающейся гражданской войны на Дальнем Востоке.

Детская беспризорность была напрямую связана с детской преступностью. В целях борьбы с детской беспризорностью, бродяжничеством и преступностью среди несовершеннолетних в начале 1923 г. на Дальнем Востоке была образована Центральная комиссия по борьбе с детской беспризорностью и преступностью. В губернских городах и уездах были созданы соответствующие губернские и уездные комиссии (губкомнес). В целях борьбы с детской беспризорностью было принято решение всемерно содействовать отделу охраны материнства и младенчества, а также отделу социального воспитания в деле открытия новых домов ребенка, яслей, детских домов, детских садов и площадок [18, ф. 2422, оп. 1, д. 1423, л. 13].

В состав губернских комиссий входили представители губернского отдела народного образования, губернского здравоохранения, губернского суда. Такой же состав имели уездные комиссии. Комиссиям были приданы судебные функции. В их распоряжении имелись приемники-распределители, трудовые колонии, детские дома для беспризорных детей. На основе использования опыта детских трудовых колоний в 1920-е гг. на Дальнем Востоке в системе НКВД стали создаваться новые учреждения – трудовые дома, которые также сыграли определенную роль в перевоспитании подростков.

Приказом начальника ЦАУ НКВД от 20 октября 1923 г. № 61 «О содействии органов милиции уполномоченным деткомиссии ВЦИК» органам милиции было рекомендовано оказывать полное содействие уполномоченным и сотрудникам деткомиссии ВЦИК для оказания помощи беспризорным и больным детям [18, ф. 2422, оп. 1, д. 1423, л. 2]. В августе 1924 г. ВЦИК и НКВД РСФСР приняли Постановление «О мерах по борьбе с детской беспризорностью», выполнение которого возлагалось на органы милиции [21, с. 22]. Сотрудники милиции и уголовного розыска разыскивали бездомных детей, помогали членам комиссий по делам несовершеннолетних решать вопросы направления их в детские дома или передачи на воспитание в благополучные семьи.

В марте 1924 г. пленум Дальдеткомиссии образовал Дальневосточное общество друзей детей (ДОДД). С апреля этого же года было начато создание ячеек ДОДД на местах. На борьбу с детской беспризорностью были мобилизованы комсомол, периодическая печать, общественность, рабочие и школьные коллективы, частные граждане.

Комиссиями по делам несовершеннолетних для сбора средств на приобретение продуктов, вещей, одежды для беспризорных детей, на организацию подсобных хозяйств детских домов, на приобретение оборудования для мастерских, для оказания помощи детям, выпускаемым из детских учреждений, устраивались различные лотереи, проводились специальные «недели ребенка». Работниками милиции и уголовного розыска Дальнего Востока проводилась широкая профилактическая работа по предупреждению детской преступности. Они не только выявляли беспризорных детей, но и старались оберегать их от влияния преступных элементов.

Партийные и комсомольские организации милиции и уголовного розыска проявляли большую инициативу в развертывании на Дальнем Востоке пионерского движения. Например, первые пионерские отряды во Владивостоке, Хабаровске, Никольск-Уссурийске и других городах края возникали при непосредственном участии милицейского комсомола. Милицейские коллективы шефствовали над детскими домами, брали в свои подразделения воспитанников, ставили на все виды довольствия и принимали участие в обучении детей [24, с. 94-95].

В 1920-е гг. органами милиции предпринимается новый подход к несовершеннолетним правонарушителям, сущность которого заключалась в применении к ним не судебных мер принуждения, а мер воспитательного, педагогического характера.

Таким образом, анализируя деятельность милиции по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 1920-е гг., можно сделать вывод о том, что формирование преступного мира на Дальнем Востоке находилось в прямой зависимости от геополитического и экономического развития региона. Особенности Дальнего Востока создавали условия для распространения некоторых видов преступлений, менее развитых на остальной территории страны, а именно: контрабанды, конокрадства, спиртоношения, проституции, наркопреступности и детской преступности. Противозаконная деятельность в Дальневосточном регионе отличалась взаимосвязью различных видов преступлений. Так, контрабанда способствовала распространению бандитизма. Почти все конокрады принимали участие в контрабанде. В свою очередь, контрабанда спиртных напитков и наркотиков (опия) способствовала распространению среди населения наркомании и пьянства, получили развитие притоносодержательство и проституция.

Борьба с преступностью проходила в тесном взаимодействии с таможенными органами и ОГПУ. Были созданы и начали работу центральные и местные органы в виде комитетов по борьбе с преступностью при губернских прокураторах, Дальневосточного областного совещания, советов по борьбе с проституцией и детской преступностью. В практику работы милиции и уголовного розыска наряду с продолжением применения чрезвычайных мер внедряются новые оперативные средства и методы борьбы с преступностью: создание конных резервов и оперативных групп, углубление специализации работы сотрудников уголовного розыска по отдельным видам преступлений; изу-

чение районов совершения различных правонарушений; анализ сведений о количестве притонов; сбор сведений о социальном и количественном составе преступных групп, их руководителях, местах дислокации; устройство секретных оперативных баз в уездах и другие.

Одной из важнейших задач реформирования российского общества на современном этапе является укрепление органов полиции, реальное повышение их роли в осуществлении государственной власти, обеспечении общественного порядка и безопасности в регионах. Для ее успешного осуществления необходимо в полной мере учитывать опыт деятельности милиции на различных исторических этапах развития страны.

Литература

1. Административный вестник. 1926. № 10.
2. Беднота. 1922. 27 декабря.
3. Бюллетень НКВД РСФСР. 1929. № 26.
4. Владивостокская таможня. 1901–2001: краткий очерк истории. Владивосток: Ворон, 2001.
5. Воробьев Р.А. Советская милиция Приамурья (1917-1925 гг.). Хабаровск, 1989.
6. Гоббс Томас. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1998.
7. Государственный архив Амурской области.
8. Государственный архив социально-политической истории.
9. Государственный архив Приморского края.
10. Государственный архив Российской Федерации.
11. Государственный архив Хабаровского края.
12. Два года работы Далькрайисполкома. 1926-1927–1927-1928 гг. Хабаровск, 1929.
13. Забайкальский рабочий. 1925. 6 февраля.
14. Красное Знамя. 1927. 20 февраля.
15. Красный милиционер Приморья. 1924. № 1.
16. Музей УВД Приморского края.
17. Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты: учеб. пособие. Владивосток, 1998.
18. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
19. Сборник приказов Центрального административного управления НКВД – начальника милиции республики. 1926. № 2.
20. Собрание узаконений РСФСР. 1924. № 28.
21. Советская милиция. 1987. № 11.
22. Сонин В.В. Таможенная служба и борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России (1917-1918 гг.) // Таможенная служба Дальнего Востока: прошлое, настоящее, будущее. Владивосток, 1999.
23. Ходасевич А.П. Милиция таежного края. Хабаровск, 1969.
24. Ходасевич А.П. Отблеск истории. Книга очерков о дальневосточной милиции. Хабаровск, 1993.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакцию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также краткие научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

2. Все рукописи статей, поступающие в редакцию журнала, проверяются на уникальность текста с использованием системы «Антиплагиат.ВУЗ». Доля оригинального текста должна быть не менее 70%.

3. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде на CD или по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru или redactor80@gmail.com).

4. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

5. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

Перед подписью автора и научного руководителя (после списка литературы) следует указать: «Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. У авторов нет конфликта интересов, связанных с этой публикацией (если авторов два и более). Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю (не возражаем)».

6. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейных библиографических списков. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна быть перифразом названия статьи, включать малоинформативные формулировки. Библиографический список составляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008.

7. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

8. Статья должна иметь шифр УДК.

9. Технические требования к статьям:

- набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman», размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

- библиографические ссылки внутритекстовые. В квадратных скобках указывается порядковый номер издания, на которое автор ссылается, при необходимости указывается номер страницы;

- название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

10. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей, редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

11. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (размещено по адресу: <http://dvui.ru/rid>). Основными критериями рецензирования являются: актуальность; научная новизна; теоретическая и прикладная значимость; логичность и последовательность изложения; аргументированность основных положений; достоверность и обоснованность выводов. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала в зависимости от результатов рецензирования.

12. Плата за опубликование статей не взимается.

13. Статьи для опубликования направляются в следующие сроки: для первого номера – до 25 января, для второго номера – до 1 апреля, для третьего номера – до 1 июля, для четвертого номера – до 1 октября.